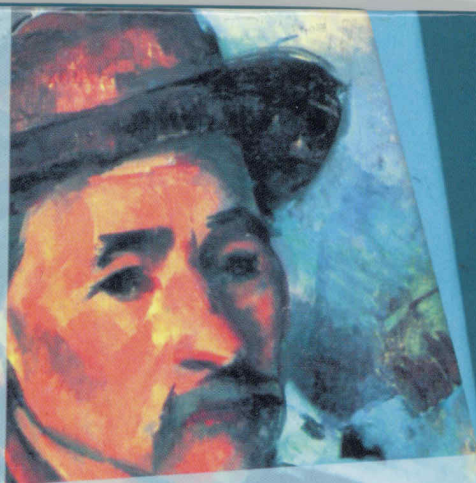

Хорхе Букай

Я хочу рассказать вам о...

Хорхе Букай

Я хочу
рассказать
вам о...

Хорхе Букай

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ О...

АСТ • Астрель
Москва

ВЭИ Владимир

УДК 821.134.2(82)-32:159.9

ББК 84(7Apr)-44

Б90

Jorge Bucay
Déjame que te cuente...

Букай, Хорхе.

Б90 Я хочу рассказать вам о... / Хорхе Букай; пер. с исп. Е. Светловой. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 254, [2] с.: ил.

ISBN 978-5-17-075722-0 (АСТ)

ISBN 978-5-271-37721-1 (Астрель)

ISBN 978-5-226-04343-7 (ВКТ)

Толстяк Хорхе — необычный психотерапевт. Он любит всевозможные басни, притчи, сказки, умные фразы и удачные метафоры, ведь, по его мнению, они в сотни раз лучше запоминаются, чем тысячи теоретических пояснений, психоаналитических интерпретаций или научных подходов.

Как научиться быть самим собой, повысить самооценку и обрести независимость от мнения посторонних? Что делать с необоснованной ревностью и собственническим инстинктом? На эти и многие другие вопросы у Толстяка всегда найдутся ответы, которые помогут расставить все в вашей жизни на свои места.

УДК 821.134.2(82)-32:159.9

ББК 84(7Apr)-44

© del texto, Jorge Bucay, 1999

© Е. Светлова, перевод

© ООО «Издательство Астрель»

ISBN 978-5-17-075722-0 (АСТ)

ISBN 978-5-271-37721-1 (Астрель)

ISBN 978-5-226-04343-7 (ВКТ)

*Моей дочери Клаудии
посвящается*

ПРОЛОГ

В Буэнос-Айресе был светлый декабрьский полдень, и я собиралась на встречу с Хорхе. С моим другом Хорхе. Вроде бы обычный совместный обед, как это уже было много раз. Но сегодня все было по-другому, это была прощальная встреча.

Вот уже довольно давно я ездила в командировки в Испанию в качестве координатора тренингов выходного дня. За это время я так влюбилась в Гранаду, что в конце концов приняла решение переехать туда, по крайней мере, пока не пройдет эта любовь. Именно из-за этого мы прощались за разговорами в китайском ресторанчике.

Сначала мы пообедали, поболтали и выпили кофе... потом снова поболтали. Прошлись и съели по мороженому. А потом снова прогулки и разговоры.

Когда настал вечер, мы крепко обнялись и попрощались ненадолго. Я увозила с собой «Письма Клаудии», первую книгу Хорхе. Как будто увозила с собой кусочек его самого. Эта книга до сих пор со мной, потрепанная и много раз перечитанная, на столике в моем кабинете.

В прошлом оставались долгий жизненный путь и много-много часов совместной работы. Но прошло немного времени (два года?), и я, уже открывшая в Гранаде собственную консультацию, написала Хорхе письмо. Мне пришло в голову пригласить его порабо-

тать со мной как-нибудь на выходных. Ответ не заставил себя ждать, это было «ДА», огромное и безоговорочное, как сам Хорхе. С тех пор один или два раза в год доктор Хорхе Букай приезжает и дарит мне радость сотрудничества.

Благодаря этому мои пациенты познакомились сначала с ним, а затем и с его книгами. По моей просьбе Хорхе привез однажды в чемодане несколько экземпляров «Сказок для Демиана», которые издаются сейчас в Испании под названием «Déjame que te cuente...». Эти книжки расхватывали пациенты и друзья, знавшие, что они у нас есть. Те, кто уже прочел, дали их своим друзьям, а те — своим... Так и возник спрос на эту книгу и вопрос, где ее достать. Поэтому я заговорила с Хорхе о необходимости издать ее в Испании.

Такова предыстория его присутствия в этой стране и той книги, которую вы держите в руках. Все его комментарии и его сказки прекрасны и полезны. Одна из самых моих любимых — это «Крылья даны, чтобы летать». В ней отец говорит: «Чтобы полететь, нужно создать воздушное пространство, где можно их распространить... чтобы полететь, сначала нужно рискнуть».

Хорхе умеет создать достаточное воздушное пространство, умеет рисковать, и, кроме всего прочего, у него чудесные огромные крылья.

*Хулия Атанасопуло
Гранада*

СЛОН НА ЦЕПИ

— Не могу, — сказал я ему. — Не могу!

— Ты уверен? — спросил меня он.

— Да, больше всего мне бы хотелось сесть напротив нее и рассказать о своих чувствах... Но я знаю, что не смогу.

Толстяк уселся в позе Будды в одно из этих ужасных синих кресел его кабинета. Улыбнулся, посмотрел мне прямо в глаза и, понизив голос, как он это делал всегда, когда хотел, чтобы его внимательно слушали, сказал:

— Хочешь, я расскажу тебе...

И, не дожидаясь моего согласия, Хорхе начал рассказывать:

— Когда я был маленьким, я обожал цирк, и больше всего в цирке мне нравились звери. Особенно меня привлекал слон, как я потом узнал, любимец и других детей тоже. Во время представления это огромное дикое животное демонстрировало всем свои небывалые вес, размеры и силу... Но после окончания своего номера и вплоть до момента следующего выхода на сцену слон всегда сидел на цепи, один конец которой был привязан к его ноге, а другой — к колышку, вбитому в землю.

Это была всего лишь маленькая деревяшка, уходившая в землю на несколько сантиметров. И хотя цепь была толстая и прочная, мне казалось очевидным, что такое

сильное животное, способное вырвать с корнем дерево, могло бы легко выдернуть колышек и убежать.

Это до сих пор остается для меня загадкой.

Что же его держит?

Почему он не убегает?

Когда мне было пять или шесть лет, я еще верил в мудрость взрослых. Я задал эти вопросы, не помню, учителю, отцу или дяде. Один из них объяснил мне, что слон не уходит, потому что он ручной.

Тогда я задал совсем уж очевидный вопрос: «Если он ручной, почему его сажают на цепь?»

Помню, я не получил ни одного внятного ответа. Со временем я забыл о слоне и о загадке его цепи и вспоминал об этом только в компании других людей, тоже задававшихся хоть однажды этим вопросом.

Несколько лет назад я обнаружил, что, к моему счастью, кто-то достаточно мудрый отыскал разгадку:

**Цирковой слон не убегает,
потому что он с детства был привязан
к такому же колышку.**

Я закрыл глаза и представил себе беззащитного новорожденного слоненка, привязанного к колышку. Я уверен, что тогда слоненок дергал и тянул изо всех сил, чтобы освободиться. Но, несмотря на все старания, он ничего не добился, потому что тогда кол был слишком прочен для него.

Я представлял себе, как он вечером валился с ног, а наутро пытался снова и снова... Пока в один ужасный для него день он не покорился своей судьбе, признав собственное бессилие.

Этот огромный и мощный слон не убегает из цирка, потому что думает, бедняжка, что не может.

В его памяти осталось это ощущение собственного бессилия, испытанное им сразу после рождения.

И хуже всего, что он больше никогда не ставил под сомнение эти воспоминания.

Никогда больше он не пытался применить свою силу.

— Такова жизнь, Демиан. Мы все немного похожи на слона из цирка: в этом мире мы привязаны к сотням колышков, ограничивающих нашу свободу.

Мы живем, полагая, что «не можем» делать множество вещей, просто потому, что однажды, уже давно, когда мы были маленькими, мы пытались их сделать и не смогли.

Тогда мы поступили, как этот слон, мы занесли в свою память следующую установку: «Не мог, не могу и не смогу никогда».

Мы выросли с этой установкой, которую сами себе и дали, и поэтому больше ни разу не пытались выдернуть колышек.

Иногда, слыша звон цепи, мы бросаем взгляд на колышек и думаем:

Не могу и не смогу никогда.

Хорхе сделал долгую паузу. Потом подошел ко мне, сел на пол напротив и продолжил:

— Вот что с тобой происходит, Деми. Над тобой довлеет память о Демиане, которого уже нет, который не смог.

И единственный способ узнать, сможешь ли ты добиться чего-то, — это сделать новую попытку, вложив в нее всю душу...

Всю свою душу!

ОБЩИЙ МНОЖИТЕЛЬ

В первый раз, когда я пошел на прием к Хорхе, я знал, что он не совсем обычный психотерапевт. Клаудиа, порекомендовавшая мне его, предупредила, что «Толстяк», как она его называла, был «немного специфическим» типом (sic)*.

Мне уже надоела привычная психотерапия, особенно месяцами изнывать от скуки на кушетке у психоаналитика. Вот почему я позвонил и записался на прием.

Мое первое впечатление превзошло все ожидания. Был жаркий ноябрьский день**. Я пришел на пять минут раньше и ждал у подъезда до наступления назначенного мне времени.

Ровно в половине пятого я позвонил.

Раздался писк домофона, я толкнул дверь, вошел и поднялся на девятый этаж.

Подождал в коридоре.

Еще подождал.

Еще немного подождал.

И еще, и еще подождал!

А когда я устал ждать, я позвонил в квартиру.

* Так, таким образом (*лат.*).

** В Аргентине, где происходят описанные события, весна начинается в сентябре и заканчивается в ноябре. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Дверь мне открыл тип, одетый на первый взгляд как на пикник: в джинсах, теннисных туфлях и ярко-оранжевой футболке.

— Привет, — сказал он.

Должен признаться, его улыбка успокоила меня.

— Привет, — ответил я. — Я Демиан.

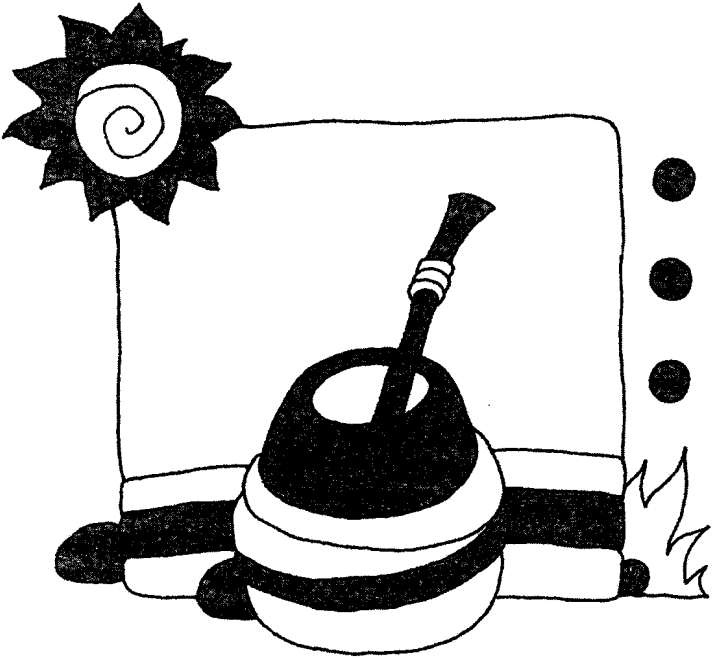
— Да, я так и понял. А что случилось? Почему ты так долго поднимался? Ты заблудился?

— Нет, я поднялся быстро. Я не хотел звонить, чтобы не беспокоить, вдруг у вас в это время был другой пациент..

— Чтобы не «беспокоить»? — передразнил он меня, озабоченно качая головой... и, словно говоря сам с собой, продолжил: — У тебя, наверное, и в жизни все так же складывается...

Я потерял дар речи.

Это была вторая его фраза в мой адрес, и, несомненно, он говорил что-то очень правильное, но...

КАКОВ СУКИН СЫН!

Место, где Хорхе принимал своих пациентов и которое я не осмелился бы назвать кабинетом, было похоже на него: неформальное, неприбранное, теплое, колоритное, удивительное и — к чему скрывать — немного грязное. Мы сели каждый в свое кресло, друг напротив друга, и пока я рассказывал, Хорхе пил мате*. Да, да, он пил мате во время сеанса!

Мне он тоже предложил.

— Хорошо, — сказал я ему.

— Что «хорошо»?

— Хорошо, мате...

— Не понимаю.

— Я соглашусь выпить мате.

Хорхе отвесил мне низкий шутовской. поклон и сказал:

— Благодарю вас, ваше величество, что вы согласились выпить мате... Почему ты прямо не скажешь, хочешь ты мате или нет, вместо того чтобы делать мне одолжение?

Этот человек сведет меня с ума.

— Да, хочу! — сказал я.

И тогда действительно, Толстяк дал мне мате.

* Матé — тонизирующий напиток, наиболее распространенный в странах Латинской Америки.

Я решил посидеть у него еще.

Среди множества других вещей, о которых я рассказал ему, я признался, что что-то со мной не так, потому что у меня трудности в общении с людьми.

Хорхе спросил, откуда я взял, что дело во мне.

Я ответил, что дома у меня проблемы с отцом, с матерью, с братом, с моей девушкой... И следовательно, что-то не так со мной. И вот тогда Хорхе впервые рассказал мне «кое-что».

Со временем я пойму, что Толстяк любит всевозможные басни, притчи, сказки, умные фразы и удачные метафоры. По его мнению, единственный способ понять что-либо, не принимая в этом непосредственного участия, — это воссоздать внутреннюю символическую картину событий.

— Басня, сказка или анекдот, — утверждал Хорхе, — в сотни раз лучше запоминаются, чем тысячи теоретических пояснений, психоаналитических интерпретаций или здравых взглядов на вещи.

В тот раз Хорхе сказал, что у меня, может быть, какой-нибудь сбой, но мои выводы опасны, потому что мое самообвинение не подтверждалось никакими фактами. И тогда он рассказал мне одну из своих историй, всегда от первого лица, и никогда не известно, плод ли они его фантазии или часть его жизни:

Мой дедушка любил выпить.

Больше всего ему нравился
турецкий анис.

Он пил анис, разбавляя его водой, чтобы
снизить градус, но все равно пьянел.

Тогда он перешел на виски,
разбавленный водой, и все равно пьянел.

А еще он пил вино, разбавленное водой,
но все равно пьянел.

Пока однажды он не решил избавиться
от этой пагубной привычки...

и бросил пить... воду!

ГРУДЬ ИЛИ МОЛОКО

Хорхе рассказывал сказки не на каждом сеансе, но почему-то я хорошо помню почти все, услышанные мной за полтора года его психотерапии. Может быть, его утверждение, что это лучший способ обучения, верно.

Я помню день, когда сказал ему, что чувствую себя очень зависимым. Объяснил, как это меня раздражает и в то же время насколько я не могу обойтись без этих сеансов. У меня складывалось впечатление, что восхищение и любовь, которые я испытывал к Хорхе, заставляют меня ловить его взгляд и делают меня слишком зависимым от терапии.

Ты жаждешь знаний,
жаждешь духовного роста,
жаждешь новизны,
жаждешь полета...
Возможно, сегодня
я — та грудь,
которая дает молоко,
утоляющее твою жажду...
Я в восторге от того, что сегодня
ты ищешь эту грудь.
Но не забывай:
питает не грудь...
а молоко!

КИРПИЧ-БУМЕРАНГ

В тот день я был очень зол. У меня было плохое настроение, и все меня раздражало. В кабинете у Хорхе я только и делал что жаловался и был настроен совсем не продуктивно. Я ненавидел все, что я делал, и все, что у меня было. Но особенно я был сердит на себя. Как в сказке Папини*, которую мне прочитал Хорхе в тот раз, я чувствовал, что мне надоело «быть самим собой».

— Я глупец, — сказал я (или, может, это было про себя). — Полный идиот... Мне кажется, я сам себя ненавижу.

— Тебя ненавидит половина населения этого кабинета. А другая половина сейчас расскажет тебе сказку.

Жил-был человек, который везде ходил с кирпичом в руке. Он решил, что всякий раз, когда кто-нибудь привет его в бешенство, он ударит того кирпичом. Этот метод был немного троглодитским, но казался ему эффективным, не так ли?

Как-то он случайно встретился с одним очень высокопоставленным другом, заговорившим с ним грубо. Верный своему решению, человек кинул в него кирпич.

Не помню, попал ли он. Все дело в том, что ему показалось очень неудобным ходить потом за этим кирпичом. Тогда он решил усовершенствовать «Систему Самосохра-

* Папини, Джованни (1881–1956) — итальянский писатель.

нения Кирпича», как он это назвал. Он привязал к кирпичу метровый кусок тонкой веревки и вышел на улицу. Кирпич уже не улетал слишком далеко, но скоро человек убедился, что это имело свои недостатки: с одной стороны, объект его агрессии должен был находиться на расстоянии меньше метра, а с другой — бросив кирпич, приходилось потом сматывать веревку, которая часто запутывалась или цеплялась за что-нибудь, и это доставляло дополнительные неудобства.

Тогда человек изобрел «Систему Кирпич III». Центром был опять же кирпич, но вместо веревки была пружина. Теперь кирпич можно кидать раз за разом, и он сам будет возвращаться, подумал человек.

Выйдя на улицу и услышав первые оскорбительные слова в свой адрес, он бросил кирпич. Но не попал в цель, потому что под действием пружины кирпич вернулся и ударил его прямо по голове.

Он сделал вторую попытку и снова получил удар кирпичом, потому что плохо рассчитал расстояние.

Причиной третьего удара стал кирпич, брошенный не вовремя.

Четвертый стал особым случаем: уже решив нанести удар очередной жертве, он передумал, попытался защитить ее от своего нападения — и кирпич опять угодил ему в голову.

Выросла огромная шишка...

Так никогда и не узнали, почему он ни в кого не попал кирпичом: то ли причиной были полученные им удары, то ли какие-то метаморфозы его настроения. Только все удары он наносил себе сам.

— Это называется механизмом замещения: его суть — в защите окружающих от нашей собственной агрессивности. В каждом случае наша агрессивная

и враждебная энергия не доходит до других, поскольку натывается на барьер, поставленный нами самими. Этот барьер не поглощает удар, а отражает его. И вся наша злость, плохое настроение, агрессия обращиваются против нас и проявляются в саморазрушительных способах поведения (нанесение себе травм, обжорство, употребление наркотиков, неоправданный риск), а иногда в скрытых эмоциях или чувствах (депрессия, чувство вины, соматизация*).

Очень возможно, что какое-нибудь идеальное человеческое существо, просвещенное, здравомыслящее и цельное, никогда не сердится. Нам бы не помешало никогда не злиться, тем не менее, когда мы испытываем ярость, гнев или раздражение, единственный способ избавиться от них — это вывести их наружу, трансформировав в деятельность. В противном случае рано или поздно мы придем к единственно возможному результату: станем злиться на самих себя.

* Соматизация (*психол.*) — развитие соматических (физиологических) нарушений.

ИСТИННАЯ СТОИМОСТЬ КОЛЬЦА

Мы говорили о том, что люди нуждаются в признании и высокой оценке окружающих. Хорхе объяснил мне теорию растущих потребностей Маслоу*.

Нам нужны уважение и высокая оценка других людей, чтобы выработать соответствующую самооценку. В тот период я жаловался на отсутствие искреннего одобрения моих поступков со стороны родителей, на недостаток внимания со стороны друзей и невозможность добиться признания в профессиональной сфере.

— Есть одна старинная история, — сказал Толстяк, передавая мне мате, чтобы я его приготовил, — об одном юноше, обратившемся за помощью к мудрецу. Ваши проблемы очень схожи.

— Я пришел, учитель, потому что чувствую себя таким никчемным, что у меня просто руки опускаются. Мне говорят, что я ни на что не гожусь, все делаю плохо, что я неуклюжий и недалекий. Как мне стать лучше? Что мне сделать, чтобы меня больше ценили?

Учитель, не глядя на него, сказал:

* Маслоу, Абрахам (1908–1970) — американский психолог, автор теории «мотивации личности».

— Как жаль, что я не смогу помочь тебе. Сначала мне нужно решить свою собственную проблему. Возможно, потом... — И, сделав паузу, добавил: — Если бы ты захотел помочь мне, я бы закрыл эту тему быстрее, а затем, может быть, смог бы оказать помощь тебе.

— С-с удовольствием, учитель, — пробормотал, запинаясь, юноша, снова убедившись, что им пренебрегают, а его просьбы откладывают на потом.

— Хорошо, — сказал учитель. Он снял кольцо с мизинца левой руки и, протянув его юноше, добавил: — Возьми коня, который стоит за дверью, и скачи на рынок. Мне нужно продать это кольцо, чтобы заплатить долг. За него нужно выручить как можно больше, но минимальная цена — одна золотая монета. Поезжай и возвращайся с деньгами как можно скорее.

Юноша взял кольцо и уехал. Как только он попал на рынок, он начал предлагать кольцо торговцам, которые разглядывали его с интересом, пока юноша не говорил, сколько он просит за него.

Услышав о цене в одну золотую монету, одни смеялись, другие поворачивались к нему спиной, и только один старик был настолько любезен, что взял на себя труд объяснить ему, что золотая монета — это слишком ценная вещь, чтобы отдать ее за какое-то кольцо. Желая помочь юноше, кто-то предложил ему серебряную монету и медную посудину, но он строго следовал инструкции не продавать меньше чем за одну золотую монету и не согласился.

После того как юноша предложил купить это кольцо всем, кто встретился ему на рынке, а их было больше сотни, огорченный своей неудачей, он сел на коня и вернулся обратно.

Как бы ему хотелось иметь золотую монету, чтобы отдать ее учителю, освободить его от хлопот и получить наконец его совет и помощь.

Юноша вошел в комнату.

— Учитель, — сказал он, — мне жаль, но невозможно выполнить твою просьбу. Может быть, я бы получил за кольцо две или три серебряные монеты, но не думаю, что мне бы удалось обмануть кого-либо по поводу истинной стоимости этого кольца.

— То, что ты сказал, очень важно, мой юный друг, — ответил учитель, улыбаясь. — Сначала мы должны узнать истинную стоимость кольца. Садись снова на коня и скачи к ювелиру. Кто, как не он, может знать это? Скажи ему, что ты хотел бы продать кольцо, и спроси, сколько он даст за него. Но независимо от названной им цены не продавай его. Привези кольцо обратно.

Юноша снова отправился в путь.

Ювелир рассмотрел кольцо при свете свечи, под лупой, взвесил его и сказал юноше:

— Скажи учителю, что, если он хочет продать его прямо сейчас, я не смогу дать ему за кольцо больше пятидесяти восьми золотых монет.

— Пятьдесят восемь монет? — воскликнул удивленный юноша.

— Да, — ответил ювелир. — Я знаю, что со временем он мог бы получить за него около семидесяти монет, но если продать нужно срочно...

Юноша в сильном волнении полетел к учителю, чтобы рассказать о случившемся.

— Сядь! — сказал учитель, выслушав его. — Ты, как это кольцо, — драгоценность, единственная и неповторимая. И оценить тебя может только настоящий специалист. Почему тебе все время хочется, чтобы любой невежда сразу определил твою истинную ценность?

И после этих слов он снова надел кольцо на мизинец левой руки.

КОРОЛЬ С ИЗМЕНЧИВЫМ НАСТРОЕНИЕМ

Только начав говорить, я вдруг понял, как у меня все спорилось. Я пребывал в какой-то эйфории. Беседуя с Хорхе, я постепенно осознавал, сколько всего я успел сделать за неделю.

Уже не в первый раз я ощущал себя суперменом-победителем, довольным своей жизнью. Я посвящал Толстяка в свои планы на ближайшие дни и был полон сил и энергии.

Хорхе радостно улыбнулся с заговорщическим видом.

Как всегда, у меня было ощущение, что этому человеку передается мое настроение, каким бы оно ни было. То, что я могу разделить свою радость с Хорхе, было еще одной причиной, чтобы чувствовать себя счастливым. Мне все удавалось, и я продолжал строить планы. И двух жизней не хватило бы, чтобы их осуществить.

— Рассказать тебе сказку? — спросил он.

Признаюсь вам, мне это было нелегко, но я замолчал.

Жил-был могущественный король, властитель далекой страны. Это был хороший король, но была одна проблема — у короля было раздвоение личности.

Иногда он просыпался в эйфории, ликующим и счастливым.

И с самого утра день был просто чудесным. Сады его дворца казались более красивыми. Его слуги по какому-то странному стечению обстоятельств становились более почтительными и работоспособными.

За завтраком он убеждался, что в его королевстве производят самую лучшую муку и собирают урожай самых лучших плодов.

В такие дни король снижал налоги, раздавал целые состояния, оказывал покровительство, издавал законы во имя мира и для повышения благосостояния стариков. В такие дни король выполнял все просьбы своих подчиненных и друзей.

Но были и другие дни.

Это были черные дни. С раннего утра он думал, что лучше бы поспать подольше, но было уже слишком поздно, и заснуть он больше не мог.

Как он ни старался, все равно не понимал, почему у слуг такое плохое настроение, что они даже прислуживают ему плохо. Солнце раздражало его больше, чем дождь. Еда была остывшей, а кофе — просто холодным. Мысль о необходимости вести прием посетителей в кабинете только добавляла ему головной боли.

В такие дни король вспоминал об обязательствах, данных накануне, и боялся, что не сможет их выполнить. Именно в такие дни король повышал налоги, конфисковывал земли, сажал в тюрьму своих противников...

В страхе перед настоящим и будущим, под гнетом ошибок прошлого, в такие дни он издавал антинародные законы и чаще всего говорил «нет».

Осознавая, какие трудности создают ему эти перепады настроения, король созвал всех мудрецов, волшебников и советников своего королевства.

— Господа, — обратился он к ним, — всем вам известно, сколь изменчиво мое настроение. Все уже были мною благодетельствованы в моменты эйфории и пострадали от моего гнева.

Но больше всего страдаю я сам, потому что каждый день мне приходится отменять то, что я сделал накануне, когда у меня был другой взгляд на вещи.

Мне нужно, господа, чтобы вы все вместе создали средство, будь то лекарство или заклинание, которое не позволило бы мне быть настолько абсурдно оптимистичным, чтобы не замечать опасностей, и настолько смешно пессимистичным, чтобы тиранить и причинять боль тем, кого я люблю.

Мудрецы взялись за дело и в течение нескольких недель пытались решить эту проблему. Однако ни алхимия, ни колдовство, ни травы не смогли дать ответ на поставленный вопрос.

Тогда советники предстали перед королем и признались в своем поражении.

Король проплакал всю ночь.

На следующее утро его аудиенции попросил странный посетитель. Это был таинственный темнокожий человек, одетый в необычную, некогда белую тунуку.

— Ваше величество, — сказал человек, поклонившись, — в тех краях, откуда я пришел, все говорят о твоих бедах и невзгодах. Чтобы помочь тебе, я принес лекарство.

И, преклонив голову, протянул королю кожаную шкатулку.

Король, удивленный и обнадеженный, открыл шкатулку и заглянул в нее. Внутри было только посеребренное кольцо.

— Спасибо, — сказал король, воодушевившись. — Это кольцо волшебное?

— Конечно, оно волшебное, — ответил путник, — но недостаточно просто носить его на пальце... Каждое утро, как только ты встанешь, ты должен читать надпись на кольце и вспоминать эти слова каждый раз, когда помотришь на кольцо, надетое на палец.

Король взял кольцо и прочитал вслух:

— Ты должен знать, что это тоже пройдет.

ЛЯГУШКИ В СЛИВКАХ

У меня была сессия. Я уже сдал два экзамена и один зачет. Следующий экзамен был через неделю, и мне нужно было много заниматься.

— Я не выучу, — сказал я Хорхе. — Бесплезно тратить силы на заведомо обреченное на провал дело. Думаю, лучше всего мне пойти с тем, что есть. Так, по крайней мере, если меня срежут, я не буду страдать, что зря потратил всю неделю на учебу.

— Ты знаешь сказку про двух лягушек? — спросил Толстяк.

Однажды две лягушки угодили в сосуд со сливками.

Они тут же почувствовали, что тонут: было невозможно плыть или держаться на поверхности в этой массе, густой, как зыбучие пески. Сначала обе лягушки барахтались в сливках, чтобы добраться до края сосуда. Но все было бесполезно, они оставались на месте и постепенно погружались. С каждым разом им было все труднее всплывать, чтобы набрать воздуха.

Одна из них сказала другой: «У меня больше нет сил. Выбраться отсюда невозможно. Плавать тоже не получается. Если мне все равно суждено умереть, зачем продолжать страдать? Не понимаю, какой смысл изнурять себя бесполезными усилиями перед неминуемой смертью».

После этих слов она перестала барахтаться и быстро утонула, ее буквально поглотила эта густая белая жидкость.

Другая лягушка, более настойчивая или, может быть, упрямая, сказала себе: «Ничего не получается! Плыть в этом невозможно. Тем не менее, даже если придет моя смерть, я предпочитаю бороться до последнего вздоха. Не хочу умирать ни секундой раньше положенного».

И она долгими часами продолжала барахтаться и бить лапками, не двигаясь с места.

Но вдруг в результате ее стараний сливки сбились в масло.

Удивленная лягушка подпрыгнула и, скользя как на коньках, добралась до края сосуда. Оттуда она смогла вернуться домой, весело квакая.

ЧЕЛОВЕК, СЧИТАВШИЙ СЕБЯ МЕРТВЫМ

Помню, я задумался над сказкой о лягушках.

— Это как стихотворение Альмафуэрте*, — заметил я. — Не считай себя побежденным, даже если ты побежден.

— Может быть, — сказал Толстяк. — Но я думаю, в этом случае больше подходит что-то вроде «не считай себя побежденным, пока ты не побежден». Или, если хочешь, «не объявляй о своем проигрыше до окончательного подведения итогов», потому что...

И, поскольку у нас еще оставалось время, он рассказал мне новую сказку.

Жил-был человек, очень мнительный в том, что касалось его болезней, и особенно боявшийся смерти.

Однажды среди прочих безумных идей ему пришло в голову, что, может быть, он уже мертв. Тогда он спросил свою жену:

— Скажи, жена, может быть, я уже умер?

Жена рассмеялась и посоветовала ему потрогать себе руки и ноги.

— Видишь? Они теплые! Это доказывает, что ты жив. Иначе твои руки и ноги были бы холодными как лед.

* Альмафуэрте — псевдоним аргентинского поэта Педро Паласьоса (1854–1917).

Человеку это показалось очень разумным, и он успокоился.

Несколько недель спустя, когда шел сильный снег, человек пошел в лес за дровами. Там он снял перчатки и начал рубить деревья топором.

Машинально он вытер лоб рукой и заметил, что она холодная. Вспомнив слова жены, он снял ботинки и носки и, к ужасу своему, убедился, что ноги тоже ледяные.

Теперь у него уже не осталось сомнений: он понял, что мертв.

«Нехорошо мертвому человеку рубить дрова», — подумал он.

Поэтому он положил топор рядом с мулом, а сам лег на обледенелую землю и застыл с руками, скрещенными на груди, и закрытыми глазами.

Вскоре стая собак подошла к переметным сумам с его провизией. Не встретив никакого сопротивления, они разорвали сумки и съели все, что нашли в них съедобного. Человек подумал: «Повезло им, что я мертв. А не то я бы их разогнал».

Стая продолжала кружить и вынюхивать и обнаружила привязанного к дереву мула — легкую добычу для острых собачьих зубов. Мул визжал и лягался, но человек и пальцем не пошевелил, а только размышлял, как бы он его защитил, если бы не умер.

За считанные минуты они расправились с мулом, и только несколько собак остались обгладывать кости.

А ненасытная стая продолжала кружить возле этого места.

Вскоре одна из собак учуяла человека. Она посмотрела вокруг и увидела дровосека, неподвижно лежавшего на земле. Она медленно подошла, очень медленно, поскольку знала, что люди — опасные существа, способные на любое коварство.

Через несколько секунд вся стая, исходя слюной, окружила человека.

«Сейчас они меня съедят, — подумал он. — Если бы я не был мертв, все было бы по-другому».

Собаки подошли поближе... и, видя, что он не двигается, съели его.

ПРИВРАТНИК В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ

Я был уже на третьем курсе и, как многие другие студенты, начал задумываться, стоит ли учиться дальше. Я поговорил об этом со своим психотерапевтом, отлично понимая, что сам себя заставляю продолжать учебу.

— В этом вся загвоздка, — сказал Толстяк. — Пока ты думаешь, что обязан доучиться и получить диплом, этот процесс не будет доставлять тебе никакого удовольствия. А если ты не будешь получать хоть немного удовольствия, некоторые стороны твоей личности могут сыграть с тобой злую шутку.

Хорхе без конца повторял, что не верит в усилие. По его мнению, невозможно добиться ничего хорошего, делая над собой усилие. Однако, как мне кажется, в этом случае он ошибался. По крайней мере, это могло бы стать исключением, только подтверждающим правило.

— Но, Хорхе, я не могу бросить учебу, — сказал я. — Не думаю, что в том мире, в котором мне придется жить, я добьюсь чего-либо, не имея высшего образования. В любом случае, диплом — это хоть какая-то гарантия.

— Может быть, — сказал Толстяк. — Ты знаешь, что такое Талмуд?

— Да.

— В Талмуде есть сказка об одном самом обычном человеке. О привратнике в публичном доме.

В этом городке не было менее престижной и малооплачиваемой работы, чем привратник в публичном доме... Но чем еще мог заниматься этот человек?

На самом деле он не умел ни читать, ни писать, и у него не было никакой другой профессии. Он действительно был на своем месте, ведь его отец был в свое время привратником в этом публичном доме, а до него — отец его отца.

Десятки лет публичный дом переходил от отцов к сыновьям и привратницкая — вместе с ним.

Однажды умер старый владелец, и во главе дома встал молодой человек, целеустремленный, творческий и предприимчивый. Он решил модернизировать бизнес.

После ремонта комнат он вызвал персонал для инструктажа.

Привратнику он сказал:

— Начиная с сегодняшнего дня помимо своих основных обязанностей вы будете составлять еженедельный отчет. Там вы будете указывать количество пар, входящих каждый день. У одной пары из пяти вы будете спрашивать, какого они мнения об обслуживании и что они бы хотели изменить. И раз в неделю вы будете подавать мне этот отчет с комментариями по вашему усмотрению.

Привратника бросило в дрожь. Он никогда не боялся работы, но...

— Я был бы счастлив услужить вам, господин, — пробормотал он, — но я... не умею ни читать, ни писать.

— Ах, как жаль! Как вы понимаете, я не могу нанять дополнительного человека, который бы делал эту работу, но и ждать, пока вы научитесь писать, тоже не могу, поэтому...

— Но, господин, вы не можете меня уволить. Я работаю здесь всю жизнь, как мои отец и дед...

Ему не дали закончить фразу.

— Послушайте, я все понимаю, но не могу ничего сделать для вас. Естественно, вы получите компенсацию, то есть некую сумму денег на пропитание, пока вы не найдете другую работу. Мне очень жаль. Удачи вам!

Тут он развернулся и ушел.

Человек почувствовал, что мир рушится. Он даже представить себе не мог, что окажется в такой ситуации. Он вернулся домой безработным, впервые в жизни. Как же теперь быть?

Он вспомнил, что иногда, когда в публичном доме ломалась кровать или ножка шкафа, у него получалось делать самый простой срочный ремонт с помощью молотка и гвоздей. И подумал, что первое время мог бы этим заниматься, пока кто-нибудь не предложит ему работу.

Он поискал по дому необходимые инструменты, но нашел только несколько ржавых гвоздей и клещи в зазубринах. Ему нужно было купить полный набор инструментов, и он готов был потратить на это часть полученных денег.

Соседи сказали ему, что в их городке нет скобяной лавки и что придется поехать верхом на муле в соседний город, в двух днях пути. «Ну и что?» — подумал он. И отправился в дорогу.

Обратно он привез красивый ящик с инструментами. Он не успел еще разуться, как постучали в дверь; это был его сосед.

— Я пришел спросить, не одолжите ли вы мне молоток.

— Вы знаете, я сам его только что купил, и он мне нужен для работы... Меня ведь уволили...

— Понимаю, но я бы вернул его завтра рано утром.

— Договорились.

На следующее утро сосед, как и обещал, постучался к нему в дверь.

— Видите ли, мне еще нужен молоток. Не могли бы вы продать мне его?

— Нет-нет, мне он нужен для работы, а до ближайшей скобяной лавки к тому же два дня верхом.

— Предлагаю вам сделку, — сказал сосед. — Я оплачу вам два дня дороги туда и два дня обратно и еще стоимость молотка. Вы же все равно безработный. Что скажете?

Действительно, он получал работу на четыре дня...

Он согласился.

Когда он вернулся, у дверей его дома поджидал другой сосед.

— Привет, сосед. Это вы продали молоток нашему общему другу?

— Да...

— Мне нужны кое-какие инструменты. Я готов оплатить вам четыре дня дороги и немного сверху за каждый инструмент. Вы же понимаете, не у всех есть четыре свободных дня, чтобы ездить за покупками.

Бывший привратник открыл свой ящик с инструментами, и сосед выбрал тиски, отвертку, молоток и долото. Расплатился и ушел.

«... Не у всех есть четыре свободных дня, чтобы ездить за покупками», — не выходило у него из головы.

Если это так, то его услуги по покупке инструментов могли бы понадобиться многим.

Во время следующей поездки он решил рискнуть частью компенсации и привезти дополнительно те инструменты, которые уже продал. Так он мог бы не тратить лишнее время на поездки.

Об этом узнали в его квартале, и многие соседи перестали сами ездить за покупками.

Раз в неделю новоиспеченный торговец инструментами ездил и покупал то, что заказывали его клиенты. Вскоре он понял, что, если найти помещение для склада, можно меньше времени тратить на дорогу и больше зарабатывать. Поэтому он взял в аренду необходимое помещение.

Потом торговец расширил вход на склад и несколько недель спустя поставил витрину. Так в городке появилась первая скобяная лавка.

Все с удовольствием делали там покупки. И ему уже не нужно было ездить в соседний городок: оттуда ему присылали все, что он заказывал, ведь он был выгодным клиентом.

Со временем покупатели из соседних деревень тоже стали пользоваться его услугами, потому что для них это была экономия времени.

Однажды он подумал, что его друг, токарь, мог бы делать для него головки молотков. А еще... Почему бы и нет? Клещи, тиски и долото, а за ними гвозди и шурупы...

Короче говоря, за десять лет этот мужчина стал миллионером, владельцем фабрики инструментов, и все благодаря своей порядочности и трудолюбию. И в конце концов превратился в самого влиятельного предпринимателя округа.

Его состояние было так велико, что однажды в связи с началом учебного года он решил подарить своему городку школу, где бы учили не только грамоте, но и самым нужным для того времени профессиям и ремеслам.

Глава городской администрации и мэр устроили пышный праздник по случаю открытия школы, а также торжественный ужин в честь ее основателя.

Когда подали десерт, мэр вручил ему ключи от города, а глава администрации обнял его и сказал:

— Мы, с чувством уважения и благодарности, просим вас удостоить нас чести поставить свою подпись на первой странице Книги почетных гостей новой школы.

— Это была бы честь и для меня, — сказал человек. — Думаю, ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем расписаться там, но я не умею ни читать, ни писать. Я неграмотный.

— Вы? — удивился глава городской администрации, который никак не мог в это поверить. — Вы не умеете читать и писать? Вы создали промышленную империю, не умея читать и писать? Я просто поражен. Я спрашиваю себя, каких высот вы бы достигли, умей вы читать и писать!

— Я могу ответить на ваш вопрос, — сказал человек очень спокойно. — Если бы я умел читать и писать... я был бы привратником в публичном доме!

НА ДВА РАЗМЕРА МЕНЬШЕ

В тот день я пришел с заранее заготовленной темой: я хотел продолжить разговор об усилении.

Во время сеанса мне все казалось очень разумным. Но, когда нужно было применить новые знания на практике, мне не удавалось быть последовательным в том, что в теории звучало так заманчиво.

— У меня создается впечатление, что я совсем не могу жить, не прилагая хоть изредка усилий. Скажу больше, на самом деле мне кажется, что никто не может без этого жить.

— В чем-то ты прав, — сказал Толстяк. — Большую часть последних двадцати лет моей жизни я старался быть верным своей философии, но не всегда у меня это получалось. Думаю, со всеми происходит то же самое. Идея «нет усилиям» — это испытание, постоянная работа, самодисциплина. Следовательно, необходима определенная тренировка.

Сначала мне тоже все это казалось невозможным, — продолжал он. — Что подумают обо мне другие, если я не пойду на это собрание? Если я не буду внимательно слушать, хотя мне плевать, что они там хотят сказать? Если я не поблагодарю этого человека, который, по моему мнению, заслуживает презрения? Если я откажу в просьбе, которую просто не хочу выполнять? Если позволю себе роскошь работать четыре раза в неделю и не стану гнаться за большими заработ-

ками? Если я выйду в свет небритым? Если я откажусь бросить курить по принуждению и дождусь, когда это произойдет само собой? Если...?

Где-то я писал, что идея необходимого усилия — это социальный продукт, плод определенной идеологии, идеологической системы, на самом деле очень строго определяющей облик социального существа. Понятно, что, если человек ленив, злобен, эгоистичен и небрежен, он должен делать над собой усилие, чтобы стать лучше. Но разве человек действительно таков?

Я слушал зачарованно, и не столько из-за слов Хорхе, сколько из-за моего собственного представления о том, какой должна быть жизнь: без напряжения, в мире с самим собой, спокойной, без спешки и без этого вечного вопроса: «Что я здесь делаю?»

Но с чего же начать?

— Сначала, — продолжал Хорхе, словно подслушав мои мысли, — и прежде всего, нужно выбраться из западни, в которую мы угодили в раннем детстве. Эта западня — мысль, так укоренившаяся в нашем сознании, что внешне и внутренне стала частью нашей культуры: «Ценится только то, что достигается с помощью усилий».

Как сказали бы американцы, это *bull-shit** (бычий навоз). Каждый может понять на основе своего опыта, что это не так, и тем не менее мы строим свою жизнь, исходя из этой якобы неоспоримой истины.

Несколько лет назад я описал один клинический синдром, который, хотя и не зарегистрирован ни в медицинских, ни в психологических научных трудах, наблюдается или когда-нибудь наблюдался у каждого из нас. Я решил назвать его «синдром ботинок на два размера меньше», сейчас поймешь почему.

* Абсурд, ерунда (*англ.*).

Один человек входит в обувной магазин, и к нему подходит любезный продавец:

— К вашим услугам, господин!..

— Мне бы хотелось пару черных ботинок, как на витрине.

— Разумеется, господин. Давайте посмотрим: ваш размер... сорок первый, не так ли?

— Нет. Дайте мне тридцать девятый, пожалуйста.

— Простите, господин. Я работаю в обувном магазине уже двадцать лет, и я прекрасно вижу, что вы носите сорок первый. Может быть, сороковой, но никак уж не тридцать девятый.

— Пожалуйста, тридцать девятый.

— Простите, позвольте мне измерить вашу ногу.

— Измеряйте что хотите, а я хочу пару ботинок тридцать девятого размера.

Продавец достает из ящика прилавка этот странный инструмент, которым продавцы обуви измеряют ногу, и с удовлетворением провозглашает:

— Видите? Как я и говорил, сорок первый!

— Скажите, кто платит за ботинки, вы или я?

— Вы.

— Хорошо. Тогда принесите мне тридцать девятый.

Продавец, смилившийся и в то же время удивленный, идет за парой тридцать девятого размера. По дороге до него доходит, что ботинки, наверно, приобретаются этим господином не для себя, а в подарок.

— Вот, как вы просили, тридцать девятый размер, черные.

— Подайте, пожалуйста, рожок.

— Вы хотите их надеть?

— Да, разумеется.

— Вы их покупаете для себя?

— Да! Так вы принесете мне рожок?

Без рожка нельзя обойтись, если вы хотите, чтобы эта нога влезла в этот ботинок. В результате нескольких попыток, сопровождаемых нелепыми позами, клиенту удается впихнуть всю ногу в ботинок.

Ворча и постанывая от боли, он делает по ковру несколько шагов, которые даются ему все труднее.

— Хорошо. Я их беру.

У продавца болят ноги от одной только мысли о том, какво пальцам клиента, сплюсненным внутри ботинок тридцать девятого размера.

— Упаковать вам в коробку?

— Нет, спасибо, я пойду прямо так.

Клиент выходит из магазина и с грехом пополам проходит пешком три квартала, отделяющие его от работы. Он кассир в банке.

В четыре часа дня, после шести часов на ногах, втиснутых в эти ботинки, у него гримаса боли на лице, а из покрасневших глаз обильно катятся слезы.

Его коллега из соседней кассы, наблюдавший за ним всю вторую половину дня, очень обеспокоен.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Нет. Это все ботинки.

— А что с ботинками?

— Они мне жмут.

— Что с ними произошло? Они намокли?

— Нет. Они на два размера меньше, чем моя нога.

— Чьи же они?

— Мои.

— Я тебя не понимаю. А ноги у тебя не болят?

— Ноги болят невыносимо.

— Так в чем же дело?

— Я тебе сейчас все объясню, — говорит человек, сглатывая слюну. — У меня в жизни мало радостей. Дей-

ствительно приятных моментов в последнее время все меньше.

— И?

— Эти ботинки меня просто убивают. Я ужасно страдаю, это правда. Но через несколько часов, когда я приду домой и сниму их, представь себе, какое наслаждение я испытаю! Какое наслаждение, приятель! Какое наслаждение!

— Правда, это похоже на сумасшествие? И это оно и есть, Демиан, это оно и есть.

Таковы, по большей части, наши правила воспитания. Я думаю, моя позиция — это тоже крайность, однако стоит примерить ее на себя, как костюм, чтобы понять, как он на тебе сидит.

Я считаю, что ничего стоящего нельзя добиться с помощью усилий.

Я ушел от него, думая о его последней фразе, грубой и разящей наповал:

— Усилия нужно делать... только при запоре.

СТОЛЯРНАЯ МАСТЕРСКАЯ «ЭЛЬ СЬЕТЕ»*

— Кроме тупоголовых есть еще люди, не принимающие ничью помощь, — пожаловался я.

Толстяк удобно устроился и рассказал мне:

За городом стоял маленький домишко, что-то вроде небольшого ранчо. В передней его части располагалась мини-мастерская с кое-какими станками и инструментами, а позади — две комнаты, кухня и совсем простенькая ванная.

Однако Хоакин не жаловался. За последние два года столярная мастерская «Эль сьете» стала популярной в городке, и он зарабатывал достаточно, чтобы не тратить свои скудные накопления.

В то утро он, как всегда, встал в половине седьмого, чтобы увидеть рассвет. Но он так и не смог дойти до озера, потому что в двухстах метрах от дома наткнулся на тело раненого и искалеченного юноши.

Хоакин упал на колени и приложил ухо к его груди... Там, в глубине, сердце из последних сил старалось поддержать то, что еще оставалось от жизни в этом грязном теле, провонявшем кровью и спиртным.

Хоакин сходил за тележкой и погрузил на нее юношу. Придя домой, он переложил тело на свою кровать, разре-

* Седьмой (*исп.*).

зал на нем лохмотья и осторожно обмыл его водой с мылом и спиртом.

Юноша был пьян и зверски избит. У него были порезы на руках и спине, а еще сломана правая нога.

В течение двух следующих дней вся жизнь Хоакина сосредоточилась на заботах о здоровье его незваного гостя: он лечил и перевязывал раны, закрепил сломанную ногу между двух досочек и поил юношу куриным бульоном маленькой ложечкой.

Когда молодой человек пришел в себя, Хоакин был рядом и смотрел на него с нежностью и тревогой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо... мне кажется, — ответил юноша, рассматривая свое отмытое и вылеченное тело. — Кто обо мне заботился?

— Я.

— Почему?

— Потому что ты был ранен.

— Только поэтому?

— Нет, еще мне нужен помощник.

И оба от души рассмеялись.

Наевшийся и отоспавшийся, не выпивший ни единой рюмки с тех пор, Мануэль, так звали юношу, быстро пошел на поправку.

Хоакин пытался обучить его своему ремеслу, Мануэль изо всех сил старался увильнуть от работы. Неоднократно Хоакин внушал ему, испорченному разгульной жизнью, мысль о преимуществах честного труда, доброго имени и добропорядочной жизни. Иногда казалось, что ему удавалось достучаться до Мануэля, но два часа или два дня спустя тот не просыпался вовремя или забывал выполнить работу, порученную ему Хоакином.

Прошло несколько месяцев, и Мануэль окончательно поправился. Хоакин отдал ему самую большую комнату

в доме, долю в бизнесе и первую очередь в ванную в обмен на обещание целиком посвятить себя работе.

Как-то ночью, пока Хоакин спал, Мануэль решил, что шести месяцев воздержания было вполне достаточно и что одна рюмочка ему совсем не помешает. На случай, если Хоакин вдруг проснется среди ночи, он закрыл дверь своей комнаты изнутри и вылез через окно, оставив зажженной свечу, чтобы казалось, что он дома.

За первой рюмкой последовала вторая, а там и третья, четвертая, и еще, и еще...

Он распевал песни со своими собутыльниками, когда мимо бара под рев сирены проехали пожарные. Мануэль не подумал ничего плохого, пока на рассвете, шатаясь, не добрался до дому и не увидел толпу, собравшуюся на улице.

В пожаре уцелели только часть стены, станки и кое-какие инструменты. Все остальное уничтожил огонь. От Хоакина осталось только четыре или пять обуглившихся костей, которые и похоронили на кладбище под плитой, где Мануэль попросил выгравировать такую эпитафию:

Я это сделаю, Хоакин, я это сделаю!

С большим трудом Мануэль восстановил столярную мастерскую. Он был лентяем, но не безруким, а навыки, полученные от Хоакина, помогли ему сохранить этот бизнес.

Ему всегда казалось, что Хоакин откуда-то смотрит на него и постоянно подбадривает. Мануэль всегда вспоминал о нем, когда у него в жизни происходило что-то очень важное: свадьба, рождение первого ребенка, покупка первой машины.

А в пятистах километрах оттуда Хоакин, живехонек-здоровехонек, спрашивал себя, имел ли он право лгать, обманывать и поджигать такой красивый дом только для того, чтобы спасти одного молодого человека.

Он ответил на этот вопрос утвердительно и рассмеялся, вспомнив, как полиция городка перепутала свиные кости с человеческими...

Его новая столярная мастерская была немного скромнее предыдущей, но уже известна в соседнем городке. Она называлась «Эль очо»*.

— Иногда, Демиан, в силу жизненных обстоятельств тебе трудно помочь любимому человеку. Тем не менее если и стоит преодолевать какие-либо трудности, так только для того, чтобы помочь ближнему. Это отнюдь не моральный долг или что-нибудь подобное. Это жизненный выбор, который каждый может сделать в свое время и по собственному усмотрению. Благодаря моему собственному опыту и наблюдениям я пришел к выводу, что свободный и хорошо знающий себя человек щедр, приветлив, старается помогать другим и одинаково счастлив, отдавая и принимая подарки. Поэтому каждый раз, встречаясь с людьми, думающими только о себе, не спешу ненавидеть их: у них достаточно собственных проблем. И всякий раз, когда ты поймаешь себя на низменных, подлых или мелочных мыслях, не упусти возможности задуматься, что же с тобой происходит. Я уверен, где-то ты свернул с нужного пути.

Однажды я написал:

Невротика не нужен
ни психотерапевт,
который его вылечит,
ни отец, который о нем позаботится.
Все, что ему нужно, —
это учитель, который ему покажет,
в какой точке пути он заблудился.

* Восьмой (*исп.*).

СОБСТВЕННИЧЕСКИЙ ИНСТИНКТ

Я точно не знаю, почему в какой-то момент своей жизни я пошел по мучительной и трудной дорожке.

Все началось с приступа ревности к моей девушке. Она предпочла встретиться со своими подругами по колледжу и отложить свидание со мной. С этой минуты у меня появилось предчувствие потери и боль, которую всегда вызывало во мне это состояние.

На приеме у психотерапевта я заговорил о том, как важно пережить потерю как таковую, но чувствовал я себя при этом откровенно огорченным.

— Не понимаю, почему я должен делить свою девушку с ее подругами, а своих друзей — с их девушками. Я так говорю, чтобы услышать самого себя и понять, как же это глупо. Прошу тебя, помоги мне. Когда что-то мне принадлежит, даже если это, выражаясь твоим языком, звучит по-троглодитски, я чувствую, что имею право распоряжаться этим, давать это кому-то или не давать и на тот срок, который я захочу. Потому что это мое.

Хорхе отставил чайник в сторону и рассказал мне вот что.

Он рассеянно шел по улице, когда увидел ее. Это была огромная и прекрасная золотая горка.

Лучи солнца падали прямо на нее, и там, где они ее касались, она переливалась всеми цветами и становилась похожей на объект из другой галактики, словно вышедший из фильмов Стивена Спилберга.

Он рассматривал ее некоторое время, будто под гипнозом.

«Наверно, у нее есть хозяин», — подумал он.

Он посмотрел по сторонам, но вокруг никого не было.

В конце концов он подошел и потрогал ее — она была теплая.

Глядя ее поверхность, он решил, что ее мягкость и нежность на ощупь были абсолютным тактильным соответствием ее сиянию и красоте.

«Я хочу, чтобы она принадлежала мне», — подумал он.

Очень нежно он поднял ее на руки и пошел вон из города.

Зачарованный, он медленно вошел в лес и добрался до поляны.

Там, под послеполуденным солнцем, он осторожно поставил ее на траву и сел рядом, чтобы любоваться ею.

«Впервые в жизни у меня появилось что-то стоящее. Что-то, принадлежащее мне. Только мне!» — подумали оба одновременно.

— Когда мы обладаем чем-то и поработаемся, попав в зависимость от этого чего-то, кто кому принадлежит, Демиан?

КТО КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ?

КОНКУРС ПЕВЦОВ

Я задумался над словами предыдущего сеанса.

Я вышел из кабинета, а они все вертелись у меня в голове: мелочный, подлый, эгоист, свернуть с пути...

В голове у меня все смешалось и окончательно перепуталось.

Я пришел на следующий прием с «ярко выраженным намерением», как говорил Хорхе, продолжить разговор на эту тему.

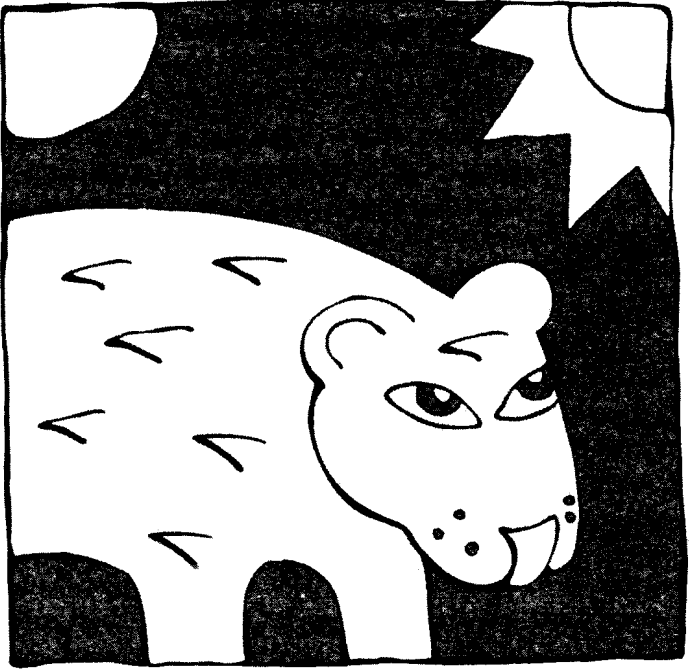
— Хорхе, — сказал я, — ты всегда выступаешь в защиту эгоизма как показателя самооценки, самолюбия в хорошем смысле этого слова... Но в прошлый раз ты говорил о мелочности, и я, перенявший твою глупую привычку искать в словаре запомнившиеся слова, нашел, естественно, слово «mezquino», «мелочный».

— Ну и?..

— Там говорилось: «жадный, жалкий, несчастный, бедный». И что ты хочешь от меня услышать? Я на первый взгляд не вижу никакой разницы.

— Давай посмотрим, — сказал Толстяк, уже раскрывший словарь Испанской королевской академии. — Здесь еще говорится: «нуждающийся, недостаточный, крошечный». А также, что это слово — арабского происхождения, производное от слова «miskin», что означает «бедный».

— Наверное, сейчас мы дадим этому слову более полное и точное толкование, — продолжал он. —

Мелочный — это, должно быть, тот человек, у которого нет — или он думает, что нет, — самого необходимого. Это тот, кто нуждается в том, чего у него нет, чтобы перестать быть крошечным; это тот, кто отказывается что-либо отдавать, потому что он хочет все только для себя; это тот несчастный бедолага, который думает только о своих желаниях.

Хорхе надолго замолчал, роясь в памяти, а я уселся поудобнее, чтобы послушать сказку.

Однажды в сельву прилетел филин, побывавший в неволе, и рассказал всем остальным зверям о привычках людей.

Например, в городах устраивали соревнования среди людей искусства, чтобы определить лучшего в каждом виде: живописи, рисунке, скульптуре, пении...

Мысль о том, чтобы перенять людские привычки, пустила глубокие корни, и звери решили немедленно организовать конкурс певцов, на участие в котором подали заявку почти все присутствующие, от щегла до носорога.

Под руководством филина, научившегося всему в городе, приняли единогласное решение, что победителя конкурса певцов определит всеобщее тайное голосование всех конкурсантов, которые и составят свое собственное жюри.

Так и сделали. Все обитатели сельвы, включая человека, по очереди поднялись на эстраду и спели свою песню, а публика наградила их более или менее громкими аплодисментами. Затем каждый написал, за кого он голосует, на бумажке, свернул ее и опустил в огромную урну, которую охранял филин.

Когда настал момент подсчета голосов, филин поднялся на импровизированную сцену, по бокам от него встали две обезьяны-старейшины, и он открыл урну, что-

бы начать процесс подсчета этого «прозрачного избирательного акта», этой «демонстрации всеобщего и тайного голосования» и этого «примера демократических устремлений» — так говорили политики в городе.

Один из старейшин достал первый бюллетень, и Филин в обстановке всеобщего волнения провозгласил:

— Первый голос, братья, отдан за нашего друга — осла!

Наступила тишина, а затем послышались робкие аплодисменты.

— Второй голос: за осла!

Всеобщее недоумение.

— Третий: за осла!

Собравшиеся начали переглядываться, сначала удивленно, потом осуждающе и, наконец, с появлением все новых голосов за осла — пристыженно, с чувством вины за подобное голосование.

Все знали, что не было худшего пения, чем ужасающий рев этого представителя семейства лошадиных. Однако один голос за другим отдавал ему пальму первенства.

И, таким образом, получилось, что в результате подсчета «свободный выбор беспристрастного жюри» пал на осла с его ни на что не похожим пронзительным криком.

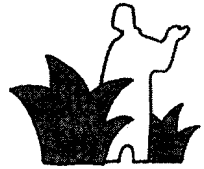
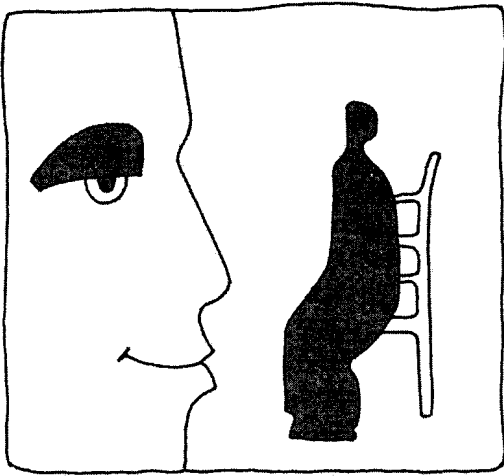
И ему присвоили титул «лучший голос сельвы и ее окрестностей».

Филин так объяснил потом случившееся: каждый конкурсант, считая себя несомненным победителем, отдал свой голос за наименее способного из всех, за того, кто не мог составить ему конкуренцию.

Голосование было почти единогласным. Только два голоса были отданы не за осла: голос самого осла, который думал, что ему нечего терять, и вполне искренне проголосовал за жаворонка, а также голос человека, который, разумеется, проголосовал за самого себя.

— Вот так, Демиан. Это плоды мелочности в нашем обществе. Когда мы считаем себя такими важными, что для других просто нет места, когда мы считаем, что мы заслуживаем так много, что не видим дальше собственного носа, когда нам кажется, что мы такие чудесные, что не можем не получить желаемого, тогда чаще всего тщеславие, ничтожность, глупость и ограниченность делают нас мелочными. Не эгоистами, Демиан, а именно мелочными.

Ме-лоч-ны-ми!

ЧТО ЭТО ЗА ПСИХОТЕРАПИЯ?

Уже довольно давно многие мои друзья спрашивали меня, какой именно психотерапией я занимаюсь. Для них были удивительными многие вещи, которые я рассказывал о Толстяке и о том, как проходили сеансы, потому что они не укладывались ни в одну известную им психотерапевтическую модель. И надо признаться, ни в одну известную мне тоже.

Поэтому, воспользовавшись тем, что в моих делах был относительный покой, «все на своих местах», как говорил Толстяк, я спросил Хорхе, что же это за психотерапия.

— Что за терапия? Откуда мне знать! Может, это совсем и не терапия, — ответил Толстяк.

«Не повезло! — подумал я. — У Толстяка один из этих “закрытых” дней, когда бесполезно пытаться получить ответ на свой вопрос». Но я все-таки настаивал:

— Я действительно хочу знать.

— Зачем?

— Чтобы узнать что-то новое.

— А что тебе даст, если ты будешь знать, что это за терапия?

— Я не могу этого избежать, не так ли? — спросил я, предчувствуя, что за этим последует.

— Избежать? Чего ты хочешь избежать?

— Послушай, меня бесит, что я не могу спросить тебя ни о чем. Когда твоя левая нога захочет, тебя не

остановить, а когда нет, от тебя не добьешься ответа ни на один вопрос. Это нечестно!

— Ты злишься?

— Да! Злюсь!

— И что ты собираешься делать со своей злостью? Что ты хочешь сделать с этим бешенством? Наденешь на себя, как костюмчик?

— Нет, мне хочется закричать. Вашу мать!

— Еще раз!

— Вашу мать!

— Еще, еще!

— Мать вашу!

— Давай, давай! Кого же ты материл? Ну, скажи!

— Твою мать! Тупой Толстяк! Твою мать!

Толстяк молча наблюдал, как я восстанавливал дыхание и приходил в себя.

Через несколько минут он заговорил:

— Именно такой психотерапией мы и занимаемся, Демиан. Цель этой терапии — понять, что с тобой происходит каждую минуту. Эта терапия нужна, чтобы разорвать твои маски и выпустить на свободу настоящего Демиана.

Эта терапия в какой-то степени уникальна и не поддается описанию, потому что в ее основе два уникальных и не поддающихся описанию человека: ты и я. Два человека, которые пока договорились обращать больше внимания на процесс духовного роста одного из них, а именно тебя.

Эта терапия никого не излечивает, она признает, что способна только помочь некоторым людям излечить самих себя. Эта терапия не стремится вызвать никакую реакцию, а действует как катализатор, ускоряющий процесс, который так или иначе все равно бы произошел, рано или поздно, с терапией или без.

Эта терапия, по крайней мере с этим терапевтом, раз от разу все больше похожа на процесс обучения. И в конце концов, эта терапия придаст больше значения чувствам, а не мыслям, действиям, а не планам, бытию, а не обладанию и настоящему, а не прошлому или будущему.

— Вот и ответ на мой вопрос: настоящее, — сказал я. — Отличие от моих предыдущих курсов терапии в том, что ты обращаешь основное внимание на теперешнее положение дел. Всех остальных знакомых мне лично или понаслышке терапевтов интересует прошлое, мотивы, первоисточки проблемы. Ты всем этим не занимаешься. Но если ты не знаешь, в какой момент начались осложнения, то как ты можешь устранить их?

— Чтобы объяснить покороче, мне придется пойти длинным путем. Постараюсь, чтобы ты понял. Психотерапевтическую вселенную, насколько я знаю, населяют двести пятьдесят форм психотерапии, отражающих примерно столько же философских учений.

Эти школы различаются по концепции, по форме или по подходу. Но, думаю, все мы стремимся к одной цели: повысить качество жизни пациента. Наверно, единственное, в чем мы не сходимся, — это в трактовке каждым психотерапевтом понятия «повышение качества жизни пациента». Но... ладно, пойдем дальше!

Эти двести пятьдесят школ можно было бы разделить на три больших направления, в зависимости от подхода каждой психотерапевтической модели к исследованиям проблематики пациента. Первое — это школы, центром внимания которых является прошлое. Второе изучает будущее. А третье — настоящее.

Первая группа, далеко не самая многочисленная, объединяет все школы, рассматривающие (или соз-

дающие впечатление рассматривающих) невротика как человека, однажды, давно, еще в детстве, попавшего в трудную ситуацию и с тех пор расплачивающегося за ее последствия. Поэтому задача психотерапевта состоит в том, чтобы восстановить все воспоминания из прошлой жизни пациента и найти ситуации, вызвавшие невроз. Поскольку эти воспоминания, по мнению психоаналитиков, «вытеснены» в подсознание, нужно покопаться внутри, в поисках «погребенных» там фактов.

Самый яркий пример такой модели — это ортодоксальный психоанализ. Чтобы легче распознавать такие школы, я говорю, что они задают вопрос: «Почему?»

По-моему, многие психоаналитики считают, что стоит лишь найти причину — и весь механизм работает правильно. Конечно, только в том случае, если пациент поймет, почему он делает то, что делает, если осознает неосознанное.

Психоанализ, если взять самую распространенную из этих школ, как и любая вещь, имеет свои преимущества и недостатки.

Основное преимущество состоит в том, что не существует, — или мне кажется, что не существует, — другой терапевтической модели, так глубоко проникающей в сами внутренние процессы. Никакая другая модель не поможет достичь такого уровня самопознания, как это позволяют сделать фрейдистские техники.

Что касается недостатков, то их у нее два.

С одной стороны — слишком долгий процесс, что делает эту терапию утомительной и неэкономной, я имею в виду не только деньги. Один психоаналитик сказал мне, что с момента начала лечения пациент должен посвящать терапии третью часть своей жизни. С другой стороны — сомнительная эффективность.

Лично я не верю, что можно достичь уровня самопознания, достаточного для изменения своей жизни, нездорового отношения к чему-либо или устранения причины, приведшей человека на прием к терапевту.

Полной противоположностью, по моему мнению, являются психотерапевтические школы, изучающие будущее. Это направление, очень модное сейчас, кратко можно охарактеризовать так: проблема состоит в том, что поведение пациента не ведет к достижению стоящих перед ним целей. Но совсем не нужно ни разбираться, почему это с ним происходит — это само собой разумеется, ни глубоко изучать страдающую личность. Главная задача — добиться, чтобы пациент, преодолев свои страхи, добрался до намеченной им цели или достиг желаемого, сделав тем самым свою жизнь более продуктивной и позитивной.

Это направление, представленное в основном поведенческой терапией (бихевиоризмом), выдвигает идею, что новым моделям поведения можно научиться только постепенно, на что пациент вряд ли отважится без помощи, поддержки и руководства со стороны. Эту помощь лучше всего может оказать профессионал, который укажет ему наиболее приемлемые способы поведения, даст ему подробные рекомендации и будет сопровождать пациента в этом процессе адаптации к здоровому образу жизни.

Основной вопрос, которым задаются терапевты этой школы, не «почему?», а «как?». То есть как достичь поставленной цели?

У этой школы тоже есть плюсы и минусы. Первый плюс — невероятная эффективность, а второй — быстрота. Некоторые американские необихевиористы говорят о достижении психотерапевтического результата за один–пять сеансов. Самый очевидный

минус, по-моему, — это поверхностность: пациенту не удается ни разобраться в себе, ни обнаружить свои скрытые ресурсы, и поэтому он ограничивается решением только той проблемы, которая привела его на прием, находясь в очень тесной зависимости от своего психотерапевта. Здесь вроде бы нет ничего плохого, но это не позволяет пациенту вступить в необходимое взаимодействие с самим собой.

Третье направление с исторической точки зрения самое молодое из трех. Его образуют все терапевтические школы, занимающиеся настоящим.

В целом мы исходим из того, что не нужно ни исследовать природу страданий, ни рекомендовать, как их избежать. Скорее, наша главная задача — установить, что происходит с пациентом, пришедшим на прием, и зачем ему это нужно.

Ты знаешь, что я работаю в этом направлении и поэтому, естественно, считаю его самым лучшим. Тем не менее я признаю, что и у него есть свои недостатки, хотя есть и преимущества.

Если сравнивать, то это не такая длительная терапия, как психоанализ, но и не такая короткая, как необихевиоризм. Такой вид терапии длится от шести месяцев до двух лет. Не отличаясь ортодоксальной углубленностью, эта терапия, по моему мнению, вырабатывает у пациентов немалую дозу самопонимания и хороший уровень владения своими внутренними ресурсами.

С другой стороны, хотя она способна ускорить процесс установления связи с окружающей действительностью, опасность состоит в том, что у пациентов, пусть даже на короткий срок, появляется пофигистски легкое отношение к жизни, по принципу «один раз живем». А это не имеет ничего общего с выдвигаемой этими школами идеей «настоящего», которая зачастую включает в себя как опыт, так и планы на будущее.

Есть очень старый анекдот, могущий послужить иллюстрацией к этим трем течениям. Ситуация в этом анекдоте очень проста и не меняется, но я позволю себе посмеяться над всеми тремя направлениями психотерапевтической мысли и расскажу тебе три разные концовки.

Один человек страдает энкопрозом (проще говоря, какается). Он идет к врачу, тот не находит никаких физиологических причин его заболевания и советует ему обратиться к психотерапевту.

В первом случае это ортодоксальный психоаналитик.

Через пять лет этот человек встречается с другом.

— Привет! Как твоя психотерапия?

— Потрясающе! — отвечает человек в полном восторге.

— И ты больше не какаешься?

— Знаешь, какаться-то я какаюсь, но теперь я знаю, почему я это делаю!

Во втором случае это бихевиорист.

Через пять дней человек встречается своего друга.

— Привет! Как твоя психотерапия?

— Гениально! — отвечает человек в полном восторге.

— И ты больше не какаешься?

— Знаешь, какаться-то я какаюсь, но теперь я ношу резиновые трусы!

В третьем случае это гештальттерапевт*.

Через пять месяцев человек встречается друга.

— Привет! Как твоя терапия?

— Чудесно! — отвечает человек в полном восторге.

— И ты больше не какаешься?

* Гештальттерапия — одна из основных школ психологии XX века. Приверженцы этой школы выдвинули принцип целостности (гештальта) в качестве основы при исследовании сложных психических явлений.

— Знаешь, какаться-то я какаюсь, но теперь мне на это наплевать!

— Но такая постановка вопроса мне кажется слишком апокалиптической, — попытался вступиться я.

— Возможно, но в любом случае это вполне реальный апокалипсис. Такой же реальный, как то, что время твоего сеанса вышло.

Мало кого в своей жизни я так проклинал!

ЗАРЫТЫЙ КЛАД

Предыдущий сеанс привел меня в беспокойное, если не озабоченное, состояние. Этот бедняга продолжал какаться независимо от того, в руки какого психотерапевта он попадал. Это заставило меня пересмотреть свои взгляды на психотерапию: я не хотел посещать сеансы ни для того, чтобы понять причину, ни чтобы носить резиновые трусы, ни чтобы это стало мне безразлично. Следовательно, если подобные затраты времени и денег могли дать только такой результат, то пришла пора все бросить.

— Вот что, Толстяк, дело уже не в психотерапевтических школах. Я сформулирую вопрос по-другому: что я здесь делаю?

— К сожалению, ответа на этот вопрос у меня нет, но он есть у тебя.

— Я запутался, окончательно запутался. Вплоть до последнего сеанса я был уверен в пользе психотерапии. Я один из тех, кто отправляет всех своих друзей к психотерапевту. Но вдруг, на прошлом приеме, мой собственный врач говорит мне, что человек, обратившийся к психотерапевту, потому что он какается, хромает, в депрессии или сошел с ума, уйдет от него таким же обкаканым, хромым, печальным и чокнутым. Я ничего не понимаю. Это слишком для меня.

— Невозможно ничего добиться, борясь с пуганицей. Тебя раздражает эта ситуация, так как ты счита-

ешь, что должен все понимать, разбираться во всем, знать ответы на все вопросы, должен, должен... Расслабься, Демиан. Как я уже говорил, в гештальттерапии «должен» встречается всего один раз во фразе:

ТЫ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ,
ЧТО АБСОЛЮТНО НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН.

— Это правда. Но даже без «должен» у меня нет нескольких ответов, которые мне просто необходимы.

— Рассказать тебе сказку?

На этот раз я весь обратился в слух. Со мной так уже было, что рассказ, притча и даже анекдот Хорхе помогли мне прояснить непонятную ситуацию.

Жил-был в городе Кракове благочестивый и отзывчивый старик по имени Иззи. Несколько раз ему снилось, что он едет в Прагу и находит мост через реку. На одном из берегов под мостом стоит раскидистое дерево. Он сам копает яму под деревом и достает клад — залог его достатка и спокойной жизни.

Сначала Иззи не придавал сну никакого значения. Но после того, как сон повторялся в течение нескольких недель, старик решил, что это послание свыше или еще неизвестно откуда и что он не должен оставаться глухим к этой информации, передаваемой ему во сне.

Поэтому, доверившись своей интуиции, он приготовил поклажу для мула в расчете на долгое путешествие и отправился в Прагу.

После шести дней пути старик приехал в Прагу и стал искать мост над рекой в окрестностях города.

Рек и мостов было немного, и он быстро нашел место, которое искал. Все было точно как в его сне: река, мост и на одном берегу реки дерево, где он должен был копать.

Но было одно обстоятельство, о котором сон умалчивал: мост день и ночь сторожил солдат императорской гвардии.

Изи не осмеливался копать при солдате, поэтому он разбил лагерь рядом с мостом и стал ждать. На вторую ночь солдат начал подозревать человека, стоявшего лагерем у моста, и подошел, чтобы допросить его.

У старика не было причин лгать. Поэтому он рассказал, что приехал издалека, увидев во сне, что в Праге под таким же мостом, как этот, был клад в земле.

Гвардеец расхохотался.

— Ты так долго ехал из-за такой ерунды, — сказал он. — Вот уже три года, как каждую ночь мне снится, что в Кракове у старого дурака по имени Изи на кухне под плитой закопан клад. Ха-ха-ха! Так, по-твоему, я должен ехать в Краков, искать этого Изи и копать у него под плитой? Ха-ха-ха!

Изи вежливо поблагодарил гвардейца и вернулся домой.

Там он выкопал яму под плитой и нашел клад, который всегда там лежал.

Закончив сказку, Толстяк долго молчал, пока не раздался звонок в дверь. Пришел его следующий пациент. Хорхе подошел ко мне, обнял, поцеловал в лоб, и я ушел.

Потом я снова прокрутил в памяти весь сеанс. В начале разговора Толстяк сказал мне то, что хотел объяснить этой сказкой: «Ответа на твои вопросы у меня нет, но он есть у тебя».

Ответы я найду в себе самом. Ни у Хорхе, ни в книгах, ни в психотерапии, ни у друзей. В себе! Только в себе!

Как Изи. Клад, который он искал, был здесь, у него, а не в каком-то другом месте.

«Ни в каком другом месте, — все время повторял я. — Ни в каком другом месте».

И тогда я понял: никто не может мне сказать, «полезна» терапия или нет. Только мне решать, «полезна ли она для меня», и этот ответ годится только для меня (и только сейчас, в данный момент). Теперь я понимал, что большую часть жизни я искал того, кто мне скажет, что хорошо, а что плохо. Искал других, чтобы посмотреть на себя их глазами. Искал вон то, что всегда было внутри, под плитой на моей собственной кухне.

Теперь стало ясно, что психотерапия — это всего лишь инструмент, чтобы копать в нужном месте и вырыть из земли спрятанный там клад. Психотерапевт — это всего-навсего тот солдат, который по-своему говорит тебе каждый раз, где ты должен искать, и неустанно повторяет, что глупо искать вне тебя.

Путаница прояснилась, и, как Изи, я почувствовал себя счастливым и спокойным, поняв, что клад — у меня, и всегда был у меня, и что невозможно потерять его.

РАДИ ОДНОГО КУВШИНА ВИНА

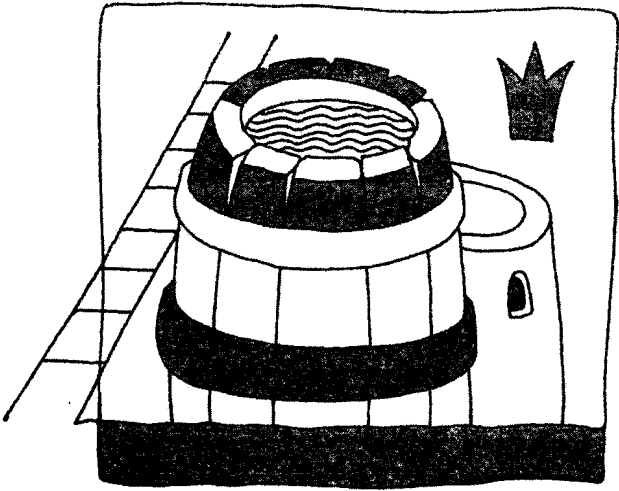
В то время казалось, что каждый сеанс был связан с предыдущим, как звенья одной цепи. Я был так доволен, что даже не мог поверить, что столько всего я понимаю сам.

Я учился переживать свои открытия с радостью или грустью, плача или хохоча, но всегда с удовлетворением от того, что я все ближе к миру в душе, к спокойствию, к максимальной вере в свои собственные силы, к тому, что сегодня я назвал бы счастьем.

Все шло хорошо. Но вдруг я подумал, что бесполезно искать ответы на вопросы, если остальное человечество пребывает в полном неведении и не хочет из него выходить. Я почувствовал полнейшее бессилие и начал злиться. И уже не переставал.

Даже допустив, что я вполне могу жить, ощущая себя марсианином, непохожим на других, какой прок для всех остальных в том, что один человек на свете, или десять, или сто станут понимать чуть больше.

Тогда я вспомнил своего дядю Роберто. Он однажды тоже начал курс психотерапии. По его рассказам, у него все шло хорошо. Очень хорошо. Но через несколько месяцев он сказал своему психотерапевту: «Послушай! Считаю, я прошел десять процентов пути. В течение этих месяцев при десятипроцентном духовном росте

я потерял пятьдесят процентов людей, с которыми общался раньше. Приблизительные математические подсчеты показывают, что, когда я пройду тридцать процентов пути, от меня отвернутся девять из каждых десяти моих друзей. По-моему, правда заключается в том, что не стоит так уж пекься о своем здоровье, если в результате ты будешь одинок, как Робинзон Крузо без Пятницы. Спасибо за все, и прощай!»

В таком именно состоянии я пришел на прием. Я ставил под сомнение эффективность психотерапии и особенно работу психотерапевта. Речь шла не о Толстяке — его акции на моей бирже шли на повышение. На этот раз я не доверял всем психотерапевтам вообще.

— Сколько времени уходит на подготовку квалифицированного психотерапевта? Возьмем тебя. Не считая начальной и средней школы, ты шесть лет учился на медицинском факультете, пять лет специализации, три года курсов по подготовке психотерапевтов, десять лет в качестве пациента психотерапевта, не знаю, сколько еще обучающей терапии и, как ты говорил, не меньше десяти лет профессиональной деятельности, чтобы подкрепить теоретическую подготовку практическим опытом. Уф! Я устал считать!

— Я не знаю, куда ты клонишь, но имей в виду, что обучение не заканчивается. Оно продолжается бесконечно.

— Это только подтверждает мою правоту. И все это лишь для того, чтобы за все годы своей профессиональной практики ты принял несколько сотен пациентов. Это вполне возможно, поскольку ты проводишь краткие курсы психотерапии. В противном случае речь шла бы уже о двадцати пациентах. Это не имеет смысла, Толстяк. С точки зрения пользы для общества твоя профессия не имеет смысла.

— Несколько из этих «долгих лет учебы и профессиональной подготовки», как ты говоришь, я посвятил тому, чтобы читать сказки, написанные другими, и слушать те, которые традиционно сохранила народная мудрость. Я расскажу тебе лишь одну из этих сказок. Мне кажется, именно сейчас она может принести пользу.

Жил-был... еще один монарх.

Он был повелителем маленькой страны, называвшейся княжество Увиландия*. В его княжестве было много виноградников, и все его подданные занимались виноделием. Экспортируя вино в другие страны, все пятнадцать тысяч семей, населявших Увиландию, зарабатывали достаточно денег, чтобы хорошо жить, платить налоги и время от времени позволять себе какую-нибудь роскошь.

Монарх вот уже несколько лет изучал состояние финансов королевства. Он был справедливым и понимающим монархом, и ему не нравилось жить с ощущением, что он запускает руку в карман населению Увиландии. Поэтому он прилагал максимум усилий, чтобы найти способ сократить налоги.

Пока однажды его не осенило. Правитель решил отменить налоги. В качестве единственной контрибуции для покрытия расходов государства монарх просил каждого из своих подданных, чтобы один раз в год, во время разлива вина по бутылкам, они пришли в дворцовые сады с литровым кувшином лучшего вина из своего урожая и вылили его в огромную бочку, которая будет сделана специально для этого.

Деньги, вырученные от продажи этих пятнадцати тысяч литров вина, пойдут на содержание королевской семьи, а также на здравоохранение и образование.

* Увиландия — страна винограда (*исп.*).

Новость сразу облетела всю страну. Указ читали на площадях и расклеивали на главных улицах городов. Радость людей невозможно было описать. Во всех домах прославляли своего правителя и распевали песни в его честь.

Во всех тавернах поднимали бокалы и пили за здоровье и долголетие доброго монарха.

И вот настал день уплаты дани. В течение всей недели в кварталах и на рынках, на площадях и в церкви жители напоминали об этом друг другу и советовали не забыть прийти. Гражданское единение было справедливой наградой за щедрый жест монарха.

С раннего утра со всех концов страны начали прибывать целые семьи виноделов, и каждый глава семьи нес свой кувшин. Один за другим они поднимались по высокой лестнице к верхнему краю княжеской бочки, выливали свой кувшин и спускались по другой лестнице, у подножия которой государственный казначей прикреплял значок с княжеской печатью на лацкан пиджака каждого крестьянина.

Во второй половине дня, когда последний вылил содержимое своего кувшина, стало ясно, что никто не подкачал. Огромная бочка на пятнадцать тысяч литров была полна. Все подданные, от первого до последнего, вовремя пришли в сад и вылили в нее свой кувшин.

Правитель был счастлив и горд. После захода солнца, когда весь народ собрался на площади перед дворцом, монарх вышел на свой балкон под приветственные крики толпы. Все были счастливы. Суверен приказал принести ему на пробу собранное вино в хрустальном бокале, доставшемся ему от предков. Пока вино несли, князь обратился к собравшимся:

— В Увиландии чудесный народ. Как я и думал, все жители страны пришли сегодня ко дворцу. Я хочу разделить с вами радость от того, что преданность народа моему

правителю ни в чем не уступает преданности правителя своему народу. И мне не приходит в голову ничего лучшего, чем поднять в вашу честь первый бокал этого вина, бесспорного нектара богов, сделанного лучшими в мире руками из лучшего в мире винограда, политого главным достоянием страны, а именно — любовью народа.

Все плакали и кричали здравицы повелителю.

Один из слуг подал князю бокал. Он его поднял, чтобы выпить за свой народ, который радостно аплодировал. Но его рука от удивления застыла в воздухе: монарх увидел, что жидкость в бокале была прозрачной и бесцветной. Медленно он поднес бокал к носу, привычному к аромату самых лучших вин, и убедился, что жидкость не имеет никакого запаха. Будучи дегустатором, он почти машинально поднес бокал ко рту и сделал глоток.

У вина не было вкуса вина и вообще не было никакого вкуса.

Правитель послал за вторым бокалом вина из бочки, потом за третьим и наконец попросил зачерпнуть вина с самого дна. Но ничего не изменилось. Бесцветная, пресная жидкость без запаха.

Алхимики княжества были срочно призваны, чтобы определить химический состав вина. Их вывод был единодушным: бочка полна воды. Чистейшей, стопроцентной воды.

Монарх приказал немедленно собрать всех мудрецов и волшебников страны, чтобы они срочно нашли объяснение подобному чуду. Какое заклинание, химическая реакция или чары превратили смесь вин в воду?

Старейший княжеский министр подошел и сказал ему на ухо:

— Чудо? Заклинание? Алхимия? Да ничего подобного, мой господин, ничего подобного. Просто ваши подданные — люди, ваше величество.

— Не понимаю, — сказал правитель.

— Возьмем, к примеру, Хуана, — быстро ответил министр. — У Хуана огромный виноградник от горы до реки. Он собирает виноград с лучшей лозы княжества, и его вино раскупается первым, по самой высокой цене.

Этим утром, когда семья готовилась пойти в город, он подумал: а что, если налить воды вместо вина? Кто заметит разницу?

Один кувшин воды на пятнадцать тысяч литров вина. Никто и не заметит! Никто!

И никто бы и не заметил, если бы не одна мелочь, ваше величество, если бы не одна мелочь.

Все подумали об одном и том же!

ОДИНОЧКА И КОЛЛЕКТИВ

Как удавалось Хорхе точно рассчитать, чтобы конец сеанса совпал с концом сказки? Как он добивался того, что меня всю следующую неделю преследовала какая-нибудь навязчивая мысль?

Иногда это казалось мне чудом. У меня было семь долгих дней, чтобы задуматься над сказкой, истолковать ее по-своему и с головой погрузиться в размышления о пользе, которую я могу из нее извлечь.

Случалось, что я вел себя глупо. Выйдя из кабинета, я пытался понять, что мне хотел сказать Толстяк этой сказкой. Дальнейшее было неизбежно: я приходил на следующий сеанс, чтобы разобраться вместе с Хорхе, угадал ли я смысл сказки.

И тут, как и следовало ожидать, Толстяк просто выходил из себя:

— Какая разница, что я хотел сказать? Самое главное — это какую пользу извлек ты, если извлек хоть какую-нибудь. Это не урок в школе, а я не ставлю оценок за правильный или неправильный ответ на вопрос: что это значит? Черт возьми! Я хотел сказать именно то, что сказал, ни больше ни меньше. Если бы я хотел сказать что-то другое, я бы так и сделал. Когда ты так себя ведешь, Демиан, сказка служит только как испытание для твоего «я», удовлетворяя твоё тщеславие. Ты думаешь: «Ага, я понял смысл. Ага, до меня дошло. Ага, я разгадал тайну сказки. Ага, я идиот».

После истории о вине, превратившемся в воду, со мной произошла масса всего. Сначала я понял почти с облегчением, что моя точка зрения была ошибочной. Что на самом деле задача психотерапевта не заканчивалась ни на мне, ни на любом другом пациенте. Говоря словами, которые я позже услышал от Толстяка, «каждый человек, переживший личностное развитие, мог бы стать репетитором, маленьким учителем, детонатором цепной реакции, могущей изменить мир».

И, размышляя об этом, я понял еще кое-что: сколько раз мы, я и другие люди вроде меня, не решаемся сделать шаг, думая, что бесполезно даже пытаться, что ничего не получится. Потому что кто заметил бы разницу, если бы я поступил так, как в сказке? Если бы я поступил так же...

И, возможно, хоть один человек осмелился бы подумать, как я, захотел вести себя как я, или, может быть, кто-то просто обратил бы внимание на иное отношение к жизни и понял бы, что можно быть другим. Если бы я вел себя не так, как всегда, не так, как все, то, наверное, со временем все бы изменилось.

И я понял, что так бывает всегда:

Люди не платят налогов,
ведь что от этого изменится?

Люди невежливы,
ведь кто это заметит?

Люди забыли об уважении,
потому что никто не хочет быть
последним идиотом.

Люди не веселятся,
ведь нелепо смеяться в одиночестве.

Люди выходят танцевать
на праздниках только после других.

...Мы не глупее других только потому, что у нас нет на это времени.

Если бы мне удалось быть верным самому себе, искренне и неизменно верным, насколько более воспитанным, сердечным, щедрым и любезным был бы я.

Обо всем этом я говорил тогда с Хорхе, и в процессе наших разговоров и моих размышлений на эту тему все чаще мелькала незваная мысль о том, чтобы быть одиночкой, одиночкой, на которого все показывают пальцем...

Или, в худшем случае, на которого даже пальцем не показывают...

— Несколько лет назад, — начал Толстяк, — я написал эссе, начинавшееся так: «Родовой канал и гроб — это два места, спроектированных для одного и того же тела».

И это, Демиан, означает для меня, что мы рождаемся в одиночестве и умираем в одиночестве. Эта мысль, такая ужасная, с моей точки зрения, — это, возможно, самая тяжелая наука, которую мне пришлось постичь в процессе моего собственного личностного развития.

Но я также понял, к счастью, что у нас есть попугачики: попугачики ненадолго, попугачики на более длительное время. А еще есть друзья, любимые, братья, то есть — попугачики на всю жизнь.

— Знаешь, Толстяк? Это напоминает одну вещь, которую я как-то прочел о паре: «Не иди впереди меня, я не смогу идти за тобой. Не иди позади меня, я могу тебя потерять. Не иди подо мной, я могу на тебя наступить. Не иди надо мной, ты можешь давить на меня. Иди рядом со мной, потому что ты такой же, как и я».

— Вот именно, Демиан. Главное — это понимать, что никто не может пройти за тебя твой путь. Но также нужно помнить, что дорогу легче осилить вместе.

Понимать, кто ты, и знать, что ты уникален, не такой как все и отделен от всех границей своей кожи, совсем не обязательно означает жить в изоляции или в отчаянии или даже быть самодостаточным.

— Значит, в жизни нельзя обойтись без других людей?

— Это зависит от твоих взглядов на жизнь в каждый конкретный момент и от того, кто эти другие люди в каждый конкретный момент.

Тот человек много путешествовал. В течение жизни он побывал в сотне реальных и придуманных стран...

Одной из самых запомнившихся поездок стало его недолгое пребывание в стране Длинных Ложек. Он оказался на ее границе случайно, по дороге из Увиландии в Параис*. Стрелка указывала на боковую дорогу, ведущую к этой стране. А поскольку он любил все новое и неисследованное, он туда и направился. Извилистое шоссе привело к огромному, одиноко стоящему дому. Подъехав поближе, он заметил, что особняк словно делился на две пристройки: Восточное крыло и Западное крыло. Он припарковал свой автомобиль и подошел к дому. На двери висела такая табличка:

СТРАНА ДЛИННЫХ ЛОЖЕК

«Эта маленькая страна состоит всего из двух комнат: ЧЕРНОЙ и БЕЛОЙ. Чтобы обойти эту страну, нужно идти по коридору до развилки и повернуть направо, если вы хотите посетить ЧЕРНУЮ комнату, и налево, если вы намереваетесь осмотреть БЕЛУЮ комнату».

* Параис — рай (*иср.*).

Человек прошел весь коридор и невольно повернул направо. Он очутился в другом коридоре около пятидесяти метров длиной, в конце которого была огромная дверь. С первых шагов до его ушей долетели жалобные стоны, доносившиеся из черной комнаты.

Услышав эти крики боли и страдания, он на миг замер в нерешительности, но затем все же продолжил свой путь. Он добрался до двери, открыл ее и вошел.

Там были сотни людей, сидящих вокруг огромного стола. В его центре стояли самые изысканные кушанья, которые только можно вообразить, но сидящие умирали от голода, хотя у всех были ложки, достающие до центра стола. Ведь ложки были вдвое длиннее их рук и к тому же намертво прикреплены к кистям. Таким образом, все могли положить себе еду, но никто не мог донести ее до рта.

Положение было таким отчаянным, а крики столь душераздирающими, что человек отвернулся и убежал из комнаты.

- Он возвратился в центр здания и пошел налево по коридору, ведущему в белую комнату. Этот коридор, как две капли воды похожий на предыдущий, заканчивался такой же дверью. Единственное отличие заключалось в том, что по дороге не слышалось никаких жалоб и стонов. Подойдя к двери, путешественник повернул ручку и вошел в комнату.

Сотни людей также сидели вокруг стола, похожего на стол черной комнаты, и у всех длинная ложка была прикреплена к руке. В центре тоже стояли изысканные яства.

Но в этой комнате никто не жаловался, никто не умирал с голода, потому что все кормили друг друга!

Человек улыбнулся, повернулся и вышел из белой комнаты. Когда он услышал щелчок закрывшейся двери, он вдруг таинственным образом оказался в своем автомобиле на дороге в Параис.

ГЛУХАЯ ЖЕНА

Я начал говорить, как только уселся. В тот день я хорошо знал, о чем поведу разговор: о спорах со своей девушкой.

— Мне кажется, у Габриэлы не все дома.

— Не все где?

— Дома... Ну, чокнутая, полоумная, крыша у нее поехала.

— Почему?

— Мы всю неделю спорим по поводу каникул. Дело в том, что Габриэла зовет меня на весь месяц поехать к ее родителям в Уругвай, они нас приглашали. А мне ехать туда не хочется. Я бы предпочел провести каникулы в Аргентине, с друзьями по клубу. Я даже знаю, что ей бы гораздо больше понравилось в Аргентине, но она настаивает на поездке в Уругвай. Если меня что-то и выводит из себя, так это упрямство Габриэлы. И чем дольше она себя так ведет, тем настойчивее становлюсь я. Даже наступает такой момент, когда я не могу продолжать говорить с ней, у меня складывается впечатление, что ее ум закрыт и не способен воспринимать никакие другие мнения.

— А почему она предпочитает поездку в Уругвай?

— Да нипочему. Это просто ее каприз.

— Но она ведь не говорит, что это каприз. Или говорит?

— Нет, она говорит, что хочет ехать в Уругвай.

— А ты не спрашивал у нее почему?

— Да, разумеется, спрашивал, но я уже не помню, какую глупость она сказала мне в ответ.

— Прости, Демиан. Если ты не знаешь, что она тебе ответила, как ты можешь говорить, что это глупость?

— Просто, когда Габриэле что-то втемяшится в голову, она несет что попало и не прислушивается к разумным доводам. Она отмечает все сказанное другими и слышит только свои аргументы.

— Отмечает все твои аргументы.

— Да.

— Говорит, например, что ты несешь чушь или что ты упрямец.

— Именно так.

— Или что ты капризный.

— Да, тоже. Откуда ты зна..?

— Вчера мне рассказали анекдот.

Один человек звонит семейному доктору.

— Рикардо, это я, Хулиан.

— А, привет! Что скажешь, Хулиан?

— Знаешь, я звоню, потому что меня очень беспокоит

Мария.

— А что с ней?

— Она понемногу глохнет.

— Как это глохнет?

— Вот так. Мне нужно, чтобы ты пришел и осмотрел ее.

— Знаешь, глухота обычно не бывает внезапной, поэтому привози ее ко мне в кабинет в понедельник, и я осмотрю ее.

— Ты думаешь, мы можем подождать до понедельника?

— А как ты заметил, что она плохо слышит?

— Ну... я ее зову, а она не отвечает.

— Видишь ли, это может быть любой пустяк, напри-

мер пробка в ухе. Ладно, давай определим степень глухоты Марии. Ты сейчас где?

— В спальне.

— А она?

— На кухне.

— Хорошо. Позови ее оттуда, где стоишь.

— Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Нет, не слышит.

— Ладно, выйди из спальни и позови ее из коридора.

— Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Нет, никакого ответа.

— Подожди, не отчаивайся. Возьми радиотелефон и иди к ней по коридору. Посмотрим, с какого расстояния она тебя услышит.

— Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Не получается. Я стою перед дверью в кухню и вижу ее. Она ко мне спиной, моет посуду, но не слышит меня. Мария-я-я-я-я-я-я-я-я-я!.. Не слышит.

— Подойди ближе.

Человек входит в кухню, подходит к Марии, кладет ей руку на плечо и кричит ей прямо в ухо:

— Мария-я-я-я-я-я!..

Рассерженная жена поворачивается к нему и говорит:

— Что ты хочешь? Что ты хочешь? Что ты хочешь? Что ты хочешь? Что ты хочешь? Ты меня звал уже раз десять, и я раз десять ответила тебе: что ты хочешь? Ты глохнешь с каждым днем. Не понимаю, почему ты не хочешь пойти к врачу...

— Это вопрос проекции, Демиан. Каждый раз, когда нас что-то раздражает в других, неплохо бы вспомнить, что то же самое по меньшей мере (по меньшей мере!) есть и в нас.

Ладно, вернемся к твоим проблемам... Что ты там говорил о капризах Габриэлы?

НЕЛЬЗЯ СМЕШИВАТЬ

— Габриэла всегда жалуется, что я не знакомлю ее со своими друзьями. Она очень хочет познакомиться с моими друзьями с факультета. Она меня просто замучила.

— А ты знакомишь ее с ребятами из университета?

— Я ее не прячу. Если мы встречаем кого-то на улице или на вечеринке, я ее знакомлю. Но ей хочется войти в мою компанию.

— Чего, если я правильно тебя понял, ты как раз и не хочешь.

— Ну... смотря по обстоятельствам.

— По каким обстоятельствам?

— Откуда мне знать. По обстоятельствам. Если все складывается само собой, хорошо. Но форсировать ситуацию — нет, увольте.

— Ты шутишь? Что значит «форсировать ситуацию»? Если на факультете вечеринка, тебя пригласили и ты идешь с девушкой? Это, по-твоему, форсировать?

— Да, разумеется. Зачем мне ее брать с собой? Она там ни с кем незнакома.

— Это похоже на издевку, Демиан. У меня был двоюродный брат, съедавший по бутерброду перед обедом и перед ужином, потому что, по его словам, он не мог ничего есть на пустой желудок.

— Не вижу связи между твоим анекдотом и моей ситуацией.

— Правильно. Сегодня ты не видишь никаких связей. Ты говоришь, что Габриэле не место в твоей компании, потому что она незнакома с твоими друзьями, и сам же не даешь ей возможности познакомиться с ними.

— ...

— Почему, Демиан?

— Потому что Габриэла...

— Почему, Демиан, почему?

— Почему? Да чтобы не смешивать.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все очень просто: я не хочу смешивать разные компании... И не думай, что это так легко. Обижается не только Габриэла. У меня постоянные споры с университетскими друзьями, которые тоже настаивают, чтобы я привел ее. Никто не понимает, что я хочу, чтобы каждая вещь была на своем месте: одно — это одно, а другое — это другое.

— Но скажи мне, одно, другое, и третье, и пятое, и десятое, разве все это не внутри тебя?

— Да, ты прав, внутри. Но снаружи я не хочу их смешивать.

— Это уже не в первый раз, не так ли?

— Как это не в первый раз?

— Конечно, ты уже не раз говорил мне, что для тебя главное — не смешивать.

— Ах да. Кажется, я как-то говорил тебе, что не хочу смешивать семью и друзей, людей из клуба и с факультета и не помню кого еще.

— Я полагаю, что действительно может быть полезно пытаться оберегать свою личную территорию. Но также я думаю, что слишком утомительно и, я сказал бы, даже опасно раскладывать по разным полочкам события твоей жизни и близких тебе людей так, чтобы они никогда не встречались.

— А почему опасно?

— Потому что, мне кажется, если ты ставишь барьеры и ограничения, окружающие начинают сомневаться по поводу места, которое они занимают в твоей жизни, и просят разрешения участвовать в твоих делах, особенно в важных для тебя.

— Это их проблемы, а не мои.

— Не будь таким категоричным. Может, это и их проблема, но именно ты должен понять, что другой человек обижается. Он чувствует, что ты не пускаешь его в свою жизнь, пренебрегаешь им. В этом и состоит риск. Возможно, «чтобы не смешивать», ты в конце концов ранишь других людей и разрушаешь ваши отношения, ставя барьеры.

— Мне кажется, я так поступаю только с разными компаниями своих друзей, потому что они действительно разделены.

— Демиан, через несколько месяцев после начала курса терапии ты пришел на факультет без денег, а просить у родителей тебе не хотелось. Помнишь? Я, естественно, предложил тебе взять их у меня взаимы на месяц или пока они у тебя не появятся. Так все и было?

— Да.

— Помнишь, что ты сделал?

— Да, я отказался.

— Помнишь, как ты это объяснил?

— Нет, не помню.

— Ты мне сказал, что ты не ожидал и благодарен мне, но что ты «не хочешь смешивать». Тебе не кажется знакомой эта фраза?

— Хорошо, но ты ведь не подумал, что я не пускаю тебя в свою жизнь и пренебрегаю тобой...

— А ты в этом уверен?

— ...почти.

— Ты лжешь, ты совсем не уверен.

— Знаешь, с тобой я даже не уверен, что меня зовут именно так, как меня зовут.

— Могу сказать тебе со всей ответственностью, Демиан, иногда не важно, что ты все понимаешь. Когда от всего сердца предлагаешь свою помощь другому, а этот другой ее не принимает, потому что он глупый, гордый или просто так, тебя это совсем не радует. Первое, что приходит тебе в голову, — это послать его куда подальше.

— Да, ты прав. Я понял.

— Для разнообразия я расскажу тебе сказку.

Жил-был человек, у которого был довольно глупый слуга. Человек не был ни настолько мелочным, чтобы уволить его, ни настолько щедрым, чтобы содержать его, не требуя никакой работы (а это — лучшее, что можно придумать для дурака!). Так что человек старался найти ему простые задания, чтобы глупец «приносил хоть какую-то пользу». Однажды он позвал его и сказал:

— Сходи в магазин и купи одну меру муки и одну сахара. Из муки делают хлеб, а из сахара — сладости. Поэтому постарайся не смешать их. Ты меня понял? Не смешивай их!

Слуга сделал огромное усилие, чтобы запомнить приказ: одна мера муки, одна сахара, и не смешивать... Не смешивать! Он взял поднос и пошел в магазин.

По дороге он все время повторял про себя: «Одна мера муки, одна сахара, и не смешивать!»

Он пришел в магазин.

— Дайте мне, пожалуйста, одну меру муки.

Продавец окунул мерную кружку в муку и набрал ее полную, даже с горкой. Слуга подставил поднос, и продавец высыпал на него содержимое кружки.

— И одну меру сахара, — сказал покупатель.

Продавец снова погрузил меру в ящик и достал ее полной сахара.

— Не смешивайте их! — сказал слуга.

— А куда же мне класть сахар? — спросил продавец.

Слуга подумал немного и, пока он думал (что давалось ему с большим трудом), провел рукой по дну подноса и понял, что оно пустое! Поэтому он сразу принял решение и сказал: «Сюда!», быстро перевернув поднос и, разумеется, рассыпав всю муку.

Слуга вернулся домой очень довольным: у него была одна мера муки, одна сахара, и они не были смешаны.

Когда хозяин увидел, как тот входит с сахаром на подносе, он спросил:

— А где мука?

— Не смешивать их! — ответил слуга. — Она здесь! —

И быстрым движением он перевернул поднос... рассыпав сахар тоже.

КРЫЛЬЯ ДАНЫ, ЧТОБЫ ЛЕТАТЬ

В тот раз Хорхе ждал меня со сказкой наготове.

Когда он достиг совершеннолетия, отец сказал ему:

— Сын мой, не всем нам крылья даны от рождения. Хотя вообще-то ты не обязан летать, мне кажется, было бы очень жаль, если бы ты только ходил по земле, имея дарованные милостью Божьей крылья.

— Но я не умею летать, — ответил сын.

— Ты прав... — сказал отец. И повел сына на край горной пропасти. — Видишь, мой мальчик? Это пустота. Когда тебе захочется полететь, ты придешь сюда, тебя обдует ветром, ты прыгнешь в пропасть и, расправив крылья, полетишь.

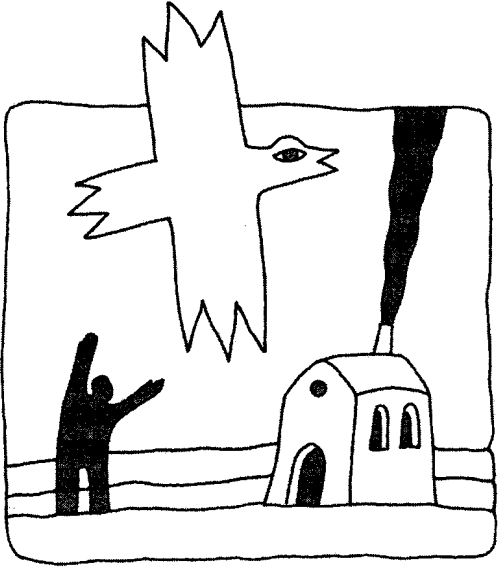
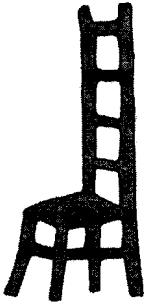
Сына одолели сомнения.

— А если я упаду?

— Даже если ты упадешь, ты не умрешь. У тебя останется несколько царапин, которые сделают тебя только сильнее перед второй попыткой, — ответил отец.

Сын вернулся в город, чтобы поговорить с друзьями и приятелями, с которыми вместе ходил по земле всю жизнь.

Самые узколобые сказали ему: «Ты с ума сошел? Зачем тебе это нужно? У твоего отца тоже не все в порядке с головой... Для чего тебе летать? Перестань заниматься ерундой! Кому это нужно, летать?»

Лучшие друзья посоветовали ему: «А если и вправду попробовать? Не будет ли это опасно? Может, не сразу? Попробуй сначала прыгнуть с лестницы или с дерева. Но... прыгать сразу с горной вершины...»

Юноша прислушался к совету любящих его людей. Он взобрался на крону дерева и, набравшись храбрости, прыгнул. Он раскрыл крылья, изо всех сил замахал ими, но, к несчастью, свалился на землю.

С огромной шишкой на лбу он повстречался с отцом.

— Ты обманул меня! Я не могу летать. Я попробовал, и смотри, как я ударился! Я не похож на тебя. Мои крылья даны мне для украшения.

— Сын мой, — сказал отец. — Чтобы летать, нужно создать запас свободного пространства, необходимый, чтобы расправить крылья. Это как прыжок с парашютом: прежде чем прыгнуть, нужно набрать определенную высоту.

**Чтобы летать,
сначала нужно рискнуть.**

Если тебе не хочется рисковать, то лучше смириться с этой мыслью и всю жизнь ходить по земле.

КТО ТЫ?

Я очень серьезно работал над собой. Под руководством моего психотерапевта, вдохновляемый желанием разобраться в себе, большую часть своего свободного времени я проводил, размышляя над событиями своей жизни, своими чувствами, прошлыми и нынешними, своими воспоминаниями. И меня с каждым разом все больше поражало, как же хорошо я научился у Хорхе «познавать» себя.

Но не все было так безоблачно. Некоторые мысли, поселившиеся в моей голове, и особенно некоторые переполнявшие меня эмоции, навевали печаль и уныние.

В таком настроении я пришел на прием к Хорхе в тот день, когда он прочитал мне свою версию сказки Джованни Папини, которая называется «Кто ты?».

В этот период я жаловался на всех окружающих. Я не знал, что происходит, но у меня было ощущение, что все остальные не заслуживают доверия. Я не знал, то ли я всегда связываюсь с плохой компанией, то ли люди не оправдывают моих ожиданий...

Дело в том, что я постоянно ловил себя на ощущении ожидания кого-то, кто никогда не придет, или отменял встречу в последний момент, потому что кто-то что-то не предусмотрел, или, в большинстве случаев, бесконечно ждал в назначенном месте друзей, которые совсем не собирались приходиться в назначенное время...

И вот какую сказку прочитал мне психотерапевт.

В тот день Синклер встал, как всегда, в семь утра. Как всегда, он прошаркал тапочками до ванной, побрился и освежился одеколоном после душа. Он оделся по последней моде, как это делал всегда, и спустился к почтовому ящику. Там его ждал первый сюрприз: писем не было. Год от года количество писем все увеличивалось, и это было очень важно для его контакта с остальным миром. Немного огорченный отсутствием новостей, он съел свой обычный завтрак из злаков с молоком (по совету врачей) и вышел на улицу.

Все было как всегда: обычные машины ехали по тем же улицам и издавали те же звуки в городе, который так же жаловался на это каждый день. Переходя площадь, он чуть не столкнулся с профессором Эксером, старинным знакомым, с которым они долгими часами обычно говорили о бесполезности идей метафизиков. Он поприветствовал его взмахом руки, но профессор, по-видимому, не признал его. Он позвал его по имени, но профессор уже был далеко, и Синклер подумал, что тот его не услышал. День начался плохо и, по его ощущениям, становился только хуже из-за угрозы скуки, витавшей в его душе. Он решил вернуться домой, к чтению, к своим исследованиям, к ожиданию писем, которых наверняка придет гораздо больше, чтобы компенсировать ему их отсутствие накануне.

Этой ночью он спал плохо и проснулся очень рано. Спустился вниз и во время завтрака следил из окна, чтобы не пропустить приход почтальона. Наконец он увидел, как тот выходит из-за угла, и сердце его забило. Однако почтальон прошел мимо его дома не останавливаясь. Синклер вышел и позвал его, чтобы убедиться, что писем ему не было. И почтальон заверил, что в его сумке не было ни одного письма на этот адрес, и подтвердил, что не было никакой забастовки почтовых служащих и никаких проблем с рассылкой писем по городу.

Это его совсем не успокоило, а даже, наоборот, заставило нервничать. Что-то происходило, и он должен был выяснить, что именно. Он надел пиджак и отправился к своему другу Марио.

Там он попросил дворецкого объявить о своем приходе и остался в гостиной ждать друга, который не замедлил появиться. Синклер пошел навстречу хозяину дома с распростертыми объятиями, но тот только спросил: «Простите, господин, разве мы знакомы?»

Человек решил, что это шутка, и принужденно рассмеялся, уговаривая друга налить ему выпить. Но все закончилось просто ужасно: хозяин позвал дворецкого и велел ему выставить незнакомца, который, видя такое, вышел из себя, начал выкрикивать оскорбления, дав дополнительный повод крепышу слуге грубо вытолкать его на улицу...

По дороге домой он встретил других соседей, которые либо не заметили его, либо повели себя с ним как с незнакомцем.

Тогда он подумал, что за какую-то провинность против него организовало заговор то общество, которое еще несколько часов назад его так ценило, а теперь отвергло. Но, как он ни старался, он не мог вспомнить ничего похожего на оскорбление, а тем более нанесенное всему городу.

Еще два дня он не выходил из дому в ожидании писем, которые так и не пришли, страстно желая, чтобы один из друзей, удивленный его отсутствием, постучался в дверь узнать, как дела. Но ничего подобного не произошло: никто к нему не пришел. Домработница не появилась без предупреждения, а телефон отключили.

На пятый день вечером, подбодрив себя лишней рюмочкой, Синклер решил пойти в бар, где они всегда собирались с друзьями поболтать о пустяках, случившихся за

день. Он увидел их с порога, они сидели за их обычным столиком в углу. Толстый Ханс рассказывал дежурный анекдот с бородой, а все по традиции хохотали. Человек придвинул себе стул и сел. Тут же наступила гробовая тишина, говорившая о том, насколько не ко двору пришелся вновь прибывший. Синклер не выдержал:

— Можно узнать, что вы все имеете против меня? Если я сделал что-то не так, скажите мне, и покончим с этим, но не обращайтесь со мной так, это сводит меня с ума.

Остальные переглянулись: одних это позабавило, а других разозлило. Кто-то из них покрутил пальцем у виска, ставя диагноз вновь прибывшему. Человек снова потребовал объяснений, затем взмолился, и в конце концов он валялся у них в ногах, чтобы ему рассказали, почему с ним так поступают.

Только один из них захотел с ним разговаривать.

— Господин, никто из нас не знаком с вами, поэтому вы перед нами ни в чем не провинились. На самом деле мы даже не знаем, кто вы.

Слезы потекли из его глаз, он вышел из бара и едва дотащился до дому. Казалось, каждая его нога весила не меньше тонны.

В своей комнате он бросился на постель. Он не понимал, как и почему он стал незнакомцем, невидимкой. Он исчез из записных книжек своих корреспондентов, из памяти своих знакомых и, что хуже всего, из сердца своих друзей. В мозгу его, как молоток, стучала одна мысль — вопрос, который задавали ему окружающие и который он сам начал задавать себе: кто ты?

Был ли у него ответ на этот вопрос? Он знал, как его зовут, свой адрес, размер рубашки, номер удостоверения личности и некоторые другие данные для его идентификации внешним миром. Но, помимо этого, кто же он истинный, в глубине души? Принадлежали ли ему все эти вкусы

и мнения, предпочтения и мысли? Или среди многих прочих вещей это была попытка не разочаровать тех, кто хотел, чтобы он всегда оставался таким же, как и раньше? Что-то начинало проясняться: статус незнакомца освобождал его от необходимости подстраиваться. Каким бы он ни был, их отношение к нему все равно не изменится. Впервые за много дней он обнаружил нечто, успокоившее его: такая ситуация позволяла ему вести себя, как ему хотелось, не нуждаясь в одобрении окружающих.

Он сделал глубокий вдох и почувствовал новый вкус воздуха, заполнившего его легкие. Ощутил, как кровь побежала по венам, как забилось сердце, и удивился, что впервые он

НЕ БОИТСЯ.

Теперь, когда он осознал наконец, что он одинок и что всегда им был, что у него был только он сам, он мог смеяться или плакать... Но по своему, а не по чужому желанию. Теперь он наконец знал, что

ЕГО ЖИЗНЬ НЕ ЗАВИСИТ
ОТ ОКРУЖАЮЩИХ.

Он обнаружил, что имело смысл остаться в одиночестве, чтобы встретиться с самим собой...

Он спокойно и глубоко заснул и видел красивые сны.

Он проснулся в десять утра и обнаружил, что в этот час луч солнца, заглянувший в его окно, чудесным образом освещает его комнату.

Не приняв ванну, он сбежал по лестнице, напевая песню, которую никогда раньше не слышал, и обнаружил под дверью... кучу писем на свое имя.

Домработница была на кухне и поздоровалась с ним как ни в чем не бывало.

А вечером в баре не было и следа от того странного случая всеобщего помешательства. По крайней мере, никто не отпустил ни одного комментария по этому поводу.

Все вернулось на привычные рельсы... кроме него,

к счастью,
теперь ему
никогда не придется никого умолять обратить
на него внимание,
чтобы убедиться, что он еще жив,
теперь ему
никогда не придется просить
у внешнего мира сказать ему, кто он,
теперь он
больше никогда не побоится
быть отвергнутым.
Все было как всегда,
только этот человек
больше никогда не забудет,
кто он такой.

— Это твоя сказка, Демиан, — продолжал Толстяк. — Пока ты не осознаешь своей зависимости от мнения остальных, ты боишься возможного отторжения со стороны окружающих, которого ты научился страшиться, как и все.

А ценой жизни без страха является необходимость мимикрировать, то есть быть такими, какими «любящие нас люди» заставляют нас быть. Поступать и мыслить так, как они от нас этого ждут.

Если тебе «повезет», как персонажу Папини, и окружающий мир вдруг повернется к тебе спиной, тебе не останется ничего, кроме как убедиться в бесполезности твоих стараний.

...

Но если этого не случится,
если тебе «не повезет»
и тебя будут одобрять и ценить,
тогда...
тебе самому придется сделать
сознательный выбор:
свобода или зависимость,
ты будешь вынужден решить:
всеобщее уважение или одиночество;
ты в ловушке
между «быть, каким ты должен быть»
или «быть никем ни для кого».
И с этого момента...
ты сможешь быть,
но только одиноким и только для себя.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ

— Я просто выхожу из себя!

— Что с тобой?

— Сам посуди: отсюда я должен еще поехать к конкурснику, отвезти ему конспекты, которые ему очень нужны... а он живет так далеко.

— Послушай, Демиан...

— Да я все знаю, — прервал я его, — ты мне хочешь сказать, что я ничего не «должен», что я это делаю по собственному желанию, что это мой выбор и все такое... я знаю.

— Разумеется, это твой выбор.

— Да, это мой выбор. Но я чувствую себя обязанным.

— Очень хорошо. Я не сомневаюсь, что ты чувствуешь себя обязанным, и понимаю почему. Но я сомневаюсь, что ты знаешь, почему ты чувствуешь себя обязанным.

— Я знаю, почему я чувствую себя обязанным: Хуан — потрясающий парень и, если мне что-то нужно, он всегда приходит на помощь. Думаю, я не могу отказать ему в этом.

— Знаешь, мочь-то ты можешь. Но дело в том...

— ...что меня волнует, что подумает обо мне Хуан.

— Нет, еще хуже. Тебя волнует, что ты сам о себе подумаешь.

— Я? Я бы почувствовал, что мне стыдно.

— Независимо от того, что бы ты почувствовал или не почувствовал, не пожелав взять ему конспекты, разве ты уже не испытываешь стыда только потому, что тебе лень ехать?

— Думаю, да.

— Видишь, в этом и состоит проблема чувства вины. Человечество страдает и отравляет себе жизнь, потому что двенадцать часов в день чувствует себя виноватым в своей собственной сущности... а остальные двенадцать часов оно отравляет жизнь ближнему указаниями, что он должен делать.

— Ах, вот как! Теперь я уж точно ничего не понимаю.

— Может, так лучше. Может, если ты ничего не понимаешь, ты многому сможешь научиться.

Я просто не переносил такие моменты, когда Хорхе становился философски-ироничным, и я не знал, говорит ли он это для меня или просто в моем присутствии размышляет о судьбах человечества.

Каковы бы ни были побуждающие его причины, делал ли он это для себя, для меня или для науки, но, скажу честно, даже зная, что позже все это мне пригодится, я все равно хотел уйти. Мне больше ничего не было нужно: ни терапия, ни духовный рост, ничего. Только уйти...

Единственное, что меня останавливало, — это мысль, что я уже когда-то так поступал. Но вышло только хуже, потому что я так и ушел с пуганицей в голове, и у меня ничего не получалось, пока я во всем не разобрался.

Эту сказку он рассказал в тот день, но всякий раз, когда я оказывался в подобной ситуации, она приходила мне на ум, чтобы напомнить, как важно доде-

лывать все до конца и как опасно забивать свой мозг мыслями о нерешенных проблемах.

Как-то раз два монаха дзен-буддиста возвращались по лесу в монастырь. Дойдя до реки, они увидели женщину, сидящую на корточках у воды и горько плачущую. Она была молодой и привлекательной.

— Что случилось? — спросил ее монах постарше.

— Моя мать умирает. Она одна дома, на другом берегу реки, которую я не могу переплыть. Я попыталась, — продолжила девушка, — но меня сносит течением, и одна я никогда не смогу перебраться на другой берег... Я уже думала, что не застану ее в живых. Но теперь... теперь, когда вы здесь, кто-нибудь из вас двоих поможет мне переправиться...

— Мы бы хотели тебе помочь, — посочувствовал тот, что помоложе. — Но единственный способ — это перенести тебя через реку, а наш обет целомудрия не позволяет нам касаться особ противоположного пола. Нам это запрещено... Мне очень жаль.

— Мне тоже жаль, — сказала женщина.

И снова расплакалась.

Монах постарше встал на колени, наклонил голову и сказал:

— Садись.

Женщина не верила своим глазам, но быстро схватила свой узелок и села верхом на плечи монаха.

С большим трудом монах переправился через реку, юноша следовал за ним.

На другом берегу женщина спустилась на землю и хотела поцеловать руки пожилого монаха.

— Не нужно, не нужно, — сказал тот, убирая их, — ступай себе.

Женщина благодарно и смиренно поклонилась, взяла свой узелок и побежала по дороге к деревне.

Монахи продолжили свой путь в монастырь. Идти им оставалось еще десять часов...

Незадолго до их прихода туда молодой сказал пожилому:

— Учитель, вам лучше меня известен наш обет воздержания. И однако вы несли на своих плечах эту женщину через всю реку.

— Я перенес ее через реку, это правда. Но что же происходит с тобой, если ты до сих пор несешь ее на своих плечах?

ПОДАРКИ ДЛЯ МАГАРАДЖИ

— Послушай, Демиан: было бы великолепно, если бы ты отвез конспекты своему другу; было бы идеально, если бы ты сделал это с удовольствием; было бы вполне понятно, если бы ты при этом не испытывал никаких эмоций, но в таком плохом настроении? Не думаю, что Хуан сможет сдать экзамен, занимаясь по этим конспектам!

— А это тут при чем?

— Забудь, это шутка. Я подумал о «невезухе», как вы это называете.

— Не пойму, что ты за зануда. Я же сказал, что отвезу конспекты.

— Да, я зануда, но только для того, чтобы ты понял, каким образом ты попадаешь в подобные ситуации. Рассказать тебе сказку?

Однажды одному магарадже, известному своей мудростью, исполнилось сто лет. Все радовались этому событию, потому что очень любили своего правителя. Вечером этого знаменательного дня во дворце готовился великолепный праздник, на который были приглашены все влиятельные люди королевства и других стран.

И вот этот день настал, и у дверей зала, где магараджа собирался принимать своих гостей, высилась гора подарков.

Во время ужина магараджа попросил своих слуг разложить подарки на две кучи в зависимости от того, известен или нет их отправитель.

Когда подали десерт, властелин приказал принести обе кучи. В одной были сотни огромных и дорогих подарков, а в другой, поменьше, их было всего около десятка.

Магараджа начал открывать подарки из первой кучи и подзывать к трону их отправителей. Каждому он говорил: «Благодарю тебя за подарок, возвращаю тебе его, и мы в расчете». И возвращал подарок, каким бы он ни был.

Когда он покончил с первой кучей, он подошел ко второй и сказал: «Отправитель этих подарков неизвестен. Их я приму, потому что они меня ни к чему не обязывают, а в моем возрасте уже не стоит делать долги».

Всякий раз, когда ты принимаешь какой-то подарок, Демиан, он может превратиться в долг, в зависимости от настроения дарителя или твоего собственного. Если бы так было всегда, то лучше бы вообще не принимать никаких подарков.

Но если ты способен дарить, не ожидая ничего в ответ, и принимать подарки, не чувствуя себя обязанным, тогда ты можешь дарить или нет, получать или нет, но никогда не будешь чувствовать себя в долгу. И, что самое важное, никто не сможет не вернуть тебе долг, потому что никогда и никто не будет ничего тебе должен.

После слов Хорхе мое плохое настроение как рукой сняло. Я понял, что не обязан везти конспекты своему другу. Я понял, что Хуан помогал мне, не ожидая ничего взамен. И даже больше того: если он это делал в расчете на ответную услугу, он был низким человеком, недостойным моей помощи. Таким образом, я не был ничего должен и мог делать что хотел. Поэтому я попрощался с Хорхе и повез конспекты Хуану.

В ПОИСКАХ БУДДЫ

Иногда я возвращался к вопросу, не слишком ли эгоистичны философские основы гештальттерапии.

На первый взгляд ее идеология давала такую свободу, что кто угодно мог захотеть поиметь все остальное человечество, и она это одобрила бы. Другой мог бы полностью уйти в себя, и тоже не было бы никаких проблем.

В общем, складывалось впечатление, что позитивные ценности нашего воспитания гештальттерапия не воспринимает как таковые.

Я спросил об этом Толстяка.

— Действительно, — сказал он, — иногда кажется, что так оно и есть.

— А разве это не так?

— Да. Это так.. Поэтому и кажется, что это так.

— Забавно!..

— Да нет, я серьезно... В любом случае, не знаю, как гештальттерапия, а я думаю, каждый должен быть сам собой, даже если он по сути — полное дерьмо.

— Ты предпочитаешь жить среди дерьма?

— Нет, но представь себе, что было бы, если бы каждый был абсолютно верен себе...

Думаю, что все было бы так: дерьмо таким бы и осталось, изменения бы его не коснулись. Но те, кто поступает, как дерьмо, только потому, что прилагают усилия, чтобы измениться к лучшему, станут очень

приятными в общении людьми... А если тебе этого мало, добросердечные люди перестанут сомневаться в себе, и у них появится масса свободного времени для добрых дел.

— Но это, в конце концов, одно и то же.

— Нет, вовсе нет. Принятая у нас модель воспитания учит солидарности. Я думаю, что этому чувству нужен выход.

— А если мы так воспитаем людей, что они сумеют давать ему выход?

— Это может принести пользу, но никого нельзя принуждать. Это все равно что подталкивать реку, чтобы она текла... По-моему, это глупо.

— Но тогда получается, что есть люди лучше и хуже. Есть эгоизм и солидарность, добро и зло.

— Возможно, но мне больше нравится думать, что просто существует разная высота полета. Я думаю, что по большей части мы ходим по земле. Что есть не много людей, которые летают, — это наставники. Есть еще меньше людей, которые летают очень высоко, — это мудрецы. А есть еще, к сожалению, те, кто ползает по земле, не отрывая от нее головы, мы с тобой зовем их плохими людьми.

Даже признавая наличие крыльев не у всех нас, я считаю, что каждый выбирает свой путь или пытается духовно расти, чтобы набрать высоту. Но существуют и сумасшедшие. Вместо того чтобы летать, они отдают все свои силы на то, чтобы вскарабкаться куда-нибудь и казаться выше, тогда как другие, каким бы невероятным это ни казалось, зарываются все глубже в землю в поисках кто знает каких ответов.

— В любом случае, думаю, все зависит от высоты поставленной цели.

— Не знаю. Рассказать тебе сказку?

Будда странствовал по свету, чтобы встретиться с людьми, называвшими себя его учениками, и поговорить с ними об Истине.

На его пути сотнями собирались верившие в его учение люди, чтобы послушать его, потрогать или посмотреть на него наверняка единственный раз в жизни.

Четыре монаха, узнав, что Будда пройдет через город Ваали, погрузили свою поклажу на мулов и отправились в путешествие, которое могло продлиться, если все пойдет хорошо, несколько недель.

Один из них плохо знал дорогу в Ваали и шел за остальными.

На четвертый день пути они попали в сильнейшую грозу. Монахи ускорили шаг и добрались до ближайшего городка, где и укрылись от стихии.

Но последний монах замешкался, и ему пришлось попроситься в дом пастуха на окраине. Пастух приютил его, накормил, оставил на ночлег.

На следующее утро, когда монах уже был готов отправиться дальше, он пошел проститься с пастухом. Подойдя к загону, он увидел, что все овцы разбежались, испугавшись грозы, и что пастух пытается их собрать.

Монах подумал, что остальные, наверное, уже выходят из городка, и если он не поторопится, то сильно от них отстанет. Но он не мог бросить в беде пастуха, давшего ему кров. Поэтому он решил остаться, пока они вместе не соберут скот.

Через три дня он отправился в путь быстрым шагом, чтобы догнать своих товарищей.

По пути он остановился на одной ферме, пополнить свои запасы воды.

Женщина показала ему колодец и извинилась, что не может ему помочь: ей нельзя ни на минуту оторваться от сбора урожая... Пока монах поил своих мулов и грузил на

них бурдюки с водой, женщина рассказала ему, что после смерти мужа ей и ее малолетним детям очень трудно собрать весь урожай без потерь.

Человек понял, что эта женщина никак не успеет собрать весь урожай, но он также отдавал себе отчет, что если он останется, то не найдет дорогу и не сможет попасть в Ваали к приходу Будды.

«Что ж, я увижу его несколькими неделями позже», — подумал он, зная, что Будда остановится в Ваали на этот срок.

Сбор урожая занял три недели, и сразу по его окончании монах снова был в пути.

По дороге он узнал, что Будда уже покинул Ваали и ушел в другой город, ближе к северу.

Монах изменил свой маршрут и направился к этой новой цели.

Он вполне мог бы туда успеть, хотя бы просто посмотреть на Будду, но ему пришлось спасать пару стариков, уносимых речным потоком, ведь, не приди он на помощь, их ждала верная смерть. Когда старикам уже ничего не угрожало, он снова пустился в путь, зная, что Будда идет своей дорогой...

Двадцать лет шел монах вслед за Буддой... Каждый раз, когда он его нагонял, случалось что-то, и он откладывал свое путешествие. Каждый раз он кому-нибудь был нужен, и это не позволяло монаху прийти вовремя.

В конце концов он узнал, что Будда решил вернуться в свой родной город, чтобы умереть.

— На этот раз, — сказал себе монах, — это мой последний шанс. Если я не хочу умереть, не повидав Будду, я больше не должен сворачивать со своего пути. Сейчас для меня самое важное — это увидеть Будду, пока он жив. Я еще успею помочь всем остальным.

И со своим последним мулом и скудной провизией он снова тронулся в путь.

Накануне прихода в нужный город он чуть не споткнулся о раненого оленя, лежащего посреди дороги. Он оказал оленю первую помощь, напоил его и смазал ему раны свежей глиной. Олень широко открывал рот: ему трудно было дышать, не хватало воздуха.

«Кому-то нужно с ним остаться, — подумал монах, — чтобы мне идти дальше».

Но вокруг никого не было видно.

Он очень осторожно положил оленя рядом с большими камнями, поставил ему воду и еду так, чтобы тот смог дотянуться, и собрался уходить.

Он успел сделать всего пару шагов, когда вдруг понял, что не может предстать перед Буддой, зная в глубине души, что оставил одного беззащитного умирающего...

Поэтому он распряг мула и остался ухаживать за оленем. Всю ночь он глаз не сомкнул, сторожа его сон, словно тот был малым ребенком. Он подносил ему воду прямо ко рту и менял повязки у него на лбу.

К рассвету оленю стало лучше.

Монах встал, отошел в укромное место и расплакался, потому что упустил свою последнюю возможность.

— Я уже никогда тебя не увижу, — сказал он вслух.

— Не ищи меня больше, — слышался голос у него за спиной, — потому что ты меня уже нашел.

Монах повернулся и увидел, что от оленя исходит сияние и принимает очертания Будды.

— Ты бы никогда меня не увидел, если бы бросил меня умирать этой ночью, чтобы пойти в город на встречу со мной... И не беспокойся по поводу моей смерти: Будда не может умереть, пока есть такие люди, как ты, способные искать меня долгими годами и жертвовать своими интересами, чтобы помочь другим. Это и есть Будда. Будда — в тебе самом.

...

— Мне кажется, я понял. С виду высокая цель может быть и стимулом, чтобы воспарить на крыльях, но и оправданием для тех, кто ползает.

— Именно так, Демиан, именно так.

УПОРНЫЙ ЛЕСОРУБ

— Не знаю, что происходит, Толстяк. В университете все идет не так, как мне хотелось бы.

— Что ты имеешь в виду?

— С начала года моя успеваемость снижается «медленно, но верно». Обычно я получал семерку*, восьмерку, иногда девятку. Но в последнюю сессию самой высокой оценкой была шестерка. Не знаю, у меня больше нет ни сил, ни желания, я не могу сосредоточиться.

— Ну, Демиан, ты должен учитывать, что сейчас конец года. Может, тебе нужен отдых.

— Я хочу отдохнуть, но до конца года еще два месяца, так что я не могу устроить себе каникулы.

— Иногда мне кажется, что цивилизации удалось свести нас всех с ума. Мы спим с двенадцати до восьми, обедаем с двенадцати до часу, ужинаем с девяти до десяти... Получается, что нами управляют часы, а отнюдь не наши желания. Я считаю, что для некоторых вещей жизненно необходим некоторый порядок, но в остальном абсолютно непонятно, зачем он нужен.

— Что бы ты ни говорил, сейчас мне отдыхать никак нельзя.

— Но ты при этом утверждаешь, что твоя успеваемость падает.

— Должен же быть какой-нибудь другой способ!

* В Аргентине двенадцатибалльная система оценок.

Жил-был лесоруб, который нанялся работать на лесозаготовки. Заработки были хорошие, условия работы еще лучше, поэтому он решил не ударить в грязь лицом.

В первый день он явился к бригадиру, тот дал ему топор и выделил участок в лесу.

Человек, полный энтузиазма, взялся за работу.

В тот день он срубил восемнадцать деревьев.

— Поздравляю! — сказал ему бригадир. — Так держать!

Вдохновленный словами бригадира, лесоруб решил на следующий день работать еще лучше. Поэтому вечером он лег спать рано.

Наутро он встал первым и пошел в лес.

Несмотря на все свое усердие, он срубил только пятнадцать деревьев.

«Наверно, я устал», — подумал он и решил лечь спать с заходом солнца.

С первыми его лучами он встал, полный решимости побить свой рекорд в восемнадцать деревьев. Тем не менее в этот день он не сделал и половины.

На следующий день было семь деревьев, потом пять и напоследок он потратил весь вечер на второе дерево.

Беспокоясь, что скажет бригадир, лесоруб все ему объяснил, при этом он клялся и божился, что старается из последних сил.

Бригадир спросил его:

— Когда ты в последний раз точил топор?

— Точил топор? У меня и времени на это не было: я был слишком занят, я валил деревья!

— Какой толк, Демиан, начинать дело с приложения огромных усилий, которые вскоре сойдут на нет? Когда я очень напрягаюсь, мне всегда не хватает времени, чтобы восстановить силы.

Отдыхать, менять род деятельности, заниматься чем-то другим — это зачастую способ отточить наши орудия труда. А продолжать делать что-то через силу — это, напротив, бесплодная попытка усилием воли компенсировать неспособность человека сделать что-нибудь в определенный момент его жизни.

КУРИЦА И УТЯТА

Мы часто ссорились с родителями. Они меня, как мне казалось, совсем не понимали.

Я никак не мог найти с ними общий язык. Особенно с отцом.

Я всегда думал, что мой отец — удивительный человек, и продолжал так считать. Но, судя по его поведению, он-то воспринимал меня как идиота. Все, что я делал, казалось ему никуда не годным, ненужным, опасным или неадекватным. А когда я пытался что-нибудь ему объяснить, становилось еще хуже: наши мнения были диаметрально противоположными.

— ...и я отказываюсь верить, что мой отец поглупел.

— Ну, я не думаю, что он поглупел.

— Но уверяю тебя, Толстяк, он ведет себя как полный идиот. Как будто он пытается придерживаться каких-то абсолютно тупых, старомодных взглядов. А ведь мой отец не так уж и стар, чтобы не понимать молодежь. Решительно, это очень странно.

— Сказку?

— Сказку!

Жила-была утка, отложившая четыре яйца. Когда она их высидывала, лиса напала на нее в гнезде и убила. Но по какой-то причине не успела съесть яйца, прежде чем убежать, и они остались лежать там.

Одна курица-наседка шла мимо и увидела брошенное гнездо. Инстинкт заставил ее сесть на яйца.

Вскоре утята появились на свет и, естественно, подумали, что курица — их мама, и стали везде ходить за ней гуськом.

Курица, гордая своим потомством, отвела их на ферму.

Каждое утро, когда пропоет петух, мама-курица начинала ковыряться в земле, а утята старались ей подражать. Когда им не удавалось достать из земли даже жалкого червячка, мама кормила всех своих цыпляток. Она рвала на кусочки дождевых червей и клала каждому в клюв.

Однажды в самый обычный день курица вышла погулять со своим выводком по окрестностям фермы. Ее цыплятки дисциплинированно шли за ней гуськом.

Но около озера утята вдруг в мгновение ока нырнули в воду, как будто так и надо, а курица беспокойно закудакала, умоляя их немедленно вылезти оттуда.

Утята весело плавали и плескались, а их мама в отчаянии прыгала по берегу и плакала, что они могут утонуть.

Привлеченный криками несчастной матери, пришел петух и сразу понял, что к чему.

— Нельзя надеяться на молодежь, — изрек он. — Она так безрассудна.

Один из утят, услышав слова петуха, подплыл к берегу и сказал:

— Не обвиняйте нас в своих собственных комплексах.

— Не думай, Демиан, что курица была не права.

Не суди строго петуха.

Не считай, что утята вели себя заносчиво и вызывающе.

Все эти персонажи правы. Просто они смотрят на жизнь с разных позиций.

...

Единственная ошибка,
почти всегда,
это думать, что только
с твоей колокольни
видна вся правда.
Глухой всегда считает,
что те, кто танцует, —
сумасшедшие.

БЕДНЫЕ ОВЕЧКИ

Я задумался об отношениях отцов и детей.

Прав был Толстяк! Каждое поколение смотрит на мир со своей собственной колокольни. Мы конфликтует с родителями, как в свое время они — с нашими бабушками и дедушками, потому что не можем прийти к согласию даже по поводу окружающей нас действительности.

— Знаешь, я поговорил со своими родителями...

— Да?

— Я рассказал им сказку о курице.

— И что?

— Сначала они отреагировали, как я и ожидал. Моя мама сказала, что не видит никакой связи, а отец — что не согласен. Но потом мы долго сидели молча, и в результате наши мнения уже не были столь противоположны.

— Ты смог наконец привести к согласию несогласных.

— Да, именно так. Легко договориться, когда между нами есть согласие. Трудно договориться по тем вопросам, по которым его нет. Но у нас случилось именно так.

— Здорово!

— Но тем не менее в конце разговора мой отец объяснил, что к их мнению должны прислушиваться из-за возраста, опыта и потому, что в жизни есть опасности,

с которыми мы не в состоянии справиться без их помощи, и все такое прочее...

— А ты как считаешь?

— Что это не так. Что я могу справиться почти с любой ситуацией.

— Но, значит, все-таки не с любой?

— Наверное... не с любой.

— Тогда твой отец прав. Есть еще «опасности», при встрече с которыми тебе понадобится их помощь.

— В общем, да.

— Такая постановка вопроса не очень-то выгодна для тебя, не так ли?

— Да, но это ведь правда.

— Это правда! Теперь остается узнать, вся ли правда.

— Как это?

— А вот послушай...

Жила-была семья пастухов. Все их овцы жили вместе, в одном загоне. Пастухи их кормили, ухаживали за ними и пасли.

Время от времени овцы пытались убежать.

Тогда появлялся самый старший из пастухов и говорил им: «Вы, несознательные и непокорные овцы, не знаете, что долина за пределами этого загона полна опасностей. Только здесь, внутри, у вас всегда будет вода, еда и, что самое важное, защита от волков».

Обычно этого было достаточно, чтобы охладить «свободолюбивый пыл» овец.

Но однажды родилась овца не такая, как все. Скажем так, это была паршивая овца. В ней жил бунтарский дух, и она подбивала своих подруг убежать на свободу в луга.

Приходы старого пастуха, предостерегавшего овец от внешних опасностей, стали более частыми и длительными.

ми. Но, несмотря на них, овцы становились все беспокойнее и, когда их выводили из загона, все труднее было снова собрать их.

И вот однажды ночью паршивая овца смогла склонить овец к побегу.

Пастухи узнали об этом только на рассвете, увидев сломанный и пустой загон.

Все вместе они пошли к старику, главе семьи, рассказать о свалившемся на них горе.

— Они убежали! Они убежали! — причитали они хором.

— Бедняжки...

— А если голод...

— А если жажда...

— А если волк...

— Что будет с ними без нас?

Старик кашлянул, затянулся своей трубкой и ответил причитавшим:

— Действительно, что будет с ними без нас? И что еще хуже... что будет с нами без них?

БЕРЕМЕННАЯ КАСТРЮЛЯ

— Как у тебя с родителями?

— С переменным успехом, — ответил я. — Есть моменты, когда между нами — полное взаимопонимание и каждый может поставить себя на место другого, но бывают и абсолютно безвыходные ситуации, когда ничего нельзя поделаться.

— Не переживай, Демиан. Думаю, твои отношения с другими людьми будут складываться точно так же на протяжении всей твоей жизни.

— Да, но с родителями это все равно совсем другое дело. Они мои родители...

— Конечно, родители. Но почему ты говоришь, что это другое дело?

— У них есть определенная власть на том основании, что они мои родители.

— Какая власть?

— Власть надо мной.

— Ты уже взрослый человек, Демиан, и поэтому ни у кого не может быть власти над тобой. Ни у кого. По крайней мере, ни у кого не может быть большей власти, чем ты ему дашь.

— Я родителям не даю никакой власти.

— Мне кажется, даешь.

— Но это их дом, они меня кормят, частично оплачивают мое обучение, мать стирает мне белье, управляет мою кровать... Это дает им некоторое право.

— А разве ты не работаешь?

— Работаю, разумеется.

— И в чем же дело? Я понимаю, что тебе приходится жить с родителями, если ты не можешь позволить себе отдельную квартиру. Но что касается всего остального, я считаю, ты кое-что мог бы делать сам, если действительно хочешь бороться за свою независимость.

— Что ты имеешь в виду? Ты, как моя мать, разговариваешь со мной, будто я полное ничтожество. Словно самое главное — это научиться заправлять свою кровать по утрам!

— Нет, я так не думаю. Но ведь именно ты требуешь свободы и независимости.

— Я не хочу свободы и независимости, чтобы самому готовить себе еду, убирать постель и стирать белье. Мне она нужна, чтобы не просить разрешения, чтобы иметь право рассказывать только то, что я хочу, и не более того.

— Может быть, Демиан, эти две категории «свобод» взаимозависимы.

— Я хочу продолжать видеться с родителями.

— Конечно, я понимаю, в твоём нынешнем положении ты борешься выборочно за некоторые права, но отказываешься от выполнения части обязанностей, проистекающих из этих прав.

— Но я же могу выбирать, в чем я хочу стать самостоятельным в первую очередь, а в чем я предпочел бы подождать немного.

— Может быть, эта сказка поможет тебе определиться.

Один человек как-то попросил у соседа одолжить ему кастрюлю. Хозяина кастрюли нельзя было назвать очень хорошим соседом, но отказать в просьбе он не смог.

Через четыре дня кастрюля не была возвращена, поэтому ее хозяин под предлогом, что она нужна ему самому, пошел к соседу просить ее обратно.

— Я как раз собирался идти к вам, чтобы вернуть ее... Роды были такими тяжелыми!

— Какие роды?

— Кастрюли.

— Как это?

— Ах, разве вы не знали? Кастрюля была беременна.

— Беременна?

— Да, и той же ночью она родила. Поэтому ей нужен был полный покой, но она уже чувствует себя хорошо.

— Покой?

— Да, минуточку.

И, зайдя в дом, он вынес кастрюлю, ковшик и сковородку.

— Это не мое. Моя только кастрюля.

— Да нет же, ваше. Это дети кастрюли. Если она ваша, то и дети тоже.

Человек подумал, что его сосед сошел с ума. «Но лучше не противоречить ему», — сказал он про себя.

— Хорошо, спасибо.

— Не за что. До свидания.

— Пока, пока.

И человек вернулся домой с ковшиком, сковородкой и кастрюлей.

Вечером сосед снова постучался к нему.

— Не могли бы вы мне одолжить щипцы и отвертку?

На этот раз человек уже чувствовал себя обязанным.

— Да, конечно.

Он вынес ему щипцы и отвертку.

Прошла почти неделя, и, когда он уже подумывал пойти за своими вещами, сосед сам постучался к нему.

— Ах, сосед, вы знали?

— О чем?

— Что щипцы и отвертка муж и жена?

— Да что вы говорите! — сказал человек с круглыми от удивления глазами. — Я не знал.

— Простите, это я недоглядел. Я оставил их на какое-то время одних, и она забеременела.

— Отвертка?

— Отвертка! Я принес вам их детей.

И, открыв корзиночку, он отдал ему несколько шурупов, гаек и гвоздей, которых, по его словам, родила отвертка.

«Он окончательно сошел с ума, — подумал человек. — Но гвозди и шурупы всегда кстати».

Прошло два дня. Сосед-попрошайка появился снова.

— Недавно, — сказал он, — когда я возвращал отвертку, я заметил у вас на столе прекрасную золотую амфору. Не были бы вы так любезны одолжить мне ее на одну ночь?

У хозяина амфоры загорелись глаза.

— Разумеется, — ответил он в порыве щедрости и вынес из дому амфору, которую у него попросили.

— Спасибо, сосед.

— До свидания.

— Пока.

Прошла эта ночь, за ней другая, а хозяин амфоры все не решался пойти к соседу, чтобы тот ее вернул. Тем не менее через неделю он отправился за ней.

— Амфора? — удивился сосед. — А разве вы не слышали?

— О чем?

— Она умерла при родах.

— Как это, умерла при родах?

— Да, амфора была беременна и умерла при родах.

— Послушайте, вы считаете меня дураком? Как может забеременеть золотая амфора?

— Это вы меня послушайте, сосед! Вы приняли как должное беременность и роды кастрюли. Затем свадьбу и потомство щипцов и отвертки. Почему же сейчас вы не хотите признать беременность и смерть амфоры?

— Ты, Демиан, можешь выбирать, что хочешь. Но ты не можешь быть самостоятельным в том, что тебе легко и приятно, и отказываться от этой самостоятельности, когда от тебя требуется усилие. Твое мнение, свобода, самостоятельность и возрастающая ответственность идут рука об руку с твоим духовным совершенствованием. Ты должен выбирать, становиться ли тебе взрослым или оставаться ребенком.

ГЛАЗАМИ ЛЮБВИ

— Мне кажется, что мои родители постарели и утратили ясность ума.

— А мне кажется, что ты стал смотреть на них по-другому.

— При чем тут это? Как ты говоришь: «Что есть, то есть».

— Подожди, я расскажу тебе...

Король был влюблен в Сабрину, женщину из народа, на которой он женился.

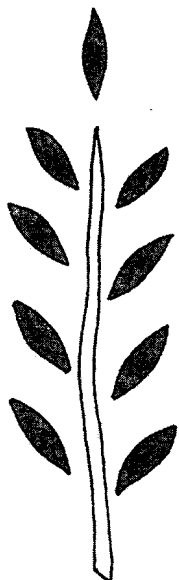
Однажды король был на охоте, а во дворец прибыл голец с известием, что мать Сабрины больна. И хотя можно было поплатиться головой за нарушение запрета брать личную карету короля, Сабрина села в нее и поехала к матери.

По возвращении король узнал о случившемся.

— Вот что значит дочерняя любовь! — сказал он. — Сабрина не задумываясь поставила на карту свою жизнь, чтобы ухаживать за больной матерью. Разве она не удивительная?

В другой раз Сабрина сидела в дворцовом саду и ела фрукты, когда пришел король. Она с ним поздоровалась и затем надкусила последний персик, остававшийся в корзине.

— На вид они вкусные! — сказал король.

— И правда, вкусные, — согласилась принцесса и протянула ему последний персик.

— Как она меня любит! — рассказывал потом король. — Она отказала себе в удовольствии, отдав последний персик. Она просто чудо!

Прошло несколько лет, и, кто знает почему, любовь и страсть покинули сердце короля.

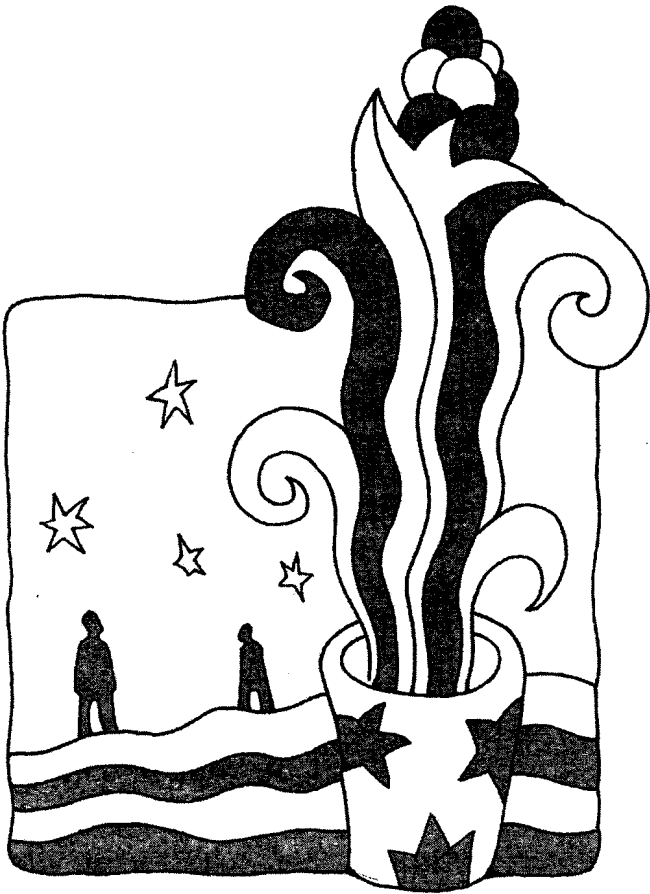
Сидя рядом с самым близким своим другом, он говорил ему:

— Она так и не научилась вести себя по-королевски. Разве она не нарушила мой запрет, взяв мою карету? Но это еще не все. Помню, как-то она дала мне надкушенный персик.

— Действительность всегда неизменна. Что есть, то есть. Однако, как, например, в этой сказке, человек может толковать эту действительность по-разному.

Осторожнее со своими ощущениями, говорил мудрец.

**ЕСЛИ ТО, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ,
ИДЕАЛЬНО СООТВЕТСТВУЕТ
ТОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ,
КОТОРАЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО
ТЕБЯ УСТРАИВАЕТ...
НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ!**

ПОБЕГИ ОМБУ*

Как только я вошел в дверь, Хорхе сказал мне:

— У меня есть для тебя сказка.

— Сказка? Почему так сразу?

— Не знаю, мне показалось, что она бы тебе не помешала.

— Хорошо, — согласился я, полагаясь на его мнение.

Это был очень маленький городок.

Такой маленький, что его не было на картах страны.

Такой маленький, что в нем была всего одна крошечная площадь, и на этой единственной площади росло единственное дерево.

Но люди любили этот городок, любили его площадь и ее дерево: огромное омбу, стоящее посередине площади. А также в центре повседневной жизни населявших городок людей: каждый вечер, около семи, после работы, жители, приняв ванну, одевшись и причесавшись, встречались на площади, чтобы обойти пару раз вокруг омбу.

Много лет подряд молодые люди, их родители и родители их родителей каждый день встречались возле омбу.

Долгие годы там совершали сделки, принимали важные решения, договаривались сыграть свадьбу и провожали в последний путь усопших.

* Омбу — вечнозеленое дерево. Культивируется как декоративное в городах Южной Америки.

Однажды произошло нечто необычное и чудесное: на одном из боковых корней буквально из ничего выросла зеленая веточка с двумя листиками, тянущимися к солнцу.

Это был молодой побег. Первый побег омбу с начала его существования.

Когда бурные эмоции по этому поводу улеглись, была создана комиссия по организации праздника, на котором все смогли бы выпить за такое важное событие.

К удивлению организаторов, не все жители городка пришли на этот праздник. Были и такие, кто говорил, что молодой побег станет источником проблем.

Дело в том, что через несколько дней после появления первого начал пробиваться второй. И за месяц на уже седых корнях омбу росло около двадцати зеленых веточек.

Но радость одних и равнодушие других длились недолго.

Тревогу забил сторож с площади. Со старым омбу что-то творилось. Его листья пожелтели, были вялыми и легко опадали. Кора, раньше нежная и мясистая, пересохла и потрескалась. Сторож поставил свой диагноз.

— Омбу больно. И, возможно, умрет.

В тот день во время вечерней прогулки завязалась бурная дискуссия. Некоторые стали говорить, что во всем виноваты побеги. Эти люди прибегали ко вполне конкретным и обоснованным аргументам: до появления побегов все шло хорошо.

Защитники побегов утверждали, что одно с другим не связано и что побеги были гарантией на будущее, если что-нибудь случится с самим омбу.

Когда позиции обозначились, образовались две противоборствующие группировки. Одна из них выступала за старика-омбу, другая — за новые побеги.

Слово за слово споры становились все более жаркими, а позиции группировок — все более далекими друг от дру-

га. С наступлением ночи они решили вынести эту тему на завтрашнее собрание жителей городка, чтобы страсти немного улеглись.

Но этого не произошло. На следующий день защитники омбу, как они стали называть себя, сказали, что решение проблемы — вернуть все как было. Побегі отнимают силы у старого омбу и паразитируют на нем. Значит, нужно уничтожить побегі.

Защитники жизни, как окрестила себя вторая группировка, выслушали их с беспокойством, потому что у них тоже состоялось предварительное собрание для выработки решения. По их мнению, нужно было немедленно срубить старое омбу, которое отжло свой век и теперь только заслоняло солнце и отбирало воду у новорожденных. К тому же его было бесполезно защищать, потому что оно и так уже было мертво.

Дискуссия закончилась ссорой, а она — потасовкой с криками, оскорблениями и пинками. Полиция разогнала драку, отправив всех участников по домам.

Защитники омбу собрались той же ночью и решили, что положение отчаянное, поскольку их тупоголовые противники не станут прислушиваться к их доводам, а следовательно, нужно действовать. Вооружившись секаторами, лопатами и кирками, они решили напасть первыми: после уничтожения побегов переговоры пошли бы в другом ключе.

Очень довольные собой, они пришли на площадь.

Подойдя ближе к дереву, они увидели группу людей, складывающих костер вокруг омбу. Это были защитники жизни, планировавшие поджечь его.

Обе группировки опять сцепились в жарком споре, но на этот раз их оружием были ненависть, обида и жажда разрушения.

Несколько побегов были потоптаны и повреждены во время драки.

У старого омбу тоже серьезно пострадали ствол и ветви.

Более двадцати защитников с обеих сторон оказались в больнице с ранениями разной степени тяжести.

На следующее утро площадь имела совсем другой вид. Защитники омбу соорудили ограду вокруг дерева, которое непрерывно охраняли четверо вооруженных людей.

Защитники жизни, со своей стороны, вырыли ров и натянули колючую проволоку вокруг оставшихся побегов, чтобы отразить любую атаку.

Обстановка в самом городке тоже была невыносимой: каждая группировка, стремясь обеспечить себе большую поддержку населения, до крайности политизировала ситуацию и заставляла всех остальных жителей четко определить свою позицию. Сторонники омбу становились ярыми врагами защитников жизни, и, соответственно, тот, кто хотел сбегать, должен был смертельно ненавидеть защитников омбу.

В результате было принято решение обратиться к мировому судье, которым был в то время священник маленькой городской церкви, чтобы он вынес свой вердикт в следующее воскресенье.

В этот день между представителями враждующих лагерей, находившимися по обе стороны разделяющей их веревки, разгорелась словесная дуэль. Крик стоял ужасный, и никто не мог заставить себя слушать.

Вдруг открылась дверь, и обе группировки увидели старейшину, шедшего по коридору, тяжело опираясь на свой посох.

Старейшина, которому сейчас было, наверно, больше ста лет, в молодости основал этот городок, планировал, где пройдут улицы, распределял земельные участки под застройку и, конечно же, сажал это дерево.

Старейшину уважали все, в его словах была мудрость, сопутствующая ему на протяжении всей жизни.

Старик оттолкнул от себя руки, протянутые, чтобы помочь ему, с трудом поднялся на возвышение и обратился к собравшимся.

— Идиоты! — сказал он. — Вы сами себя называете защитниками омбу, защитниками жизни... Защитники? Да ведь вы не способны никого защитить, потому что ваше единственное желание — причинять вред всем инакомыслящим. Вы не осознаете свою ошибку, но не правы ни те, ни другие.

Омбу — не камень. Это живое существо и в качестве такового имеет свой жизненный цикл. На его протяжении он должен дать жизнь тем, кто продолжит его дело, то есть дать побеги, которые станут потом новыми деревьями.

Но побеги, дураки, — это не только побеги. Поэтому они не смогут жить, если омбу умрет, но и существование самого омбу было бы бессмысленным, если бы оно не дало начало новой жизни.

Готовьтесь, защитники жизни, тренируйтесь и вооружайтесь. Скоро настанет час жечь ваших родителей в их собственных домах, когда они постареют и станут вам помехой.

Готовьтесь и вы, защитники омбу. Упражняйтесь на побегах. Вы должны быть готовы растоптать и убить своих детей, когда они захотят превзойти вас или занять ваше место.

И вы еще зовете себя защитниками!
Когда единственное ваше желание —
разрушать.
И вы не отдаете себе отчета,
что, разрушая
и разрушая,
вы разрушите также
неизбежно

**все,
что хотите защитить.
Задумайтесь!
У вас осталось мало времени...**

Сказав это, он медленно сошел с возвышения, направился к двери в абсолютной тишине... и ушел.

Хорхе молчал. Я не мог сдержать слезы. Встал и ушел, молча, усталый, но с абсолютно ясной головой...

Столько еще было не сделано!

ЛАБИРИНТ

Хорхе написал сказку и, по моей ли просьбе, по собственному ли желанию или по этим двум причинам одновременно, поделился ею со мной.

Он всегда любил загадки. С детства он брался за любой кроссворд, головоломку, лабиринт, криптограмму или задачку на сообразительность, попадавшие в его руки.

Более или менее успешно он посвятил большую часть своей жизни и интеллекта решению задач, придуманных другими людьми. Естественно, и он ошибался, через его руки прошло много загадок, слишком сложных даже для него.

Столкнувшись с подобной дилеммой, Йорошка всегда следовал одному и тому же ритуалу: он долго ее разглядывал и, будучи экспертом, сразу определял, относится ли эта задача к категории нерешаемых.

Если его интуиция говорила «да», Йорошка глубоко вздыхал, но все равно принимался за ее решение.

Тогда у него начинался период разочарования, потому что стремление разобраться и в этой загадке превращалось в навязчивую идею.

Возникали вопросы без ответа, тупики, сложные символы, незнакомые слова и непредвиденные ходы.

А Йорошка уже давно понял, что ему нужно добиться успеха в жизни. Может быть, именно поэтому такие загадки начали вызывать у него скуку?

Дело в том, что вскоре после очередной неудачной попытки решения им овладевала просто вселенская скука и он бросал все на полпути, ругая в глубине души дурацких составителей задач, которые даже он не мог решить...

Думаю, что, поскольку ему было скучно разгадывать и слишком легкие загадки тоже, он пришел к выводу, что существуют загадки по меркам каждого отгадчика, и только он может определить, какие именно ему больше всего подходят.

«В идеале каждый должен придумывать загадки “под себя”», — подумал он. Но сразу понял, что такая загадка теряет всякий смысл, потому что ее создатель заранее будет знать ответ.

Отчасти чтобы развлечься, отчасти вдохновленный идеей помочь таким же, как он, отгадчикам, он начал составлять загадки, игру слов, цифр, задачи на логическое и абстрактное мышление...

Но его шедевром стал построенный им лабиринт.

Однажды тихим солнечным днем в одной из комнат своего большого дома он начал кирпич за кирпичом возводить стены огромного лабиринта в натуральную величину.

Прошли годы. Он делился своими загадками с друзьями, специализированными журналами и некоторыми газетами. Но о лабиринте, который постоянно разрастался внутри его дома, не знал никто.

Йорошка с каждым разом усложнял свой лабиринт. И даже не замечал, что в нем появляется все больше и больше тупиков.

Это творение стало частью его жизни. Не проходило и дня, чтобы Йорошка не добавил какой-нибудь кирпич, не закрыл какой-нибудь выход, не продлил какой-нибудь изгиб, чтобы затруднить проход по нему.

Примерно через двадцать лет в комнате, где был лабиринт, не осталось больше места, и он, естественно, стал проникать в другие помещения дома.

Чтобы попасть из спальни в ванную, нужно было сделать восемь шагов вперед, повернуть налево, сделать еще шесть шагов, повернуть направо, спуститься на три ступеньки, еще пять шагов, снова — направо, преодолеть препятствие и открыть дверь.

Чтобы выйти на террасу, нужно было перегнуться через левую стену, спуститься вниз на несколько метров и сразу же подняться по веревочной лестнице на верхний этаж.

Так понемногу его дом превращался в огромный лабиринт в натуральную величину.

Сначала это доставляло ему удовольствие. Было весело передвигаться по этим коридорам, приводившим иногда в тупик, потому что, даже будучи автором лабиринта, невозможно было помнить все пути наизусть.

Это был лабиринт, сделанный по его мерке.

По его мерке.

Начиная с этого момента Йорошка стал приглашать людей в свой дом, в свой лабиринт. Но даже тем, кто сначала проявлял интерес, это быстро наскучило, как и ему — все остальные загадки.

Йорошка предлагал им совершить экскурсию по дому, но через некоторое время его гости уходили. И все без исключения говорили ему примерно одно и то же: «Так жить нельзя».

В конце концов Йорошка устал от вечного одиночества и переехал в дом без лабиринтов, где он спокойно принимал гостей.

Однако каждый раз, когда он знакомился, как ему казалось, с разумным человеком, он вел его в свой настоящий дом.

Так же как летчик из «Маленького принца», со своими удавами внутри и удавами снаружи, Йорошка открывал свой лабиринт только тем, кого считал достойными такой чести.

...Йорошка так и не нашел никого, кто захотел бы жить с ним в этом доме.

КЛУБ ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТИ

— Почему, Толстяк? Почему нельзя жить спокойно?

— Разве?

— Конечно, я иногда об этом думаю. С Габриэлой у нас все хорошо, лучше, чем раньше, но не так, как мне хотелось бы. Не знаю. Чего-то не хватает: страсти, огня или веселья. В университете тоже происходит нечто подобное: я хожу на занятия, учу, успешно сдаю экзамены. Но мне этого не хватает. Нет чувства удовлетворения, ежедневного удовольствия от того, что я изучаю, что хочу. И с работой то же самое. Мне там хорошо, и мне платят хорошую зарплату, но не такую, какую мне хотелось бы получать.

— И везде так?

— Мне кажется, да. Я никогда не могу расслабиться и сказать: «Ну вот, теперь все хорошо». У меня происходит так же и с братом, с друзьями, с деньгами, со здоровьем... Со всем, что меня интересует.

— Несколько недель назад, когда ты переживал из-за обстановки у тебя дома, причина была та же?

— Думаю, да. Но там были более серьезные поводы для беспокойства, по сравнению с которыми это — просто ерунда. То, о чем я говорю сегодня, — в некотором роде «роскошь», необходимая для полноты ощущений.

— Одним словом, твое беспокойство проявляется, когда серьезные проблемы уже позади.

— Все правильно.

— Значит, эта проблема возникает, когда у тебя нет других проблем.

— В каком смысле?

— Когда во всем наблюдается улучшение.

— В общем... да.

— Скажи мне, Демиан, кем ты себя ощущаешь, признавая, что у тебя есть одна проблема, которая проявляется только тогда, когда все идет на лад?

— Я ощущаю себя дураком.

— Что есть, то есть, — сказал Толстяк. — Я давно не рассказывал тебе сказку про короля.

— Действительно.

— Жил-был, что называется, классический король.

— А что такое классический король?

— Классический сказочный король очень могуществен, богат, у него прекрасный дворец, множество всяческих яств на столе, красивые жены, он не знает ни в чем отказа. Тем не менее он несчастлив.

— Ах...

— И чем более классической является сказка, тем менее счастлив король.

— А этот король, он был классический?

— Самый классический.

— Вот бедняга!

Жил-был очень грустный король, у которого, как у всех грустных королей, был очень счастливый слуга.

Каждое утро он будил короля, распевая и насвистывая веселые песни трубадуров. На его радостном лице сияла широкая улыбка, и жил он спокойно и счастливо.

Как-то раз король приказал позвать его.

— Паж, — сказал он ему, — в чем секрет?

— Какой секрет, ваше величество?

— В чем секрет твоего веселья?

— Нет никакого секрета, ваше величество.

— Не лги мне, паж. Я рубил головы за меньшие оскорбления, чем ложь.

— Я не лгу, ваше величество. У меня нет никакого секрета.

— Почему ты всегда весел и счастлив? А? Почему?

— Мой господин, у меня нет причин для грусти. Ваше величество оказывает мне честь, позволяя обслуживать себя. Моя жена и дети живут в доме, выделенном мне королевским двором. Нас одевают и кормят, и, кроме того, ваше величество иногда дает мне несколько монет на оплату какой-нибудь нашей прихоти. Как мне не быть счастливым?

— Если не откроешь мне свой секрет сию минуту, я прикажу отрубить тебе голову, — сказал король. — Никто не может быть счастлив по перечисленным тобой причинам.

— Но, ваше величество, никакого секрета нет. Больше всего на свете мне бы хотелось угодить вам, но я ничего не утаил.

— Уходи, уходи, пока я не позвал палача!

Слуга улыбнулся, поклонился и вышел из комнаты.

Король был на грани помешательства. Он не мог объяснить себе, почему паж так счастлив, живя взаимы, одеваясь в одежду с чужого плеча и питаясь объедками со стола придворных.

Успокоившись, он позвал самого мудрого из своих советников и передал ему утренний разговор.

— Почему этот человек счастлив?

— А, ваше величество, это потому, что он не член клуба.

— Не член клуба?

— Именно так.

— И это делает его счастливым?

— Нет, мой господин, это то, что не делает его несчастным.

— Правильно ли я понял? Ты несчастен, потому что ты член клуба.

— Все правильно.

— А он не в клубе?

— Именно так.

— А как он из него вышел?

— Он в него никогда не вступал.

— И что это за клуб?

— Клуб девяноста девяти.

— Я действительно ничего не понимаю.

— Ты смог бы понять, если бы увидел, как это действует.

— Как это?

— Позволить своему папу вступить в клуб.

— Да, давай заставим его вступить.

— Нет, ваше величество. Никто никого не может заставить вступить в клуб.

— Значит, придется обмануть его.

— Этого не понадобится, ваше величество. Если мы дадим ему возможность, он сам в него вступит.

— Но он поймет, что это сделает его несчастным?

— Да, обязательно.

— Значит, он не станет вступать в клуб.

— Он не сможет этого избежать.

— Ты говоришь, что он поймет, какое несчастье ему принесет вступление в этот смешной клуб, и, несмотря на это, он в него вступит и не сможет выйти потом?

— Все так, ваше величество. Готов ли ты потерять великолепного слугу, чтобы понять, что это за клуб?

— Да.

— Очень хорошо. Сегодня ночью я зайду за тобой. Приготовь кожаный кошелек с девяноста девятью золотыми монетами. Ни больше, ни меньше.

— Что-нибудь еще? Взять охрану на всякий случай?

— Только кожаный кошелек. До вечера, ваше величество.

— До вечера.

Вот как все было.

Той же ночью мудрец зашел за королем. Вместе они тайком пробрались во внутренний двор дворца и спрятались около дома пажа. Там они дождались рассвета.

Когда в доме зажгли первую свечу, мудрец привязал к кошельку такую записку:

ЭТИ СОКРОВИЩА — ТВОИ.

ЭТО НАГРАДА

ЗА ДОБРОТУ.

РАСПОРЯЖАЙСЯ ИМИ

И НИКОМУ НЕ ГОВОРИ,

КАК ОНИ К ТЕБЕ ПОПАЛИ.

Потом он привязал кошелек к двери дома слуги, постучал и снова спрятался.

Когда слуга открыл дверь, мудрец и король наблюдали за всем происходящим из-за кустов.

Слуга увидел кошелек, прочитал записку, потряс им и, услышав металлический звон внутри, вздрогнул, прижал сокровище к груди, огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не видит, и вернулся в дом.

С улицы было слышно, как слуга задвинул засов, и шпионы заглянули в окно, посмотреть, что будет.

Слуга уже сбросил со стола все, кроме свечи. Сел и высыпал на стол содержимое кошелька. Он не мог поверить своим глазам.

Это была гора золотых монет!

У него, в руки которого за всю жизнь не попало ни одной золотой монеты, была теперь целая гора.

Паж трогал монеты и сгребал их. Гладил и любовался их блеском в свете свечи. Собирал их вместе и снова разбрасывал, складывал их штабелем.

Так, играя, он начал делать столбики по десять монет. Один столбик, два столбика, три столбика, четыре, пять, шесть... Одновременно он их считал: десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят... Пока в последнем столбике не оказалось... девять монет!

Сначала он искал глазами на столе, где же еще одна. Потом глянул на пол и наконец в кошелек.

«Не может быть», — подумал он. Он придвинул последний столбик к остальным и убедился, что он ниже.

— Меня ограбили! — закричал он. — Ограбили! Будьте вы прокляты!

Он снова искал на столе, на полу, в кошельке, в карманах одежды, под мебелью... Но не нашел того, что искал.

А на столе, как будто насмехаясь над ним, блестящий столбик монет напоминал, что их всего девяносто девять. Только девяносто девять.

«Девяносто девять монет — это большие деньги, — подумал он. — Но у меня не хватает одной монеты. Девяносто девять — это не круглое число. Сто — круглое, а девяносто девять — нет».

Король и его советник наблюдали через окно. У пажа уже было совсем другое выражение лица. Брови нахмурены, все черты искажены. Глаза словно уменьшились, а рот застыл в ужасном оскале, открывающем все зубы.

Слуга спрятал все монеты в кошелек и, оглядываясь по сторонам, не видит ли его кто-нибудь из домашних, засунул кошелек в дрова. Потом он взял перо и бумагу и занялся подсчетами.

Сколько ему пришлось бы копить, чтобы купить сотую монету?

Слуга разговаривал сам с собой.

Он был готов тяжело трудиться, чтобы добыть ее. А потом, может быть, он смог бы вообще бросить работу.

Имея сто золотых монет, человек может вообще не работать.

Имея сто монет, человек богат.

Имея сто монет, человек может жить спокойно.

Он закончил свои подсчеты. Если не будет тратить свою зарплату, а может, еще удастся подзаработать, то за одиннадцать-двенадцать лет накопится на недостающую золотую монету.

«Двенадцать лет — это большой срок», — подумал он.

Можно уговорить жену найти себе работу в городе на какое-то время. И, в конце концов, его служба во дворце заканчивалась в пять часов вечера, поэтому он мог бы еще куда-нибудь устроиться на подработку за дополнительную плату.

Подсчеты показали: если они с женой оба будут работать, то нужную сумму можно накопить за семь лет.

Это слишком долго!

Он мог бы продавать в городе еду, оставшуюся к концу дня. На самом деле, чем меньше они бы ели, тем больше стали бы продавать.

Продавать, продавать...

Начиналось лето. Зачем им столько зимней одежды? Зачем каждому больше одной пары обуви?

Все это требовало от них жертв. Но за четыре года лишений он накопил бы на свою золотую монету номер сто.

Король с мудрецом вернулись во дворец.

Паж вступил в клуб девяноста девяти.

В течение следующих месяцев слуга действовал согласно плану, продуманному той ночью. Однажды утром он вошел в королевскую спальню, громко хлопнув дверью. Он был раздражен и ворчлив.

— Что с тобой? — спросил король вежливо.

— Со мной все в порядке.

— Совсем недавно ты был весел, постоянно пел и смеялся.

— Я выполняю свои обязанности, не так ли? Что еще надо вашему величеству? Чтобы я был вашим шутком и трубадуром за те же деньги?

Очень скоро король уволил слугу. Так неприятно иметь пажа, у которого вечно плохое настроение.

— И сегодня, когда мы говорили, я вспоминал эту сказку о короле и слуге.

Ты и я, все мы были воспитаны в духе этой идиотской идеологии. Нам всегда чего-то не хватает, чтобы быть абсолютно довольными. А ведь только абсолютно довольный всем человек может наслаждаться тем, что имеет.

Поэтому мы запомнили, что счастье наступит, когда мы получим то, чего нам не хватает...

И поскольку нам всегда чего-то не хватает, мы возвращаемся к отправной точке: наслаждаться жизнью невозможно никогда...

Но что бы произошло,
если бы нас осенило
и мы бы поняли,
вот так, внезапно,
что наши девяносто девять монет —
это сто процентов богатства.
Что нам хватает всего,
что никто у нас ничего не отнимал,
что сто — не менее круглая цифра,
чем девяносто девять.
Что это всего лишь ловушка,
пряник,

которым нас манят,
чтобы мы, как дураки,
везли воз,
усталые, недовольные,
несчастные и смирившиеся.
Это ловушка,
чтобы мы не переставали
его тащить
и чтобы все шло,
как раньше.
Все время как раньше!
Как бы все изменилось,
если бы мы могли
просто радоваться тому,
что у нас есть.

— Но осторожно, Демиан, признать, что девяносто девять — это тоже богатство, не означает, что ты должен перестать к чему-нибудь стремиться. Это не означает, что ты должен соглашаться на что попало.

Потому что одно дело — это принять, и совсем другое — смириться.

Но это уже из другой сказки.

КЕНТАВР

Я всю неделю раздумывал над сказкой о клубе девятности девяти. Кое-что мне удалось расставить по своим местам, но не все.

Придя на сеанс, я еще не очень понимал, что со мной происходит, поэтому решил не затрагивать эту тему.

На протяжении всего нашего разговора я ходил вокруг да около. Мы обсуждали погоду, каникулы, машины, женщин.

Когда до конца сеанса оставалось совсем немного, я сказал Хорхе об ощущении проведенного зря времени, о бесполезности для меня этой нашей встречи.

— Демиан, помни о лесорубе, который не точил свой топор. Возможно, такой легкий, а может быть, даже легкомысленный разговор — это и есть наш способ точить наши орудия труда.

— С этой точки зрения я мог бы и не приходить.

— Конечно, ты мог бы не приходить. Зря ты думаешь, что от этого ничего бы не изменилось ни для тебя, ни для меня, но ты мог бы и не приходить.

— Ты очень своеобразный человек.

— Да, конечно. И ты тоже.

— Согласен. Но ты — больше!

— Договорились. Вернемся к вопросу о том, должен ли ты был приходить. Когда я изучал медицину, у нас был один преподаватель по акушерству. Очень прият-

ный человек, обычно отвечавший на все наши вопросы в течение получаса после занятия.

— Скажите, какое самое лучшее противозачаточное средство? — спросила однажды какая-то студентка.

— Знаете, сеньорита, идеальное противозачаточное средство должно быть доступным по цене, легким в применении и полностью надежным... — начал отвечать преподаватель.

— Но есть ли какой-нибудь безотказный способ? — спросил красавчик блондин с третьего ряда.

— Самый доступный, абсолютно надежный и очень простой — это «метод холодной воды».

— В чем же он заключается? — спросили все хором, в том числе и девушка, задавшая вопрос.

— Когда ваш партнер захочет заняться с вами сексом, вы должны выпить маленькими глотками два или три стакана холодной воды подряд.

— До или после того?

— Ни до, ни после, — ответил своим студентам преподаватель. — Вместо того...

— Лучший способ извлечь пользу из сеанса в один из таких «несобранных» дней, Демиан, — это, может быть, сходить в кино, что ты очень любишь, встретиться с другом или поспать пару часиков. Как говорил мой преподаватель, ни до, ни после... а «вместо того». Все, что тебе на пользу, — это психотерапия.

— Конечно, но для этого нужно принять решение. Я думаю, что трудности начинаются именно тогда, когда надо сделать выбор.

Толстяк посмотрел на меня с отвращением. И я догадался, что он собирается сказать.

— Нет, Хорхе. Я вовсе не имел в виду, что предпочел бы вообще не принимать решений, я не отказываюсь от своей свободы... — начал оправдываться я.

— Просто ты не хочешь этого делать.

— Конечно, не хочу.

— Тем не менее тебе бы уже пора знать, что мы, человеческие существа, несмотря на нашу внешнюю цельность, неоднородны внутри. Одни наши стороны более развиты, чем другие, одни из них светлее, другие — темнее, они различаются по своим естественным потребностям.

— В таком случае, принять решение невозможно по определению, — возразил я.

— Но это тоже довольно опасно, — сказал Толстяк, устраиваясь на большой подушке прямо на полу.

Я взял другую подушку и приготовился слушать еще одну сказку.

Толстяк снова заговорил:

— Когда моей дочери было пять лет, мы с женой часто покупали сборники сказок, которые потом читали перед сном ей и ее брату. В одной из этих детских книжек мы прочитали сказку под названием «Кентавр». Я расскажу тебе ее, потому что сейчас мне кажется, что она написана специально для тебя.

Жил-был кентавр, как все кентавры — наполовину человек, наполовину лошадь. Как-то раз, гуляя по лугу, он почувствовал голод.

«Что бы мне съесть? — подумал он. — Гамбургер или мешок люцерны? Мешок люцерны или гамбургер?»

Но, так и не определившись со своими желаниями, остался голодным.

Настала ночь, и кентавру захотелось спать.

«Где же мне переночевать? — задумался он. — В стойле или в гостинице? В гостинице или в стойле?»

И так и не приняв никакого решения, он остался без сна.

В результате, поскольку кентавр не ел и не спал, он заболел.

«Кого мне позвать? — подумал он. — Врача или ветеринара? Ветеринара или врача?»

Больной кентавр так и не смог принять решения и умер.

Жители городка окружили его бездыханное тело, и им стало его жалко.

— Нужно его похоронить, — сказали они. — Но где? На городском кладбище или в чистом поле? В поле или на кладбище?

Но, так и не определившись, они позвали автора этой книги, которая, не в силах принять это решение за них, взяла и оживила кентавра.

Вот и сказочке не конец... А конца так никто никогда и не узнал.

ДВЕ СКАЗКИ ПРО ДИОГЕНА

— Вернемся к теме клуба девяноста девяти.

— Да?

— Мне кажется, я понял притчу о короле и слуге. И хуже всего, что она прямо обо мне. По правде говоря, как только на моем горизонте нет серьезных проблем, я начинаю искать недостатки во всем, что меня окружает. Я сейчас это говорю, и мне самому становится страшно, но это сильнее меня.

— Судя по обществу, в котором мы живем, твоя позиция вполне предсказуема.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что идеология постиндустриального общества основана на обладании, а не на бытии, как сказал бы Эрих Фромм*. И чтобы убедить нас, что это правильно, нам вбили в сознание аксиому, которую мы выдаем автоматически, если не удастся себя контролировать. Эта фраза является одновременно и стимулом и ловушкой.

— Какая фраза?

— А вот такая:

ДЛЯ ПОЛНОГО СЧАСТЬЯ
МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ТОГО, ЧЕГО У МЕНЯ НЕТ.

* Фромм, Эрих (1900–1980) — немецко-американский философ, психолог и социолог, главный представитель неофрейдизма.

Речь идет не о машине, доме, хорошей зарплате или спутнике жизни. То, чего у меня нет, — это то-чего-у-меня-нет, а именно нечто невозможное.

Иными словами, если бы я получил то-чего-у-меня-нет, это не сделало бы меня счастливым, ведь это (машина, дом, невеста и т. д.) сразу перестало бы быть тем-чего-у-меня-нет.

— Но это же порочный круг!

— Да. Если только ты не сможешь сменить аксиому.

— А можно?

— Все указания и правила, касающиеся воспитания, могут быть пересмотрены, чтобы утвердить их или изменить. За это приходится расплачиваться смещением основных ценностей, так как они привязаны к определенному жизненному укладу. И мы теряемся, не понимаем, что к чему, пока не создадим новый уклад в соответствии со вновь возникшей действительностью. Но на этом этапе нас ожидает награда: мы начинаем ценить то, что имеем, и получаем возможность пользоваться им сообразно своей сути.

Говорят, что Диоген ходил по улицам Афин в лохмотьях и спал где придется.

Говорят, что однажды утром, когда сонный Диоген еще сидел у двери, возле которой он провел ночь, мимо проходил богатый землевладелец.

— Доброе утро, — сказал господин.

— Доброе утро, — ответил Диоген.

— У меня была удачная неделя, поэтому я хочу дать тебе кошелек с монетами.

Диоген смотрел на него молча, не двигаясь.

— Возьми их. Это честные деньги. Они принадлежат мне, и я тебе их даю, зная, что тебе они нужнее.

— У тебя есть еще? — спросил Диоген.

— Конечно, — ответил богач. И добавил: — Очень много.

— А тебе бы не хотелось иметь еще больше?

— Да, разумеется, мне бы хотелось.

— Вот и возьми эти монеты, тебе они нужнее, чем мне.

Некоторые рассказывают другой вариант продолжения их диалога: «Но тебе ведь тоже нужно пропитание, а на него требуются деньги».

— У меня уже есть одна монета, — и Диоген показал ее, — мне хватит, чтобы купить меру пшеницы сегодня утром и, возможно, несколько апельсинов.

— Ты прав. Но еще будет завтра, послезавтра и потом. Где ты возьмешь деньги на еду?

— Если ты можешь мне гарантировать, не боясь ошибиться, что я доживу до завтра, я, так и быть, возьму твои деньги...

СНОВА МОНЕТЫ

Что-то со мной происходило в свете этой темы.

У меня было ощущение, что вот-вот случится что-то очень важное.

— Это одно из пробуждений, — поставил диагноз Хорхе.

— Ты хочешь сказать, пробуждение? — спросил я.

— Нет, это не «пробуждение», а «одно из пробуждений». Судя по тому, что ты мне рассказываешь, похоже, как будто ты еще в кровати, наблюдаешь через окно, как светлеет небо. Ты понимаешь, что скоро рассвет и что уже пора вставать. Но все равно ты еще немного нежишься в постели.

— Да, да. Именно это я и чувствую.

— Ну вот, успокойся. Почти все мы однажды чувствовали примерно то же самое.

— Сказать правду, я очень рад, что не одинок. Хотя дураку мило...

— Дураку мило?

— Разве ты не слышал пословицу: «Дураку мило, если у соседа гнило».

— Забавно, как самодовольны люди. Это старинная пословица, и в оригинале она звучала совсем по-другому:

ВСЕМ МИЛО, ЕСЛИ У СОСЕДА ГНИЛО.

— Seriously?

— Seriously. Only from the height of your self-esteem you can despise everyone else, accusing them of stupidity because they do not want to suffer in solitude and need sympathy when they are in a bad mood.

— Well, now, when I feel less stupid, I can admit that your words comforted me. I felt like an idiot because of that, because I was in such a position.

— Well, that is not a reason to be an idiot, — said Tolstoy mockingly.

— Hey, enough!

— Well, as you say. Let God give you the understanding that I do not consider you an idiot. I do not even consider you a lost soul. It seems to me that you just do not want to admit that in some aspects you have achieved more progress than others, and do not understand that this is normal.

Our personal development occurs unevenly. You can be very mature in one thing, and in another — very indecisive. This is natural.

Therefore I resort to analogies with one awakening.

We awaken to the truth many, many, many times.

Possible, some experience a unique awakening and immediately reach the whole truth. But this path is unfamiliar to me, in fact, like these people... Although I am confident. There is a very high probability that the awakening of Jesus Christ, Buddha or Mahomet was exactly like this.

— But I am not Jesus, not Buddha, not...

— And I too, therefore, it is better for us not even to try to...

гать на их славу, а то мы попадем в клуб девяноста девяти, только не с монетами, а с единственным пробуждением.

— Раз уж мы собрались здесь... Помнишь, в тот день, когда ты утомил меня историей клуба девяноста девяти, ты обратил мое внимание на разницу между «принять» и «смириться». А потом ты сказал, что это совсем другая сказка. Расскажешь мне ее сегодня?

— Почему бы и нет?..

В окрестностях одного небольшого городка стояли два соседних дома. В одном жил удачливый и богатый земледелец. У него было много слуг, и ему было доступно все, что поддается воображению.

В другом, скромном домишке вел очень аскетичный образ жизни, целиком посвященный крестьянскому труду и молитве, один старичок.

Старичок и богач встречались каждый день и в каждую такую встречу перекидывались парой слов. Богач говорил о своих деньгах, а старик — о своей вере.

— Какая вера! — издевался богач. — Если, как ты говоришь, Бог так всемогущ, почему ты не попросишь Его прислать достаточно денег, чтобы не терпеть таких лишений?

— Ты прав, — сказал старик и ушел в дом.

Когда они встретились на следующий день, лицо старика светилось счастьем.

— Что случилось?

— Ничего. Все в порядке. Последовав твоему совету, сегодня утром я попросил у Бога прислать мне сто золотых монет.

— Даже так?

— Да. Я сказал Ему, что, если я всю жизнь был хорошим человеком и чтил Его законы, я заслуживаю награды и что я выбираю монеты. Тебе кажется, что я попросил слишком много?

— Не важно, что кажется мне, — сказал богач с насмешкой. — Главное, чтобы это не показалось слишком твоему Богу. Может, Он решит, что ты заслуживаешь всего двадцати монет, или пятидесяти, или восьмидесяти, или девяноста двух. Кто знает?

— Нет, нет. Конечно, Бог решает, заслуживаю я награды или нет. Но моя просьба была очень конкретной. Я хочу получить сто монет. Ни двадцать, ни тридцать, ни девяносто две. Я попросил сто и не сомневаюсь, что, если мой добрый Бог сможет исполнить мою просьбу, Он это сделает. Он не будет торговаться со мной. Я просил сто, сто Он мне и пришлет. Я не могу принять ни одной монетой меньше.

— Ха-ха-ха! Какой ты требовательный! — рассмеялся богатый.

— Как Он требует чего-то от меня, так и я могу потребовать у Него, — сказал старик.

— Не верю, что ты способен не принять двадцать или тридцать монет, присланных тебе твоим Богом, только потому, что их не сто.

— Я не принял бы никакую сумму меньше ста. Однако, если Бог решит, что этого мало, и пошлет мне больше, я подумаю, соглашаться ли мне на то, что сверх.

— Ха-ха! Ты просто сумасшедший, и еще хочешь, чтобы я поверил в эту сказку о твоей вере и твоей решимости! Ха-ха! Хотелось бы мне посмотреть, как ты будешь стоять на своем! Ха-ха!

И они разошлись по домам.

Почему-то богача бесил этот старик. Каков наглец! Как он может говорить, что не согласится на меньшее, чем сто золотых монет? Нужно разоблачить его, и сделать это сейчас, не откладывая на завтра.

Он приготовил кошелек с девяноста девятью золотыми монетами и подошел к дому соседа. Старик стоял на коленях в молитвенной позе.

— Любимый Боже, помоги мне в нужде. Думаю, я имею право получить эти монеты. Но помни, их должно быть ровно сто. Меня не устроит никакая другая сумма, присланная Тобой. Я хочу ровно сто монет...

Пока сосед молился, богач влез на крышу и сбросил монеты в трубу. Потом спустился на землю и снова стал подглядывать.

Старик стоял на коленях, когда раздался металлический звон и что-то упало в камин. Старик медленно поднялся, подошел, достал кошелек и стряхнул с него сажу и пепел.

Затем высыпал его содержимое на стол. Перед ним выросла гора монет. Старик упал на колени и поблагодарил доброго Бога за присланный ему подарок.

Помолившись, он пересчитал монеты. Их было девяносто девять! Всего девяносто девять.

Богач продолжал ждать, готовый получить доказательство своей теории. Старик же обратился к Богу с такой речью:

— Мой Боже, я вижу, что Ты хочешь исполнить желание несчастного старика, но я также вижу, что в небесной казне осталось всего девяносто девять монет. Ты не захотел заставляя меня ждать из-за одной монеты. Но все же, как я уже говорил, я приму только сто, ни одной монетой больше, ни одной меньше...

«Он идиот», — подумал богач.

— ...С другой стороны, — продолжал старик, — я полностью Тебе доверяю. Поэтому в первый и последний раз я предоставляю Тебе право самому выбрать момент, когда Ты пошлешь мне недостающую монету.

— Измена! — закричал богач. — Какое лицемерие!

И, не переставая кричать, он стал колотить в дверь своего соседа.

— Ты лицемер! — сказал он ему. — Ты сказал, что примешь только ровно сто монет, и тут же как ни в чем не бы-

вало кладешь себе в карман девяносто девять. Все лживо. И ты, и твоя вера в Бога.

— Откуда ты знаешь, что монет девяносто девять? — спросил старик.

— Знаю, потому что именно я прислал тебе эти девяносто девять монет, чтобы доказать, что ты шарлатан. «Я не приму меньше ста...» Ха-ха-ха!

— Я и правда не приму. Бог пришлет мне недостающую монету, когда сам решит.

— Он тебе ничего не пришлет. Я же тебе уже говорил, что эти монеты тебе прислал не кто иной, как я.

— Я не буду обсуждать, был ли ты орудием исполнения моего желания в руках Божьих или нет. Но случилось так, что эти деньги упали в мой камин, когда я просил их, значит, они мои.

Улыбка на лице богача сменилась недовольством.

— Как твои? Этот кошелек и эти монеты — мои. Это я прислал их тебе.

— Замыслы Божьи непостижимы для человека, — ответил старик.

— Будьте вы прокляты, ты и твой Бог. Верни мои деньги, или я отведу тебя к судье, и ты потеряешь даже то небольшое, что у тебя есть.

— Мой Бог — это мой единственный судья. Но если ты имеешь в виду городского судью, то я не против передать дело в его руки.

— Тогда поехали прямо сейчас.

— Тебе придется подождать, пока я не куплю себе повозку. Такой старик, как я, уже не может позволить себе роскошь пешком добираться до города.

— Не нужно ждать. Предлагаю тебе свою повозку.

— Я на самом деле очень тебе благодарен. Ведь за все эти годы ты ни разу мне ни в чем не помог. Но все равно придется подождать до конца зимы. Сейчас очень

холодно, а здоровье не позволяет мне ехать в город без теплого пальто.

— Ты все пытаешься тянуть время, — сказал взбешенный богач. — Я дам тебе свою шубу, чтобы ты смог доехать. Какие у тебя еще припасены отговорки?

— Ну, если так, — сказал старик, — я не могу отказаться.

Старик укутался в шубу, сел в повозку и поехал в город, а за ним богач, в другой повозке.

В городе богач поспешил попросить аудиенции у судьи и, получив ее, подробно рассказал о своем плане дискредитации веры старика, о том, как он послал ему монеты через трубу и как старик отказался потом их вернуть.

— Что ты хочешь сказать, старик? — спросил судья.

— Ваша честь, я поражен тем, что мне приходится здесь вести тяжбу со своим соседом по такому вопросу. Это самый богатый человек в городе. Он никогда не заботился о других людях и не занимался благотворительностью. И, думаю, мне нет необходимости приводить дополнительные доводы в свою защиту. Кто поверит, что такой жадный человек, как он, положил почти сто монет в кошелек и сбросил их по трубе в дом соседа? Мне кажется очевидным, что этот несчастный подглядывал за мной и, увидев деньги, из алчности выдумал эту историю.

— Выдумал?! Чертов старик! — закричал богач. — Ты же знаешь, что все было, как я рассказал. Даже ты не веришь в эту небылицу о Боге, приславшем тебе монеты. Верни мне деньги!

— Очевидно, ваша честь, что этот человек очень расстроен.

— Разумеется! Меня расстраивает, когда у меня воруют. Требую, чтобы ты вернул мне эти деньги.

Судья был удивлен. Обе стороны приводили доводы, достаточные для принятия решения. Но где же истина?

— Верни мне мои деньги, старый жулик! — говорил богач. — Эти деньги мои, и только мои!

В какой-то момент богач перепрыгнул через разделявший их барьер и, не владея собой, попытался вырвать кошелек из рук старика.

— К порядку! — крикнул судья. — К порядку!

— Вы сами видите, господин судья! Алчность сводит его с ума. Я бы не удивился, если бы он, завладев деньгами, сказал, что повозка, на которой я приехал, — тоже его.

— Она действительно моя, — поспешил ответить богач. — Я одолжил тебе ее.

— Вы слышали, ваша честь? Единственное, чего он еще не сделал, — это претендовать на роль владельца моей собственной шубы.

— Само собой разумеется, что я — ее владелец! — закричал богач, потеряв контроль над собой. — Это мое, все мое: кошелек, деньги, повозка, шуба... Все мое! Все!

— Достаточно! — сказал судья, у которого уже не было сомнений. — Не стыдно тебе пытаться отнять у этого несчастного старика то небольшое, что у него есть?

— Н-н-но...

— Никаких «но». Ты — алчный мошенник, — продолжал судья. — За попытку обмануть этого бедного старика приговариваю тебя к неделе тюремного заключения и уплате твоему соседу пятисот золотых монет в качестве компенсации.

— Простите, ваша честь, — сказал старик. — Можно мне?

— Да, старец.

— Я думаю, этот человек уже извлек урок из всего случившегося. Несмотря на то что мы противники, я прошу вас отменить приговор и наложить на него символический штраф.

— Ты очень великодушен, старец. Что ты предлагаешь? Взять с него сто монет? Пятьдесят?

— Нет, господин судья. Мне кажется, уплата всего одной монеты уже станет достаточным наказанием для него.

Судья стукнул по столу своим молоточком и вынес приговор:

— Благодаря великодушию этого человека, а не по воле этого суда обвинитель облагается символическим штрафом в размере одной золотой монеты, которую он должен уплатить немедленно.

— Протестую! — сказал богач. — Я против!

— Если только приговоренный не отклонит любезное предложение этого доброго человека и не предпочтет более суровый приговор этого суда.

Смирившийся богач достал монету и отдал ее старику.

— Дело закрыто! — объявил судья.

Богач быстро укатил на своей повозке из города. Судья попрощался со стариком и удалился. Старик поднял глаза к небу:

— Спасибо, Боже! Теперь действительно Ты мне ничего не должен.

— Может быть, сейчас, Демиан, у тебя есть все необходимые компоненты для твоего полного пробуждения по части принятия и борьбы.

Как сказал Толстяк:

СМИРИТЬСЯ — ЭТО ОДНО,
А ПРИНЯТЬ — СОВСЕМ ДРУГОЕ.

ЧАСЫ, ОСТАНОВИВШИЕСЯ В СЕМЬ

Я переживал период просветления!

Во мне шел бурный процесс личностного развития. И я не только обогащался новыми знаниями, но и, без ложной скромности, находил себя с каждым днем все более мудрым, сосредоточенным, просветленным.

Все было великолепно. И хотя некоторые вещи шли не так, как мне хотелось бы, я спокойно принимал это, понимая, что без страха могу противостоять любым трудностям.

— Это просто гениально, Толстяк! Ты живешь так постоянно?

— Ответь сам на свой вопрос.

— Ну, если это — составная часть пробуждения, а в твоём прошлом их было больше, чем у меня, должно быть, ты живешь так всегда.

— Нет, — ответил Хорхе. — Не всегда.

— Теперь, когда я выучил поговорку «Всем мило, если у соседа гнило», хочу тебя спросить: а у остальных людей, у большинства тоже бывают светлые и темные моменты?

— Думаю, да... Может быть, поэтому мне уже давно вспоминается сказка Папини. Она называется «Часы, остановившиеся в семь».

— Ты мне ее расскажешь?

— Да, хотя пересказывать такую удивительную сказку — это все равно, что украсть три четверти ее красоты. Но в конце концов...

Эта сказка Папини — монолог главного героя, пишущего его в полном уединении своей комнаты.

На одной из стен моей комнаты висят красивые старинные часы, но они не идут. Их стрелки, неподвижные, сколько я себя помню, невозмутимо показывают один и тот же час: семь ровно.

Большую часть времени часы — только бесполезное украшение на белесой голой стене. Но есть два момента в течение дня, два мимолетных мгновения, когда старые часы, кажется, возрождаются из пепла, как птица Феникс.

В тот момент, когда все городские часы задерживают свой безумный ход на семи и семь раз раздастся их бой или пение их кукушки, старые часы в моей комнате как будто оживают. Два раза в день, утром и вечером, часы находятся в полной гармонии со всей остальной вселенной.

Если бы кто-нибудь увидел часы только в такой момент, он бы сказал, что они прекрасно ходят... Но, когда проходит этот миг, когда смолкает пение остальных часов, а их стрелки продолжают свой монотонный путь, мои старые часы сбиваются с шага и хранят верность тому часу, который однажды остановил их ход.

А я люблю эти часы. И чем больше я говорю о них, тем больше люблю, потому что всякий раз я ощущаю себя все более похожим на них.

Я тоже задержался в каком-то времени. Я тоже чувствую себя застывшим и неподвижным. Я тоже в каком-то смысле ненужное украшение на голой стене.

И я так же наслаждаюсь мимолетными моментами, когда таинственным образом настает мой час.

В такие мгновения я чувствую, что еще жив. Мне все понятно, и мир вокруг меня становится чудесным. Я могу творить, мечтать, летать, говорить и проживать за эти мгновения больше, чем за всю оставшуюся жизнь. Такие моменты гармонии случаются и повторяются, раз за разом, в неумолимой последовательности.

Когда это случилось впервые, я попытался удержать мгновение, думая, что смогу заставить его длиться всю жизнь. Но этого не произошло. Как и от моего друга — часов, от меня ускользает время, в котором живут все остальные.

...Когда такие моменты проходят, другие часы, свившие себе гнезда в других людях, продолжают свой бег по кругу, а я возвращаюсь к своей рутинной, смертельной неподвижности, к своей работе, своим посиделкам с друзьями в кафе, к своему усталому ходу, который я привык называть жизнью.

Но я-то хорошо знаю, что жизнь — это совсем другое.

Я знаю. Что жизнь, настоящая жизнь, — это как раз сумма таких моментов, хотя и быстротечных, когда мы настроены на одну волну со вселенной.

Почти все, бедняги, думают, что живут. Но существуют лишь короткие минуты полноты жизни, а те, кто об этом не знает и упорно хочет жить вечно, обречены прозябать в сером мире непрерывного хода повседневности.

Поэтому я люблю вас, старые часы, потому что вы и я одной крови.

— Это, Демиан, наихудшее изложение литературной жемчужины Папини, которую я прошу тебя при случае прочитать. Я рассказал ее сегодня, чтобы показать тебе гениальную метафору: возможно, все мы живем только в считанные моменты полной гармонии. Может быть, именно сейчас, в эту минуту, часы настоящей жизни и твои внутренние часы показывают одно

и то же время. Если так, наслаждайся этим моментом, Демиан, ведь он может пролететь слишком быстро.

Некоторое время спустя я прочитал в оригинале сказку Папини «Часы, остановившиеся в семь». Толстяк был прав, это настоящая жемчужина. Тем не менее даже сейчас, когда эта книга есть у меня в библиотеке, я не могу забыть того пересказа Хорхе, может, менее богатого литературными приемами и образами, но настолько же полезного для меня в тот момент, насколько приятным оказался оригинал годы спустя.

ЧЕЧЕВИЦА

Мой психотерапевт снова оказался прав. Миг света и абсолютной гармонии прошел, и опять возникли мои вечные вопросы об истине, о других и о себе самом. Меня совершенно выбил из колеи тот факт, что третий раз за год один из моих коллег получал прибавку к зарплате больше моей. Я считал себя способным объективно оценивать свою работу и знал, что делаю ее достаточно хорошо. Более того, был уверен, что я лучший и более продуктивный недипломированный специалист, чем остальные сотрудники.

— Просто Эдуардо лижет...

— Что «лизет»?

— Ну, лижет... в общем, подхалим.

— Странный способ действий, имеющий определение только на жаргоне.

— Он старается все время быть на глазах у начальника, преувеличивая то, что он сделал, чего добился, и преуменьшая свои неудачи. И начальник, а он далеко не дурак, все понимает, наверняка понимает. Просто в свободное от демонстрации своих достижений время Эдуардо льстит начальству.

— А оно, похоже, падко на лесть?

— Наверно, потому что, когда надо поощрить кого-то, само собой разумеется, премию получает льстец.

— Ты говорил с начальником?

— Да, конечно. Он считает, что я спорю по любому

поводу, что у меня плохой характер, а это снижает мой рейтинг.

— Иными словами, ты ставишь вопрос так: начальник говорит, что, если бы ты был таким же подхалимом, как Эдуардо, в качестве поощрения ты получил бы продвижение по службе, более высокий рейтинг и большую зарплату.

— Похоже на то.

— Ну, тогда все ясно. Ты видишь цель, знаешь, как ее достичь, следовательно, способен это сделать. Что тебе еще нужно? Остальное зависит от тебя.

— Я отказываюсь.

— От чего?

— Отказываюсь все время поддакивать, чтобы получать немного больше денег.

— Мне это нравится, Демиан. Но не думай, что это касается только работы.

— Не вижу в этом ничего общего. Но мой опыт общения с тобой говорит мне, что никогда не бывает «только в одном месте», поэтому я не знаю, происходит ли так только на работе. Я этого не знаю.

— Когда Рикардо для участия в презентации на факультете выбрал не тебя, а Хуана Карлоса, ты почувствовал то же самое?

— Да.

— А когда несколько месяцев назад ты мне рассказал, что твоя подруга Лаура отдалилась от тебя, потому что предпочла общество людей, которые не говорят ей неприятных вещей, разве это не то же самое?

— Да! То же самое... Значит, чтобы не остаться одному, тебе приходится через силу строить из себя не то, что ты есть на самом деле.

— От первого лица, пожалуйста...

— Если я не хочу остаться в одиночестве, то я дол-

жен льстить, соглашаться со всеми и во всем, быть мягким и пушистым, рта не раскрывать или раскрывать его только для того, чтобы сказать «да»...

— Несомненно, это один из путей. Но есть другой — это путь Диогена.

— И что это за путь?

— Путь Диогена.

Однажды Диоген ел чечевичную похлебку, сидя на пороге какого-то дома.

В Афинах не было более дешевой еды, чем чечевица.

Иначе говоря, если ты ешь чечевичную похлебку, значит, твои дела плохи.

Мимо проходил один из министров императора и сказал ему:

— Ах, Диоген! Если бы ты научился быть покорным и льстить императору, тебе не пришлось бы есть столько чечевицы.

Диоген оторвался от еды, поднял глаза и, пристально посмотрев на богатого собеседника, ответил:

— Ах, брат мой! Если бы ты научился есть чечевицу, тебе не пришлось бы быть таким покорным и так льстить императору.

— Это и есть путь Диогена. Это путь самоуважения и защиты собственного достоинства, превыше нашей потребности в одобрении.

Мы все ищем одобрения других людей. Но, если для этого нужно перестать быть самим собой, это не только слишком дорогая цена, но и бессмысленные поиски: мы становимся похожи на человека, который искал по всему городу своего мула, разъезжая на... своем муле.

КОРОЛЬ, ЖАЖДАВШИЙ ПОКЛОНЕНИЯ

— Я все думал и понял, что есть много вещей, за которые мне приходится платить высокую цену. И это не улучшает мое самочувствие.

Как будто я — белка в колесе и не могу из него вырваться. Как можно заранее узнать, какую цену придется заплатить в каждом случае: высокую, низкую или справедливую? С материальными вещами легче, потому что цены более-менее определены. А как оценить все остальное?

— Кажется, нужно сначала понять, что такое высокие цены. Что такое «дорого заплатить»?

— Дорого — значит много.

— Посмотри на это с материальной точки зрения. Сто тысяч долларов — это много?

— Да, конечно.

— Значит, самолет «Джамбо-Джет» за сто тысяч долларов — это дорого?

— Ну, смотря для кого. Для меня — да.

— Почему?

— Потому что у меня нет ста тысяч долларов, и достать я их тоже не могу.

— Нет, Демиан, не путай дорогое с дорогостоящим. «Джамбо-Джет» за сто тысяч долларов — это дешево, вне зависимости от того, есть ли у тебя такие деньги.

— В таком случае, как это все работает?

— Дорого или дешево определяется путем сравнения цены (сколько стоит) и ценности (чего стоит). А не того, сколько стоит и сколько у тебя есть. Дорого то, чья цена больше его истинной ценности.

— Больше истинной ценности... Ну конечно, поэтому есть много вещей, за которые я явно плачу дорого... Теперь-то я понимаю.

— Ценность нематериальных вещей, — продолжал Хорхе, — настолько субъективна, что только сам человек может определить, справедлива ли их цена. Но есть драгоценное имущество, которым мы владеем, не умея как следует ценить его. Это, например, человеческое достоинство. Мне кажется, что собственное достоинство, самоуважение, как я тебе уже говорил, настолько ценно, что расплачиваться им за что-то всегда выходит слишком дорого.

Жил-был король, помешанный на тщеславии.

Тщеславие всегда, рано или поздно, сводит людей с ума.

Этот король приказал построить храм в садах своего дворца, а внутри храма поставил свою собственную огромную статую в позе лотоса.

Каждое утро после завтрака король шел в свой храм и преклонял колени перед своим образом, творя молитвы самому себе.

Однажды он решил, что религия, у которой всего один последователь, не может считаться великой. Поэтому поклоняться ему должно больше людей.

Тогда он издал указ, чтобы все солдаты королевской гвардии преклоняли колени перед статуей по меньшей мере один раз в день. То же самое должны были делать все слуги и министры его королевства.

Его помешательство со временем только усиливалось, и однажды, когда ему показалось мало покорности только людей из ближайшего окружения, он приказал королевским гвардейцам пойти на рынок и привести трех первых встречных.

«С их помощью, — подумал он, — я докажу силу веры в меня. Я попрошу их склониться перед моим образом, и если они мудрые люди, они это сделают, а если нет — они недостойны жить».

Гвардейцы пошли на рынок и привели интеллигента, священника и нищего, которые были действительно первыми встречными.

Всех троих отвели в храм, где они предстали перед королем.

— Это образ единственного истинного Бога, — сказал он им. — Падите на колени перед ним, или вы будете принесены в жертву.

Интеллигент подумал: «Король — сумасшедший. Он убьет меня, если я не встану на колени. Это, совершенно очевидно, чрезвычайное обстоятельство. Никто не сможет меня осудить в свете того, что я так поступил вопреки своим убеждениям ради спасения собственной жизни и ради общества, которому она принадлежит». И пал на колени.

Священник подумал: «Король сошел с ума и выполнит свою угрозу. Но я — избранник истинного Бога, и поэтому мои религиозные обряды освящают любое место, где бы я ни находился. Не имеет значения, что это за образ. Тот Бог, которому я буду поклоняться, всегда будет истинным».

И встал на колени.

Настала очередь нищего, стоявшего до сих пор неподвижно.

— На колени! — сказал король.

— Ваше величество, моя жизнь не принадлежит народу, который на самом деле чаще всего пинками выгоняет меня с порога своих домов. Я не могу также считаться ничьим избранником, за исключением немногочисленных вшей, выживших на моей голове. Я не умею никого осуждать и не смогу освятить никакой образ. А что касается моей жизни, то она не кажется мне таким уж ценным имуществом, чтобы становиться посмешищем ради ее сохранения. Поэтому, мой господин, я не нахожу ни одной причины, по которой имело бы смысл падать на колени.

Говорят, что ответ нищего так поразил короля, что на него снизошло озарение и он начал пересматривать свои взгляды.

Только благодаря этому, гласит предание, король излечился и приказал вместо храма поставить фонтан, а вместо статуи — огромные подставки для цветочных горшков.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

У короля из сказки просветление наступило после речи нищего, и ему пришлось переосмыслить свою жизнь. А вот я буквально «похолодел» по окончании последнего сеанса.

Я снова почувствовал, как с глаз спадает пелена и открывается бесконечное множество ситуаций, фактов, мыслей и точек зрения, сменяющих друг друга, как в калейдоскопе.

Казалось, вся моя прошлая жизнь приобрела другой смысл с тех пор, как я открыл для себя значение слов «дорогой» и «дешевый».

Сколько вещей обошлись мне слишком дорого! А сколько вещей я получил, даже не задумавшись, как дешево они мне достались! Скупость и расточительность — это две крайности одной ошибки.

Скряга и транжира, эти два человека поселились во мне, уживаются внутри меня. Они составляют крепкую пару, но стараются выделиться, соперничать, выйти на поверхность, доминировать...

Игра противоположностей, о которой столько говорил Хорхе!

Какое же это безумие, что в мире всякой твари по паре! Что у каждой вещи есть своя противоположность.

— Каждому доктору Джекилу по мистеру Хайду.

— И так всегда? — спросил я у Хорхе.

— Да, Демиан, всегда. Потому что мир, в котором мы живем, — это огромное инь и ян: две части, составляющие единое и неделимое целое. Две половины, между которыми можно провести различие только для того, чтобы их понять, но которые не существуют по отдельности. Смотри...

Толстяк поднялся и подошел к шкафу. Открыл дверцу и стал копаться в его внутреннем беспорядке, пока не достал карманный фонарик. Нажал на кнопку, но фонарик не включался. Тогда он постучал им обо что-то несколько раз, пока тот не загорелся. Потом он выключил свет в комнате и направил фонарик на окно с опущенными жалюзи.

— Видишь луч света? — спросил он у меня.

— Да, конечно.

— Почему?

— Потому, что фонарик включен, — ответил я, не подозревая, естественно, к чему он клонит.

— Теперь подними жалюзи.

Что я и сделал.

— А сейчас? — спросил он, направив фонарик на окно, в которое ярко светило полуденное солнце.

— Что «сейчас»? — не понял я.

— Включен фонарик или нет?

— Я не знаю.

— Почему? Разве ты не видишь луч?

— Нет, теперь нет.

— Знаешь, почему?

— Ну, солнце... — сделал попытку объяснить я.

— Ты не можешь его видеть, потому что для этого нужна темнота. Понимаешь? Любая вещь существует, только если существует ее противоположность. Так происходит со всем: светом и тьмой, днем и ночью, женским и мужским началом, силой и слабостью.

Толстяк потушил фонарь, забросил его в шкаф, сел и продолжил почти в экстазе:

— Это происходит во внешнем мире и, разумеется, во внутреннем тоже. Как мы смогли бы оценить наши сильные стороны, если бы у нас не было слабостей? Как бы мы смогли учиться, если бы не были невеждами? Как мы могли бы быть мужчинами или женщинами, если бы не существовало женщин и мужчин? Но и это еще не все: как получается, что мы рождаемся стопроцентными мальчиками или девочками, если каждая клетка нашего тела несет по пятьдесят процентов информации от одного и другого пола?

Мы слышаны, что все, кто чувствует себя сверхчеловеком и пытается продемонстрировать это, в действительности страдают комплексом неполноценности. И это на самом деле так.

Абсолютно то же самое происходит с остальными нашими характеристиками: когда одна какая-либо черта проявляется острее остальных, это не всегда признак того, что эта черта преобладает, очень часто это преобладание — только показатель огромного усилия для маскировки противоположного полюса, его подавления для эффективного сопротивления и ухода от него.

— Но в таком случае, если бы все, сказанное тобой, было правдой, за маской хорошего человека всегда прятался бы скрытый сукин сын, — возмущенно прервал я его.

— Я бы не осмелился утверждать, что всегда бывает так. Я лишь говорю, что это происходит иногда. И я даже осмелился бы предположить, что этому хорошему человеку пришлось сделать что-то с этим плохим, который тоже живет в нем. И то, что он сделал, не

прошло даром, а он за это дорого заплатил. Возможно, я пытаюсь сказать тебе, что очень важно знать, какие вещи я прячу в себе и для чего я это делаю.

— Все, хватит, — занял я.

— Поскольку ты вот-вот расплачешься, я расскажу тебе сказку, пока ты не ушел.

Случилось так, что однажды у небесных врат собралось несколько сот душ, мужчин и женщин, умерших в этот день.

Святой Петр, предполагаемый хранитель врат рая, регулировал движение.

— По распоряжению «Шефа» мы разделим всех вновь прибывших на три группы в зависимости от соблюдения ими десяти заповедей.

В первую группу войдут те, кто нарушил все заповеди по крайней мере один раз.

Вторая группа — это те, кто нарушил однажды по меньшей мере любую одну из десяти заповедей.

И последняя группа — как мы предполагаем, самая многочисленная — будет состоять из тех, кто ни разу в жизни не нарушил ни одной из десяти заповедей.

— Ну вот, — продолжал святой Петр. — Нарушившие все заповеди, станьте справа!

Более половины душ оказались справа.

— Теперь, — воскликнул он, — те из оставшихся, кто нарушил одну из заповедей, станьте слева.

Все оставшиеся перешли на левую сторону. Ну, или почти все...

На самом деле все, кроме одной.

В центре осталась стоять одна душа, принадлежавшая когда-то хорошему человеку. В течение всей своей жизни он шел по дороге добрых побуждений, добрых мыслей и добрых дел.

Святой Пётр удивился. Только одна душа осталась в группе лучших.

Он тут же позвал Бога, чтобы поставить его в известность.

— Послушай, дело вот в чем: если мы действуем по изначальному плану, этот бедолага, оставшийся в центре, вместо того чтобы получать воздаяние за свое благочестие, будет изнывать от скуки в полном одиночестве. Мне кажется, нужно что-то предпринять.

Бог встал перед группой грешников и сказал:

— Те, кто раскается сейчас, будут прощены, а их грехи — забыты. Раскаявшиеся могут присоединиться в центре к чистым и непорочным душам.

Все понемногу стали перемещаться в центр.

— Стой! Беззаконие! Измена! — послышался крик. Это был голос праведника. — Так не пойдет! Если бы меня предупредили, что грехи будут прощены, я бы не растратил свою жизнь попусту.

КОТ ИЗ АШРАМА*

— Толстяк, а что было бы, если бы я сказал тебе, что хочу сделать перерыв?

— Что было бы с чем?

— Что было бы с нами, с курсом терапии?

— Я тебя не могу понять, Демиан...

— Мой вопрос таков: могу ли я решить, сделать ли мне перерыв в психотерапии?

— Знаешь, твой вопрос мне все равно непонятен. Мне в голову приходит единственное логическое объяснение. Если ты меня спрашиваешь, в состоянии ли ты обойтись без терапии некоторое время, я тебе отвечу, что в настоящий период, разумеется, можешь. Даже больше того, я искренне верю, что ты самостоятельно можешь идти по жизни, как только примешь такое решение.

Улыбка на лице Хорхе была единственным обнадеживающим моментом во всем разговоре. Я пришел просить разрешения и наткнулся на Хорхе, который, вместо того чтобы дать мне его, уговаривал бросить сеансы совсем.

— Скажи, Толстяк, ты меня гонишь? — спросил я, чтобы убедиться.

— Демиан, ты сумасшедший? Ты пришел спросить

* Ашрам — религиозная община, центром которой является духовный наставник.

меня, можно ли тебе сделать перерыв, а когда я говорю, что «да», ты спрашиваешь, не выгоняю ли я тебя... Какого же ответа ты ждал?

— Знаешь, Хорхе, я настолько привык к негативной реакции других психотерапевтов, что предоставление такой свободы выбора пациенту просто удивило меня...

— Расскажешь мне, как ты представлял себе наш разговор?

— Самый щадящий вариант, по опыту моих знакомых, — это интерпретация психотерапевтом темы перерыва как сопротивление лечению.

— Но ты же не мог ожидать от меня подобной интерпретации.

— С точки зрения логики — нет, но нельзя было исключать такую возможность. Другая возможность — это что ты накричишь на меня, рассердишься и выгонишь.

— Ах так, ну теперь-то я позволю себе интерпретировать твои слова: таким образом ты хотел убедиться, как ты дорог мне, как я огорчен твоим уходом, как невыносима для меня мысль потерять тебя.

Я почувствовал, что меня раздели догола.

— Ну хорошо, буду с тобой откровенным, — продолжал Толстяк. — Да, мне небезразлично, что ты уходишь, потому что я очень тебя люблю. Но меня это не расстраивает, потому что таков твой выбор и действительно мне жаль говорить тебе, что я это переживу. И тем более я не сержусь и не выгоняю тебя.

— А еще одна возможность... — не смог договорить я.

— А еще одна возможность? — подбодрил меня Толстяк.

— Еще одна возможность, что ты отпустишь меня, что ты, собственно, и делаешь.

— Так в чем же проблема?

— В таком случае, ни в чем.

— Я понимаю все меньше.

— А потом?

— А потом...

— Когда я захочу вернуться...

— Когда ты захочешь вернуться, что?

— Я смогу?

— Почему же нет, Демиан?

— Потому что все мои друзья, проходившие курс терапии, рассказывали страшные истории о таких перерывах. От скрытых угроз возможного рецидива болезни до откровенных предсказаний катастрофы. От сомнений, что у психотерапевта найдется время, чтобы взять их снова, до несмываемого клейма: «пациент, который уходит, никогда уже не сможет вернуться».

— А-а! Теперь понятна твоя осторожность. Если тебя интересует мое отношение, то ты можешь отдохнуть от меня, когда захочешь, и можешь возвращаться, когда тебе вздумается. Единственные ограничения — это польза в рамках данной терапевтической модели, состояние пациента в конкретный момент и удобство для обоих.

Толстяк прервался, чтобы выпить мате.

— Просто, как всегда, правило, действительно полезное при определенных обстоятельствах, обобщили, доведя до абсурда.

— Как всегда?

— Как это часто бывает... Рассказать тебе сказку?

Жил-был гуру со своими последователями в своем ашраме в Индии.

Один раз в день, после захода солнца, гуру собирал своих учеников и произносил проповедь.

Однажды в ашраме появился очень красивый кот, сопровождавший гуру повсюду.

И получилось так, что во время каждой проповеди гуру кот разгуливал между учениками, отвлекая их внимание от речи учителя.

Поэтому как-то раз учитель принял решение привязывать кота за пять минут до начала каждой проповеди.

Некоторое время спустя гуру умер.

Самый старый из его учеников стал новым духовником в ашраме.

За пять минут до начала своей первой проповеди он приказал привязать кота.

И его помощники двадцать минут искали кота, чтобы привязать его.

Некоторое время спустя кот умер.

Новый гуру велел завести нового кота, чтобы было кого привязывать.

ДЕТЕКТОР ЛЖИ

— Мне надоело! — пожаловался я.

— Что, Демиан?

— Что мне лгут! Мне надоело, что мне лгут!

— А почему тебя так злит ложь? — Словно я жаловался, что дождь мокрый...

— Как это почему? Потому что это ужасно! Меня раздражают те, кто меня обманывает, надувает, впутывает меня в свои интриги.

— Тебя впутывают? Как им это удастся?

— Лгут. Вот что они делают.

— Но этого недостаточно, Демиан. Они могли бы лгать много дней подряд, а ты бы только веселился, слушая их истории...

— Но меня можно обмануть, Хорхе. Я доверчив, я им верю... Любой идиот приходит со своими глупыми выдумками, а я ему верю. Я дурак!

— А почему ты им веришь?

— Потому... потому... Не знаю, какого черта я им верю. Сукины дети! — закричал я. — Не знаю... Не знаю...

Толстяк некоторое время наблюдал за мной, потом добавил:

— Ты же понимаешь, что лучше бы не злиться. Но сейчас, раз ты уже в таком состоянии, самое верное — поддаться этой злости и сделать что-нибудь, чтобы ее побороть.

Я знал, что имеет в виду Толстяк.

По мнению Хорхе, злость, любовь или горе — это только «батарейки» для тела; что чувство — это энергия, предшествующая движению; что эмоция ничего не стоит без действия; что попытка выключить эмоции ведет к помешательству, растерянности, распаду личности.

А я как раз этим и занимался, пытаясь сдержать выброс эмоций, к которому подталкивала меня сложившаяся ситуация.

Мой психотерапевт сел на пол, подвинул огромную подушку и поставил ее перед собой. Не говоря ни слова, он похлопал ладонью по подушке, приглашая меня поработать.

Я знал, какое задание предлагал мне выполнить Хорхе. Молча я сел по другую сторону подушки и начал бить по ней кулаками.

Все сильнее.

Все сильнее.

Все сильнее.

Я бил... и бил... и бил...

Потом кричал.

И ругался.

И снова бил.

И бил...

И бил...

Пока не рухнул в изнеможении, тяжело дыша...

Толстяк подождал, пока у меня не восстановилось дыхание, затем положил мне руку на плечо и спросил:

— Тебе лучше?

— Нет, — сказал я. — Может быть, легче, но не лучше.

— Это субъективное мнение, — не раздумывая возразил Хорхе. — Я думаю, что всегда лучше сбросить груз с души.

Я прислонился к его груди и некоторое время слушал, как он пытается приободрить меня.

— Расскажешь, что с тобой случилось?

— Нет, Толстяк, нет. Сам случай не имеет значения. Сейчас, по крайней мере, я мыслю достаточно здраво, чтобы самому разобраться в нем. Мне просто нужно знать, что со мной такое. Эта тема слишком выводит меня из себя.

— Хорошо, но нужно же с чего-то начать. Поэтому постарайся хотя бы кратко обрисовать суть проблемы.

Я сел поудобнее на полу, пошмыгал носом и сделал первую попытку:

— Дело в том, что когда я...

Толстяк не дал мне продолжить:

— Нет, нет и нет. Изложи все, как в телеграмме. Как будто каждое слово стоит целое состояние. Давай!

Я задумался.

— Меня раздражает, когда мне лгут, — сказал я наконец.

Я был удовлетворен.

Именно это я и хотел сказать.

Пять слов.

Это был действительно телеграфный стиль.

Я посмотрел на Толстяка.

...Молчание.

Я решил сделать еще одну инвестицию, пойти на дополнительные расходы, чтобы придать больше реализма моей фразе:

— Меня очень-очень раздражает, когда мне лгут! Именно так!

Толстяк улыбнулся, у него на лице появилось это выражение все понимающего дедушки, которое часто появлялось у Хорхе и которое я иногда интерпрети-

ровал как «какой ты еще глупый мальчик», а иногда как крепкое объятие, означавшее «я с тобой» или «все хорошо».

— Меня раздражает! — подтвердил я.

— Когда тебе лгут, — закончил Хорхе.

— Когда мне лгут! — сказал я.

— Когда ТЕБЕ лгут, — подчеркнул он.

— Когда МНЕ лгут. — Я не мог понять, куда он клонит. — Над чем ты смеешься? — спросил я наконец.

— Я не смеюсь, а улыбаюсь.

— Что происходит? Я ничего не понимаю.

— Я знаю, на каком этапе ты остановился. И не по книгам. А на собственном опыте. Ведь я сам простоял на этом уровне большую часть своей жизни... Я улыбаюсь, потому что ты мне симпатичен, потому что я узнаю в тебе себя тех времен, потому что я точно так же относился к этой проблеме...

— Нет, Толстяк, это мне не поможет. Мне недостаточно знать, что и ты через это прошел. Меня не утешает мысль о том, что я стою на самой многолюдной улице планеты. Сегодня мне этого недостаточно.

Толстяк сидел с лицом довольного Будды.

— Я знаю. Я знаю, что тебе этого недостаточно. Но разве ты уже уходишь?

— Нет, не ухожу!

— Отлично, тогда успокойся. Ты просто хотел узнать, почему я улыбаюсь, а я попытался тебе это объяснить. Вот и все.

Хорхе вернулся в свое кресло.

— Тебя раздражает, когда тебе лгут.

— Да.

— А как ты понимаешь, что тебе лгут?

— Как я понимаю, что мне лгут? Мне что-нибудь говорят, а я рано или поздно узнаю, что это неправда.

— А-а. Но ты путаешь два понятия: «говорить правду» и «не лгать».

— Разве это не одно и то же?

— Вовсе нет!

Тут формально-логический ход моих мыслей разбился о гранитную стену... Единственное, что меня утешало, — это то, что, если неразбериха, как говорил всегда Хорхе, является входной дверью в полную ясность, я должен был находиться на пороге высшего знания, потому что не понимал абсолютно ничего.

— Ясно! — начал Хорхе.

— Ясно для тебя! — вмешался я.

Толстяк от души рассмеялся и продолжал:

— Говоришь ты правду или нет, совсем не зависит от того факта, что ты лжешь.

Приведу тебе пример.

Много лет назад, когда в мире появился детектор лжи, все адвокаты и ученые, изучающие поведение человека, пришли в восторг. Потому что в основу действия аппарата положен принцип работы ряда датчиков, фиксирующих физиологические отклонения в организме, а именно: потоотделение, сокращение мышц, изменения пульса, дрожь и бегающие глаза, — наблюдающиеся у любого человека, когда он лжет.

В то время опыты с «машиной правды», как ее стали называть, проводились во множестве повсеместно.

Как-то один адвокат решился на очень специфическое исследование.

Он привез эту машину в психиатрическую клинику города и испытал на ней пациента Джи-Си Джонса. Господин Джонс был психопатом, считавшим себя Наполеоном Бонапартом. Возможно, благодаря изучению истории он превосходно знал жизнь Наполеона и сообщал точно и от первого лица

мельчайшие подробности из жизни великого корсиканца, и все это очень связно и в логической последовательности. Врачи усадили господина Джи-Си Джонса перед детектором лжи и после небольшой настройки спросили его: «Вы Наполеон Бонапарт?»

Пациент, подумав минуту, ответил: «Нет! Как вам только это пришло в голову? Я Джи-Си Джонс».

Все улыбнулись, кроме оператора детектора лжи, сообщившего, что господин Джонс... лжет!

Машина показала, что, когда пациент говорил правду (то есть когда он уверял, что он господин Джонс), он лгал... считая себя на самом деле Наполеоном.

Я ПИТЕР

Тот факт, что можно лгать, говоря правду, и его логическая противоположность, а именно возможность быть правдивым, говоря лживые вещи, внесла окончательный сумбур в мои мысли.

— Это ужасно, Хорхе, — сказал я. — Это значит, что правда превращается в субъективное и, следовательно, относительное понятие.

— Но в любом случае, после всего сказанного путаница возникает в понятии «ложь», а не «правда». Правда могла бы оставаться абсолютной, даже если мы допустим, что объявлять правдивыми какие-то лживые утверждения не значит лгать. Тем не менее, поскольку наше представление о правде связано с нашей системой верований, мы неизбежно придем к тому же выводу, что и ты (я его тоже разделяю по этой и по другим причинам): правда относительна, субъективна и, позволю мне добавить, изменчива и частична.

— Все правильно, — согласился я. — И это никак не влияет на мои предыдущие слова. Меня раздражает, когда мне лгут. Иначе говоря, так ли это или не так, меня раздражает, когда мне что-то говорят, а я знаю, что это неправда. И даже не относительная, субъективная и частичная правда для того, кто это говорит. Меня раздражает, когда мне лгут.

— А почему ты думаешь, что тебе лгут?

— Опять?! — возмутился я. — Опять?

— Я хотел спросить, почему ты думаешь, что лгут ТЕБЕ?

— Как это почему?! Именно мне говорят ложь, о которой идет речь, — сказал я с досадой.

— Не сердись. Я думаю, что когда кто-то лжет, он всего лишь лжет. То есть не лжет ТЕБЕ или МНЕ. Просто ЛЖЕТ! В лучшем случае, лжет СЕБЕ.

— Нет!

— Да! Почему люди лгут, Демиан? Подумай. Зачем?

— Откуда мне знать! Есть тысяча причин...

— Назови мне хоть одну. Ту, которая испортила тебе настроение перед сеансом.

— Для того, чтобы скрыть какой-то плохой поступок.

— А для чего ему его скрывать?

— Чтобы другой его не осуждал.

— И почему же он хочет, чтобы тот его не осуждал?

— Потому что знает, что тот, другой, отвернулся бы от него.

— И почему он этого не хочет?

— Потому что он дорожит этим человеком.

— И?

— И... он не хочет отвечать за свои поступки.

— То есть не хочет ответственности.

— Конечно.

— Хорошо. Скажем, это побудительная причина девиантности девяти процентов лжи.

— Думаю, да.

— Ладно. А откуда известно лжецу, что ему придется нести ответственность? Кто определяет степень этой ответственности?

— Никто. Он сам.

— Вот именно. Он сам.

— И?

— Как ты не понимаешь? Лжец — это не тот, кто боится осуждения другого человека и последствий такого осуждения. Лжец уже осудил и приговорил сам себя. Понимаешь? Дело уже рассмотрено. Лжец прячется от своего собственного суда, своего собственного приговора и своей собственной ответственности. Как я уже говорил, проблема не в другом человеке, а в том, кто лжет.

Я похолодел. Все было правильно. Я знал это, потому что наблюдал это со стороны и изнутри. Я лгал уже после того, как осудил и приговорил самого себя.

— Но ведь верно, что он мне лжет!

— Так же верно, как когда моя мать говорила о моем брате Качо: «Он у меня ничего не ест». Мой брат у НЕЕ не ел мяса, у НЕЕ отказывался от супа, у НЕЕ не притрагивался к такому питательному флану*...

— Это не одно и то же. Когда кто-то мне лжет, он лжет МНЕ.

— Нет, Демиан. Ты по праву считаешь себя центром своего мироздания. И ты на самом деле им являешься. Но ты НЕ центр ВСЕГО мира. Он лжет. Но не ТЕБЕ. Он делает это, потому что так решил, потому что это его устраивает или потому что его левая нога захотела. Это ЕГО привилегия. Говорить, что он лжет ТЕБЕ, ведет к параноидальному бреду, при котором его жизненные проблемы становятся ТВОИМИ. Не будь занудой!

— Но разве это его проблема?

— Когда лгут, чтобы избежать ответственности, — это симптоматично. Сколько раз мы вместе обсуждали, что в конечном счете невроз — это один из способов не взрослеть, уходить от ответственности, которая подразумевается при духовном росте?

* Флан — десерт из яичных желтков, молока и сахара, напоминающий пудинг.

— Не знаю. Я должен об этом подумать. В повседневной жизни именно лжец оказывается в выигрыше, он не отравляет себе существование.

— Даже если бы это было так, справедливость не имеет ничего общего со здоровьем. Кроме того, все зависит от смысла, который ты вкладываешь в понятие «остаться в выигрыше».

Трудно добиться с помощью лжи, чтобы все шло определенным образом. Думаю, что самое большее с помощью лжи можно добиться, чтобы в течение какого-то времени все шло так, как желал бы лжец (даже если он понимает, что это фальшиво, фиктивно, что это конструкция из папье-маше на фундаменте из лжи).

— Мы лжем не с этой целью или просто не отдаем себе отчета. Мне кажется, что в любом случае я лгу, потому что хочу получить контроль над ситуацией.

— Иными словами, власть.

— Да, в определенном смысле это власть. Я знаю всю правду. Я заставляю тебя действовать. Я тебя обманываю. Ты становишься жертвой моих махинаций, я порчу тебе жизнь... Власть, конечно, не ахти какая, но все-таки власть.

— Рассказать тебе сказку?

Уже давно Хорхе мне их не рассказывал.

— Давай!

— Ладно, это почти сказка.

В одном из самых беспокойных кварталов города было одно злачное местечко.

Его гнусная атмосфера напоминала какой-нибудь криминальный роман из черной серии.

Пьяный отечный пианист, едва различимый в клубах вонючего сигаретного дыма, лабал унылый блюз в плохо освещенном углу.

Вдруг дверь распахнулась от пинка. Пианист перестал играть, и все взгляды обратились на вход.

Появился человек-гора, состоящий из одних мышц, которым было тесно под майкой. С татуировками на руках молотобойца.

Уродливый шрам на щеке придавал еще более зверский вид его отталкивающей физиономии.

Голосом, от которого кровь стыла в жилах, он крикнул:
— Кто здесь Питер?!

Глухая, страшная тишина повисла в баре. Гигант сделал пару шагов, схватил стул и швырнул его в зеркало.

— Кто здесь Питер? — снова спросил он.

Маленький человечек в очках встал из-за одного из боковых столиков. Бесшумно он подошел к гиганту и еле слышным голосом прошептал:

— Я... я Питер.

— Так это ты — Питер? А я — Джек, сукин ты сын!

Одной рукой он оторвал его от пола и бросил в другое зеркало. Снова поднял его и вlepил пару ударов кулаком, чуть не оторвав ему голову. Потом раздавил каблуком его очки. Порвал на нем одежду и напоследок швырнул на пол и прыгнул ему на живот.

Тонкая струйка крови потекла из уголка рта маленького человека, оставшегося лежать на полу в полубессознательном состоянии.

Человек-гора подошел к двери и, прежде чем уйти, сказал:

— Никто не смеет издеваться надо мной. Слышите, никто! — и ушел.

Как только за ним закрылась дверь, двое или трое мужчин подошли, чтобы оказать первую помощь жертве избиения. Они усадили маленького человечка и поднесли ему стакан виски.

Человечек вытер кровь с лица и рассмеялся, сначала тихонько, а потом в полный голос.

Все удивленно посмотрели на него. Может, он сошел с ума от таких сильных побоев?

— Вы ничего не понимаете, — сказал он, продолжая смеяться. — Я ведь действительно издевался над этим идиотом.

Всех одолело любопытство, и они забросали его вопросами:

— Когда?

— Как?

— С какой-нибудь женщиной?

— Из-за денег?

— Что ты ему сделал?

— Из-за тебя он сел в тюрьму?

Человечек все смеялся:

— Нет, нет. Я издевался над этим дураком сейчас, при всех! Потому что я... ха-ха-ха! Я...

...Я не Питер!

Я ушел из кабинета хохоча. У меня перед глазами стоял избитый человечек, думавший, что он поиздевался над гигантом.

Но по дороге мне расхотелось смеяться, и мной овладело какое-то странное чувство сострадания к самому себе.

СОН РАБА

Я уже забыл, как злился тогда.

Мне казалась гораздо более важной тема лжи как таковой.

Я всю неделю обдумывал эту тему, вновь открывая для себя свою собственную склонность ко лжи, вспоминая свою и чужую ложь. И я вновь убеждался в правоте суждения, сформулированного Хорхе:

ЕСЛИ СУЩЕСТВУЕТ ПРОБЛЕМА ЛЖИ —
ЭТО ПРОБЛЕМА ЛЖЕЦА.

Тут я немного застрял на понятии «ложь во спасение».

На первый взгляд она, казалось, относится к другой категории.

Казалось, в ней нет никакого осуждения или приговора.

Даже нет никакой попытки уклониться от ответственности.

Однако, по зрелом размышлении, ЕСТЬ цена, которую я не хочу платить, когда лгу, чтобы уберечь других. Я не хочу встречаться лицом к лицу с их болью, их бессилием или их злостью.

А если этого покажется мало, я понимал, что часто, прибегая ко лжи во спасение, я ставил себя на место

другого. Как сказал бы мой психотерапевт, я отождествлял себя с жертвой. И тогда мои мысли можно было бы объединить под рубрикой: «Если бы это случилось со мной, я предпочел бы этого не знать». И с этих позиций я считал себя вправе решать за других, утаивая от них правду.

Но я понимал, что с такой точки зрения ложь больше похожа на злонамеренное манипулирование, чем на акт сострадания.

Какой ужас!

Еще одна ложь самому себе, а не другому человеку. К кому же тогда сострадание? К самому себе!

Почти вся ложь — это ложь во спасение, но во спасение самого себя, то есть лжеца...

— Во спасение самого себя, — сказал я ему.

— Отлично, Демиан. Я никогда так не ставил вопрос. Мне кажется, что это прекрасная мысль, — похвалил меня Толстяк. — Ложь во спасение всегда подозрительна и вызывает вопросы, иногда очень сложные, из области философии и морали. Один из самых важных этических вопросов, которые мне известны, — это дилемма Сократа о свободном человеке и рабе.

Последний раз я слышал о ней от Леи, упоминавшей об этом на групповых занятиях пар, которые мы вели вместе. Когда она об этом сказала, мне припомнилось, что когда-то я уже читал эту историю, но не придавал ей значения. Однако, видя, какая разгорелась дискуссия между слушателями, и наблюдая за происходящим внутри меня, я понял: мне есть за что благодарить Лею, помимо нашей дружбы...

История очень простая.

Я иду по пустынной дороге.

Радуюсь ветру, солнцу, птицам

и тому, что мои ноги несут меня,
куда они сами хотят.
У обочины дороги
я вижу спящего раба.
Я подхожу ближе и понимаю,
что он видит сон.
По его словам и жестам
я догадываюсь...
Я знаю, что это за сон:
рабу снится, что он свободен.
Выражение его лица
спокойное и умиротворенное.
Я спрашиваю себя...
должен ли я разбудить его,
показав тем самым,
что это — только сон,
чтобы он знал, что остается рабом?
Или мне лучше оставить его спать,
чтобы он
хотя бы во сне
насладился своим придуманным миром?

— Каков правильный ответ?.. — спросил Хорхе.
Я пожал плечами.

— Правильного ответа нет, — продолжал он. —
Каждый должен сам найти ответ внутри себя.

— Мне кажется, я застыл бы перед рабом, не зная,
что делать, — сказал я.

— Я дам тебе подсказку, которая поможет тебе по
крайней мере в одном случае. Пока ты там стоишь, по-
дойди поближе к рабу и посмотри на него. Если этот
раб — я, отбрось сомнения:

Разбуди меня!

ЖЕНА СЛЕПОГО

В тот день я был очень придирчив.

— Ты как будто считаешь, что во лжи нет ничего предосудительного. Но ведь лгать — плохо. Именно этому нас учили.

— Ты уверен, Демиан? Нас действительно учили не лгать? Я не могу с тобой согласиться... Представь себе такую сцену, которая разыгрывается каждый день во всех домах всех городов.

Ребенка только что уличили во лжи.

Понимающий современный отец знает, что именно ЭТА ложь простительна, но ведь существуют моральные принципы... Поэтому...

Отец бросает свои дела и садится рядом с сыном, чтобы объяснить доступным ему языком, почему он должен всегда говорить правду, что бы ни произошло, пусть даже мир рушится.

Звонит телефон.

Сын, стремясь загладить свою вину, говорит:

— Я подойду! — и бежит к телефону.

Вскоре он возвращается.

— Папа, это страховой агент.

— Тьфу! Почему сейчас? Скажи, что меня нет дома.

— Так нас учат не лгать? Я так не думаю. Нам говорят, что лгать нельзя, это правда. Но наши родители,

учителя, священники, те, кто нами правит, разве они учат нас, что не нужно лгать?

Хорхе сделал паузу, заварил мате и продолжил:

— Словно мы вторгаемся в другую, личную и субъективную область реакции каждого человека на ложь. Но в любом случае почему же лгать — нехорошо? Тысячи раз мы убеждались, что общество, в котором мы живем, ненавидит непредсказуемых людей. Ведь это означает потерю контроля, осложняющую правила существования, по меньшей мере, в сложившейся системе. В этой системе лгать — нехорошо, так как, если ты лжешь, я никогда не смогу знать наверняка, что именно ты думаешь и что с тобой происходит. Чтобы сохранить контроль над ситуацией, мне, как и всем, нужны достоверные факты. Если интуиция подводит меня, я нуждаюсь в информации, предоставленной тобой, и мне нужно верить, что ты говоришь правду.

— Но, если я не могу верить словам других, — сделал вывод я, — значит, я не могу жить.

— Никто не может запретить тебе верить, Демиан. Я возражаю против того, что ты пытаешься запретить другим лгать.

— Но, Хорхе, если каждый станет говорить, что его левая нога захочет, все превратится в кошмар. Если все будут лгать и никто никому не сможет доверять, воцарится хаос.

— Это одна из возможностей, но не единственная. Есть и другая, о которой мне хочется думать, как о самой вероятной. Мы уже говорили, что человек лжет, поскольку, осуждая самого себя, боится суда всех остальных. Мы также говорили, что лжец уже вынес себе приговор.

Но представь себе мир свободы, мир, где все разрешено, ничто не может быть запретным, неуместным или обязательным...

В таком мире никто не стал бы себя ни осуждать, ни выносить себе приговор, ни ждать осуждения со стороны окружающих.

И тогда, при наличии свободы выбора лгать или не лгать, говорить правду или скрывать ее, может быть, мы все перестанем лгать, и вселенная превратится наконец в достойное доверия и потому спокойное пространство для обитания...

Это одна из возможностей, Демиан.

— Ты уверен, что такое возможно?

— Нет, не уверен. Но существует так мало вещей, в которых я уверен, что я предпочитаю твердо верить в это. У такой ситуации есть по крайней мере одно преимущество: она очень желательна.

— Ты из тех людей, которых довезет любой автобус.

— Не знаю, довезет ли, но если на нем номер того, который я жду, я точно в него сяду.

— Скажи мне, Толстяк, если твоя мечта действительно может сбыться, почему человечество до сих пор не окружило себя этим, как ты его называешь, достойным доверия и спокойным пространством?

— Потому что сначала, Демиан, оно должно побороть страх.

— Какой страх?

— Перед правдой. Как-нибудь я расскажу тебе сказку о магазинчике правды.

— Почему же не сегодня?

— Сегодня очередь другой сказки.

В одном городке жил господин, страдавший каким-то редким заболеванием глаз.

Он был слеп последние тридцать лет своей жизни.

Однажды в городок приехал знаменитый врач, у которого проконсультировались по поводу этого больного.

Доктор заверил, что операция может вернуть зрение больному.

Жена этого человека, считавшая себя старой и некрасивой, возражала...

КАЗНЬ

— Но в таком случае искренность для тебя ничего не значит?! — возмутился я.

— Конечно, значит, Демиан. Просто я отказываюсь вводить ее в законодательном порядке.

— А как же тогда наступит эта жизнь, такая желанная для тебя и для меня?

— С течением времени тебе повстречаются или наверняка уже повстречались люди, с которыми ты чувствуешь себя так свободно, что тебе не нужно лгать. Ты встретишь несколько людей, которым сможешь позволить быть самими собой, и у них никогда не возникнет потребности лгать тебе. Это твои настоящие друзья. Береги их! — изрек Хорхе. — А если вы с друзьями поймете, что с вас начинается новый порядок..

— Скажи мне, для тебя откровенность — это достоинство исключительно дружбы?

— Да. Но будь осторожен, откровенность и искренность — разные вещи.

— Разные?

— Да, разные.

— Почему?

— Слово «откровенность» происходит от слова «открытый». Вспомни об идее «проход открыт». Быть откровенным означает, что во мне нет никакого скрытого пространства, куда вход запрещен. Нет ни одного уголка в моих мыслях, чувствах и воспоминаниях, о ко-

тором бы никто не знал или в который я бы не хотел никого пускать. А искренность — это гораздо менее широкое понятие. По-моему, искренность — это: «Все, что я говорю тебе, — правда. По крайней мере, для меня. То есть, выражаясь твоими словами, я тебе не лгу».

— Значит, можно быть искренним, но не откровенным.

— Именно так. Откровенность — это сибаритские отношения, как и Любовь (обязательно с большой буквы). Чувство для очень узкого круга избранных.

— Но, Хорхе, если то, что ты говоришь, верно, во мне могут быть закрытые для тебя уголки, но я не перестану от этого быть искренним. Значит, ты признаешь, что скрывать — не значит лгать.

— Для меня это так, если только ты не лжешь, чтобы скрыть что-нибудь даже от самого себя.

— Приведи пример, пожалуйста.

Диалог одной пары:

— Что с тобой?

— Ничего.

(Но с ней что-то происходит, он знает об этом, хотя и не догадывается, что именно. Она лжет.)

Другой случай:

— Что с тобой?

— Не знаю...

(Но с ней что-то происходит, и он знает, что именно. Следовательно, она лжет.)

Еще одна ситуация:

— Что с тобой?

— Я не хочу сейчас отвечать на твой вопрос.

(Может, это и покажется проблематичным, но эта женщина скрывает что-то, и она искренна.)

— Но, Хорхе, в первых двух случаях моя партнерша проявила бы терпимость или даже поняла бы меня. А в последнем она послала бы меня куда подальше.

— Ну, может, пришла пора задуматься, что же это у тебя за спутница, которая относится с пониманием к твоей лжи и наказывает тебя за искренность.

— У тебя на все готов ответ?

— Да. У нас у всех всегда припасены ответы. Даже если они в одном случае выглядят как молчание, в другом — как смущение, а в третьем — как бегство.

— Ты меня достал.

— Я и сам себя достал.

— Ну-ка, Толстяк, дай-ка я суммирую все сказанное.

— Пожалуйста.

— Ты говоришь, что не одобряешь людей, считающих, что лгать — нехорошо. Ты говоришь, что это выбор каждого человека в каждый конкретный момент.

— И это зависит от отношений, — добавил Хорхе, — между этими людьми.

— И это зависит от отношений, — согласился я. — Кроме того, ты считаешь, что лгать — не значит скрывать.

— Нет. Я утверждаю, что скрывать — не значит лгать, что не одно и то же.

— Действительно, это совершенно разные вещи. И еще ты говоришь, что искренность нужно прибегать для друзей, а откровенность для «избранных». Не так ли?

— Да, примерно.

— Хорошо. В таком случае, моя вера твоим словам всегда будет зависеть от наших с тобой отношений. От моего доверия или моей любви.

— От этого, а еще от твоего желания.

- Какого желания?
- Рассказать тебе сказку?

В одной далекой стране жил один феодал, чье могущество могло сравниться только с его жестокостью.

Только он устанавливал законы на своих землях, а крестьянам даже запрещалось произносить его имя. Народ притесняли альгвасилы*, назначенные им, и душили сборщики податей, отнимавшие последние монеты, вырученные людьми от продажи урожая, вина или ремесленных изделий.

Нолав, так звался господин, имел мощную армию, из которой время от времени выходили молодые офицеры, пытавшиеся восстать и свергнуть его. Но тиран подавлял все эти попытки огнем и мечом.

Городской священник был настолько же добр, насколько злобен правитель. Это был глубоко верующий человек, целиком посвятивший себя помощи другим и передаче им своих обширных познаний.

В его доме жили пятнадцать или двадцать учеников, избравших для себя тот же путь и ловивших на лету каждое слово и каждый жест учителя.

Как-то раз, после утренней молитвы, он собрал своих учеников и сказал им:

— Дети мои, мы должны помочь нашему народу. Все люди могли бы бороться за свою свободу, но хозяин этих земель внушил им: он обладает слишком большой властью, чтобы простые мужчины и женщины отважились противостоять ему. Они с молоком матери впитали страх перед Нолавом, и, если мы не придумаем что-нибудь, они до самой смерти останутся рабами.

* Альгвасил — в Средние века полицейский чин или судья, в функции которого входило административное и уголовное правосудие.

— Мы сделаем все, что ты скажешь, — ответили ученики в один голос.

— Даже ценой своей жизни? — спросил он.

— Что такое жизнь, если ты можешь помочь своему брату, но не делаешь этого? — ответил один из учеников от имени всех.

Наступил пятый день третьего месяца. В этот день во дворце отмечали день рождения хозяина, и единственный раз в году феодал совершал прогулку в карете по своим землям. В то утро Нолав в сопровождении многочисленной свиты отправился на прогулку, разодетый в шитый золотом и драгоценными камнями наряд.

Ко всеобщему удивлению, когда карета проезжала мимо одного дома неподалеку от дворца, один из подданных остался стоять, никак не поприветствовав своего господина. Гвардейцы тут же его схватили и подвели к карете.

— Разве ты не знаешь, что должен поклониться?

— Знаю, ваша светлость.

— Но ты не сделал этого.

— Не сделал.

— Ты знаешь, что я могу приговорить тебя к смерти?

— Этого я и жду!

Нолава удивил такой ответ, но не испугал.

— Ладно, если ты хочешь умереть именно таким образом, вечером палач займется твоей головой.

— Спасибо, мой господин, — сказал юноша и с улыбкой на лице преклонил колени.

В толпе закричали:

— Мой господин, мой господин! Можно и мне сказать кое-что?

Диктатор разрешил ему подойти ближе.

— Слушаю тебя.

— Разрешите мне, господин, умереть сегодня вместо него.

— Ты просишь казнить тебя?

— Да, господин. Пожалуйста! Я всегда был вам верен. Умоляю, позвольте мне это.

Хозяин очень удивился и спросил приговоренного:

— Это твой родственник?

— Я впервые в жизни его вижу. Не позволяй ему занять мое место. Я виноват, а значит, именно моя голова должна полететь с плеч.

— Нет, ваша светлость, моя.

— Нет, моя.

— Моя.

— Тише! — крикнул господин. — Я могу удовлетворить просьбу обоих. Вы оба будете обезглавлены.

— Хорошо, ваша светлость. Но поскольку первым приговорили меня, я имею право умереть первым.

— Нет-нет, господин, эта привилегия принадлежит мне, потому что я даже не оскорблял вас.

— Хватит уже! Что происходит?! — закричал Нолав. — Замолчите, и я дам вам привилегию быть казненными одновременно. На этих землях хватает палачей.

Еще один голос раздался из толпы:

— В таком случае, господин, я тоже хочу попасть в этот список.

— И я, господин.

— И я.

Феодал растерялся.

Он не понимал, в чем дело.

А если что и портило настроение диктатору, так это абсолютная невозможность понять что-нибудь.

Пять физически здоровых юношей просили обезглавить их, и это было непонятно.

Он прикрыл глаза и задумался.

За несколько секунд он принял решение. Ему не хотелось, чтобы его подданные думали, что он трусит.

Палачей будет пять!

Но, когда он все-таки открыл глаза и посмотрел на толпу, окружавшую его, уже не пять, а десять голосов решительно требовали своей собственной казни. А руки все продолжали подниматься.

Это было слишком для могущественного феодала.

— Баста! — закричал он. — Все казни откладываются, пока я не приму решения, кто умрет и когда.

Под возмущенные крики желающих умереть карета вернулась во дворец.

А там Нолав заперся в своих покоях и глубоко задумался.

Вдруг его осенило.

Он приказал позвать священника.

Уж пастырь должен что-то знать об этом коллективном помешательстве.

Незамедлительно отправились за стариком и привели его к феодалу.

— Почему твой народ борется за право быть казненным?

Старик молчал.

— Отвечай!

Молчание.

— Приказываю тебе!

Молчание.

— Не провоцируй меня. Я знаю способ заставить тебя говорить!

Молчание.

Старика отвели в комнату для пыток и много часов подряд жестоко истязали его. Но говорить старик отказался.

Тиран послал своих гвардейцев в храм за его учениками. Тем, кого привели, он показал израненное тело учителя и спросил:

— По какой причине люди хотят, чтобы их казнили?

Старый священник еле слышно прошептал:

— Я запрещаю вам говорить!

Феодал знал, что не может пригрозить смертной казнью ни одному из присутствующих. Поэтому он сказал им:

— Я сделаю так, что ваш учитель будет страдать от невыносимой боли. А вас заставлю смотреть на его мучения. Если вы действительно любите этого человека, раскройте мне тайну, и я отпущу вас всех.

— Хорошо, — сказал один из учеников.

— Молчи! — приказал учитель.

— Продолжай, — настаивал Нолав.

— Если кто-нибудь будет казнен сегодня... — начал ученик.

— Замолчи! — повторил старик. — Будь ты проклят, если раскроешь тайну...

По знаку господина старик получил удар такой силы, что потерял сознание.

— Говори! — приказал феодал.

— Первый казненный сегодня после захода солнца станет бессмертным.

— Бессмертным? Ты лжешь! — сказал Нолав.

— Так сказано в Писании, — ответил юноша и, открыв книгу, которая была у него в сумке, прочитал абзац, подтверждающий его слова.

«Бессмертным!» — подумал феодал.

Единственное, чего боялся диктатор, — это смерти. И вот у него в руках была возможность победить ее. «Бессмертным!» — снова подумал он.

Больше он не сомневался ни минуты. Попросил бумагу, перо и издал указ о своей собственной казни.

Из дворца выгнали всех, и когда село солнце, Нолав был казнен согласно его собственному приказу.

Так народ освободился от своего угнетателя и поднялся на борьбу за свободу. Несколько месяцев спустя все они были свободными людьми.

О феодале больше никто никогда не упоминал. За исключением ночи казни, когда ученики, лечившие раны своего учителя, получали от него благословения за то, что рисковали головой, и поздравления с тем, что великолепно сыграли свои роли.

— Демиан, почему же феодал поверил в такую ложь? Почему он был способен отдать приказ о собственной казни из-за небылицы, рассказанной его врагами? Почему он попался в ловушку, расставленную учителем? Есть только один ответ на эти вопросы:

ПОТОМУ ЧТО ОН ХОТЕЛ ВЕРИТЬ.

Он хотел думать, что это правда. И это, Демиан, это — одна из самых действенных побудительных истин, которые я только знал в своей жизни. Мы верим в некоторые выдумки по многим причинам, но прежде всего потому, что хотим верить.

Почему тебя так бесит тот, кто ТЕБЕ лжет, ты меня спрашивал на днях. Он тебя так бесит, потому что ты хотел бы поверить его словам!

Ответил он сам себе:

ЛЕГЧЕ ВСЕГО ОБМАНУТЬ
ЧЕЛОВЕКА, ЖЕЛАНИЯМ
КОТОРОГО ЭТА ЛОЖЬ
СООТВЕТСТВУЕТ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУДЬЯ

Как всегда, после революции в моей голове мысли начинали проясняться и приходить в порядок.

Сколько раз за свою жизнь я пытался проникнуть в непостижимую тайну любителей дешевых покупок «из-под полы».

Я никак не мог объяснить себе, почему нет конца жертвам «развода на деньги».

Что творится в голове у человека, покупающего океанский лайнер за пару монет?

Как мошенники находят себе сообщников?

Почему неглупый человек, заплатив смешную цену за товар, обнаруживает, что получил всего лишь красиво упакованные отбросы?

Теперь у меня наконец был ответ: все жертвы мошенников в какой-то момент думали, что им это выгодно. Большинство из них радовались в душе, предвкушая будущие прибыли. Многие гордились собой, какие они ловкие и как они обвели другого вокруг пальца...

Происходило ли со мной то же самое, когда я заглазывал наживку?

Да, разумеется, я вел себя точно так же.

И это именно то, что я делаю всегда, когда меня выбирают.

«Тот факт, что меня выбирают...» — это просто возможность ухватиться за любое приятное моему слуху заверение или обещание.

«Тот факт, что меня выбирают...» Эта фраза сама по себе напоминает наживку.

Само выражение «попасться на крючок» намекает на это. На то, что заглатываешь крючок с насаженным на него соблазнительным дождевым червяком или, хуже того, с привлекательной, разноцветной и яркой мухой... из пластмассы!

Меня выбирают, я заглатываю наживку... Что за люди эти рыбаки? Какие червяки мне больше по душе?

Обещания вечной любви...

Мечта о том, чтобы меня принимали таким, какой я есть...

Высокая оценка и признание окружающих...

Желание быть во всем первым и увидеть то, чего не видел никто...

Тщеславное желание выделиться...

Попытка другого увидеть во мне мой собственный идеал...

Безоговорочное присутствие рядом со мной другого человека...

И столько еще всего...

Столько!

Я заметил, что с годами, с опытом и с духовным ростом я учился все быстрее выплевывать проглоченные крючки... Но как быть с оставленными ими ранами?

— Как быть с ранами, Толстяк? — спросил я его. — Как быть с ранами? Ты учишь меня пренебрегать мертвыми и бесцветными дождевыми червями. Все время указываешь мне на пластиковых мух, чтобы меня не посадили на крючок, но, как мне кажется, ты не объясняешь мне, что делать, чтобы не пораниться. Наверное, судьба доверчивых людей вроде меня — это постепенно, с течением жизни, покрываться шрамами от

проглоченных и выплюнутых крючков. Я, по крайней мере, не хочу больше никаких ран, Толстяк. Я не хочу, чтобы другие решали, наносить ли мне раны или зализывать их. Не хочу..

— Это цена, Демиан, это цена, которую ты платишь. Ты помнишь розу из «Маленького принца»?

— Да, я знаю, о чем ты: «...должна же я стерпеть гусениц, если хочу познакомиться с бабочками...»

— Вот именно, — подтвердил Хорхе.

Я замолчал, погрузившись в свои мысли. Мое состояние можно было описать как смесь боли, возмущения, смирения и бессилия.

Потом я пожаловался:

— Я все думаю, что лжец получает слишком большую выгоду с минимальными затратами.

— Иногда — да, а иногда и — нет, — сказал Толстяк. — У лжи много минусов. В любом случае, самое худшее во лжи — это то, что она НЕ ПРИНОСИТ ПОЛЬЗЫ!.. Рано или поздно любая ложь выходит на поверхность, и все ее кажущиеся достижения рассеиваются, как туман после восхода солнца... И больше того, иногда жизнь вершит свой суд, и обман оборачивается против лжеца.

Хорхе прикрыл глаза, вспоминая.

— Сейчас будет сказка... — догадался я.

— Да, сейчас будет...

После смерти Льен Цзу, его жена Цзуми, его старший сын Линг и двое младших сыновей остались в полнейшей нищете.

Когда глава семьи был еще жив, он работал от зари до зари на рисовых плантациях Ченга.

Большую часть зарплаты ему выдавали рисом, а остаток — несколькими монетами, которых едва хватало на

минимальные потребности семьи, главным образом они шли на оплату учителей и учебников для Линга и его братьев.

В день своей смерти Льен Цзу вышел из дома, как всегда, еще затемно. По дороге на плантацию он услышал крики о помощи старика, которого уносил поток полноводной реки.

Льен Цзу узнал его. Это был старик Ченг, владелец плантации, на которой он работал.

Он не умел хорошо плавать, а чтобы войти в реку и тем более спасти старика, нужно было быть просто великим пловцом.

Он посмотрел вокруг себя, но в этот час на дороге никого не было... А если он побежит за помощью, это займет более получаса...

Что-то подтолкнуло Льен Цзу набрать побольше воздуха и броситься в реку.

Когда он доплыл до старика, течение потащило и его тоже.

Бездыханные тела обоих, так и не разжавшие скрюченных пальцев, которыми они вцепились друг в друга, были найдены в тихой заводии, в нескольких километрах ниже по течению...

Может быть, дети старика хотели обвинить Льен Цзу в смерти своего отца и, возможно, маленький Линг был слишком молод для этой работы, а может быть, как они сказали, не было столько работы на рисовых полях, но случилось так, что дети покойника отказались оставить за Лингом рабочее место отца.

Молодой Линг настаивал.

Сначала он сказал им, что в свои тринадцать лет он уже достаточно взрослый, чтобы выполнять такую работу. Потом он заявил, что унаследовал это место от своего отца. Затем он рассказал, какой он работоспособный

и какие у него умелые руки. И когда все это не помогло, он стал умолять их, ссылаясь на материальные трудности семьи.

Ни один из его доводов не подействовал, и юноше предложили покинуть плантацию.

Линг возмутился, заговорил на повышенных тонах, напомнил о самопожертвовании отца, об эксплуатации, о правах, о справедливых требованиях...

Линг сопротивлялся, но его вытолкали вшаей из конторы и выбросили на пыльную улицу...

С тех пор семья ела, только когда могла себе это позволить, благодаря любой временной работе, за которую брался Линг, и матери, шившей и стиравшей одежду для других людей.

Однажды в самый обычный день Линг вышел за ворота плантации, куда он отправился, как всегда, чтобы попроситься на работу, а ему, как всегда, сказали, что для него ничего нет...

Он вышел оттуда с поникшей головой, глядя в землю и на свои рваные сандалии.

Он пинал все камни на своем пути, чтобы дать выход своему горю.

Вдруг что-то попало ему под ногу, и он услышал другой звук. Он поискал глазами этот предмет...

Это был вовсе не камень, а толстый кожаный кошелек, перевязанный веревкой и покрытый землей.

Юноша снова поддал его ногой.

Он не был пустым. Он издавал прекрасный звук, катясь по земле. Линг долго бил ногами этот кошелек, наслаждаясь производимым им звуком...

Наконец он поднял его и открыл.

В кошельке была куча серебряных монет... Множество монет! Он за всю свою жизнь столько и не видел...

Он их пересчитал.

Их было пятнадцать. Пятнадцать красивых, новых, блестящих монет.

И они принадлежали ему.

Он их нашел брошенными на земле.

Он пинал их ногой полчаса.

Он открыл кошелек.

Без сомнения, они принадлежали ему.

Теперь наконец-то матери больше не нужно будет работать, братья снова пойдут в школу, и все они смогут есть все, что захотят... каждый день.

Юноша радостно побежал в деревню за покупками...

Он вернулся домой, нагруженный продуктами, игрушками для братьев, одеялами и двумя красивыми платьями, привезенными из Индии, для своей матери.

Его возвращение было как праздник. Все были голодны, и никто не спросил, откуда еда, пока она вся не закончилась.

После ужина Линг раздал подарки, и, когда дети, устав от игры, легли спать, Цзуми сделала знак Лингу сесть рядом с ней.

Линг понял, чего хотела его мать.

— Ты же не думаешь, что я их украл, — сказал он.

— Но никто не подарил бы их тебе просто так... — возразила его мать.

— Нет, никто никому не делает подарков, — согласился Линг. — Я все это купил.

— А откуда у тебя деньги, Линг?

И юноша рассказал матери, как он нашел кошелек с монетами.

— Линг, сынок, эти деньги не твои, — сказала Цзуми.

— Как это не мои? — возразил Линг. — Я их нашел.

— Сын, если ты их нашел, значит, кто-то их потерял. И только он — настоящий хозяин этих денег, — заявила женщина.

— Нет, — сказал Линг. — Кто их потерял, тот их потерял. А кто нашел, тот нашел. Я их нашел. И у них нет хозяина, они мои.

— Хорошо, сынок, — продолжала мать. — Если у них нет хозяина, они твои. Но, если хозяин есть, нужно вернуть ему его собственность...

— Нет, мама.

— Да, Линг. Вспомни об отце и подумай, что он бы тебе сказал.

Линг понурил голову и неохотно согласился.

— А как быть с монетами, которые я истратил? — спросил юноша.

— Сколько ты потратил?

— Две.

— Ладно, потом решим, как мы сможем их вернуть, — сказала Цзуми. — Сейчас иди в деревню и спроси у людей, не потерял ли кто кожаный кошелек. Начни от того места, где ты его нашел.

Снова с поникшей головой, но на этот раз за порогом своего дома, Линг жаловался на судьбу.

Придя в деревню, он зашел на плантацию и спросил у управляющего, не терял ли кто-нибудь чего-нибудь.

Управляющий сказал, что он ничего не знает, но постарается выяснить.

Вскоре к Лингу вышел старший сын старика и нынешний владелец рисового поля.

— Ты унес мой кошелек с деньгами? — спросил он сердито.

— Нет, господин, я нашел его на улице, — ответил Линг.

— Дай мне его! Побыстрее! — вскричал тот.

Юноша достал кошелек из-под верхнего платья и отдал ему.

Хозяин высыпал содержимое на ладонь и начал считать...

Юноша поспешил объяснить:

— Видите ли, господин Ченг. Я соберу недостающую сумму и отдам ее вам или отработаю.

— Тринадцать! Тринадцать! — завопил он. — Где остальные монеты?

— Я же вам объяснил, господин, — начал юноша. — Я не знал, что кошелек принадлежит вам. Но я верну вам деньги...

— Вор! — грубо прервал его хозяин. — Вор! Я тебе покажу, как брать чужое. — И он вышел на улицу, продолжая кричать: — Я тебе покажу... Я тебе покажу...

Юноша пошел домой. Он не знал, что в нем было сильнее: злость или отчаяние.

Дома он рассказал Цзуми о случившемся, и она его утешила.

Она ему пообещала поговорить с этим человеком, чтобы уладить дело.

Однако на следующий день посыльный принес повестку Цзуми и Лингу: их вызывали в суд за кражу семнадцати монет из кошелька.

Семнадцати!

В суде сын старого хозяина показал под присягой, что кожаный кошелек пропал с его стола.

— Это было тогда, когда Линг приходил просить работу, — заявил Ченг. — А на следующий день пришел этот мелкий воришка и сказал, что якобы «нашел» этот кошелек и спросил, не «терял ли его кто-нибудь». Какая наглость!

— Продолжайте, господин Ченг, — сказал судья.

— Разумеется, я сказал, что кошелек принадлежит мне, и, когда он мне его вернул, я тотчас же проверил содержимое и утвердился в своих подозрениях: там не хватало денег! Семнадцати серебряных монет.

Судья внимательно выслушал рассказ, а затем обратил свой взгляд на юношу, который, смущенный таким положением дел, не решался говорить.

— Что ты можешь сказать, Линг? Тебе здесь предъявили очень серьезное обвинение, — спросил судья.

— Господин судья, я ничего не крал. Я нашел кошелек на улице. Я не знал, что он принадлежит господину Ченгу. Я действительно открыл кошелек и потратил часть денег на еду и игрушки для братьев, но это были только две монеты, а не семнадцать. — Юноша всхлипнул. — Как я мог украсть семнадцать монет, если в кошельке было всего пятнадцать, когда я его нашел? Я взял только две монеты, господин судья, только две.

— Давайте разберемся, — сказал судья. — Сколько монет было в кошельке, когда юноша его вернул?

— Тринадцать, — ответил истец.

— Тринадцать, — подтвердил Линг.

— А сколько монет было в кошельке, потерянном вами? — спросил судья.

— Тридцать, ваша честь, — ответил человек.

— Нет, нет, — вмешался Линг. — Там было всего пятнадцать монет. Я могу поклясться в этом.

— А вы могли бы поклясться, что, когда кошелек лежал на письменном столе, в нем было тридцать серебряных монет?

— Конечно, господин судья, — подтвердил тот. — Клянусь!

Цзуми робко подняла руку, и судья сделал ей знак говорить.

— Господин судья, — сказала она, — мой сын еще мальчик, и я признаю, что в этой ситуации он допустил несколько ошибок. Но в одном я могу вас уверить: Линг не умеет лгать. Если он говорит, что потратил две монеты, то так оно и есть. И если он говорит, что в кошельке было всего пятнадцать монет, когда он его нашел, то это тоже правда. Может быть, господин, кто-то нашел кошелек до...

— Достаточно, госпожа, — прервал ее судья. — Это моя задача, а не ваша решать, что же произошло, и вершить правосудие. Вы хотели что-то сказать, и вам было дано слово. Теперь садитесь и ждите моего решения.

— Вот именно, ваша честь, решения. Мы хотим правосудия, — сказал истец.

Судья сделал знак помощнику, чтобы тот ударил в гонг. Это означало, что судья готов объявить свой вердикт.

— Истец и ответчики, несмотря на то что вначале ситуация была запутанной, сейчас она прояснилась, — сказал судья. — У меня нет причин сомневаться в словах господина Ченга, который клянется, что у него пропал кошелек с тридцатью серебряными монетами...

Тот злобно усмехнулся, глядя на Линга и на Цзуми.

— Однако юный Линг уверяет, что нашел кошелек с пятнадцатью монетами, — продолжал судья, — и у меня также нет причин ставить под сомнение его слова...

В зале наступила тишина, и судья продолжил:

— Поэтому суду ясно, что найденный и возвращенный кошелек НЕ ТОТ, который потерял господин Ченг. И следовательно, иск не может быть предъявлен семье Льен Цзу. Тем не менее заявление останется в архиве, и истец получит обратно любой найденный и возвращенный в ближайшее время кошелек, содержимое которого изначально составляло тридцать монет.

Судья улыбнулся и поймал благодарный взгляд Линга.

— А что касается этого кошелька, юноша...

— Да, ваша честь, — пробормотал тот. — Я осознаю свою ответственность и готов заплатить за свою ошибку.

— Молчи! Что касается кошелька с пятнадцатью монетами, как я уже говорил, его до сих пор никто не востребовал и, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, — сказал он, краем глаза наблюдая за господином

Ченгом, — думаю, маловероятно, что кто-либо востребует. Поэтому считаю, что кошелек может считаться собственностью нашедшего его человека. Значит, он — твой!

— Но, ваша честь... — начал Ченг.

— Ваша честь... — открыл рот Линг.

— Господин судья... — хотела сказать Цзуми.

— Тишина! — приказал судья. — Дело закрыто! Освободите помещение...

Судья встал и, когда помощник ударил в гонг, быстро вышел...

МАГАЗИНЧИК ПРАВДЫ

— Скажи мне, Хорхе, почти все понимают, что нужно посещать психотерапевта. Я знаю, что ты так не думаешь, и полагаю, что ты даже не считаешь нужной поголовную психотерапию. Но теперь я задаю себе вопрос, может ли каждый получить пользу от курса психотерапии.

— Да.

— Каждый?

— Скажем так: любому человеку, желающему получить пользу, этот курс поможет.

— Но почему кто-то может не хотеть получить пользу?

— Энтони де Мелло* рассказывает чудесную сказку, которая поможет нам разобраться в этом вопросе.

Человек прогуливался по маленьким улочкам провинциального городка. У него было свободное время, поэтому он задерживался на несколько секунд у каждой витрины, перед каждым магазином, на каждой площади. Повернув за угол, он вдруг оказался перед скромным заведением без вывески. Заинтригованный, он подошел к витрине и прижался лицом к стеклу, заглядывая в ее темноту... Внутри он разглядел только пюпитр с табличкой, написанной от руки:

* Мелло, Энтони де (1931–1987) — индийский иезуит, психотерапевт, священник.

МАГАЗИН ПРАВДЫ.

Человек удивился. Он подумал, что название — это причуда хозяев, но даже не мог предположить, чем они торгуют.

Он вошел.

Подошел к девушке за первым прилавком и спросил:

— Простите, это магазин правды?

— Да, господин, какого рода правда вам нужна? Не-полная, относительная, среднестатистическая, полная?

Значит, тут действительно торгуют правдой. Он даже вообразить не мог, что такое возможно. Прийти куда-то и купить правду — это замечательно.

— Полная правда, — сказал человек не задумываясь.

«Я так устал от лжи и фальши, — подумал он. — Не хочу больше никаких обобщений и оправданий, обмана и подлога».

— Полная правда! — подтвердил он.

— Хорошо, господин. Следуйте за мной.

Девушка проводила клиента в другой отдел и, указав на продавца с суровым лицом, сказала:

— Этот господин вас обслужит.

Продавец подошел и молча ждал, что скажет клиент.

— Я хочу купить полную правду.

— Прекрасно. Простите, но известны ли господину наши цены?

— Нет. А сколько это стоит?

На самом деле, он был готов заплатить сколько угодно за всю правду.

— Если вы ее купите, — сказал продавец, — то навсегда потеряете душевный покой, такова ее цена.

Человек почувствовал, как мурашки бегут по спине. Он даже представить себе не мог, что это стоит так дорого.

— Спа... спасибо... извините... — запинаясь, проговорил он.

Человек повернулся и поспешно вышел из магазина.

Ему стало немного грустно при мысли, что он еще не совсем готов к абсолютной правде, что он еще нуждается в кое-какой лжи, чтобы перевести дух, кое-каких легендах и мечтах, чтобы не встречаться лицом к лицу с самим собой... «Может быть, позже», — подумал он.

— Демиан, совсем не обязательно, что на пользу другому человеку пойдет то, что хорошо для меня. Может так случиться, и это вполне справедливо, кому-то покажется, что это слишком дорого стоит. Каждый имеет законное право самому решать, какую цену он согласен заплатить за то, что получит взамен, и по логике вещей каждый сам выбирает, когда именно он хочет это получить, будь то правда или любая другая «польза».

Я не знал, что сказать.

А Хорхе добавил:

— Есть старинная арабская поговорка:

**ЧТОБЫ РАЗГРУЗИТЬ ПАРТИЮ ХАЛВЫ,
САМОЕ ГЛАВНОЕ — ЭТО ИМЕТЬ СОСУДЫ
ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЭТОЙ ХАЛВЫ.**

...С мудростью и правдой происходит то же самое, что и с халвой...

ВОПРОСЫ

Сеанс начался с этой невыносимой тягомотины, случавшейся всякий раз, когда я приходил на прием, не зная, о чем говорить, и поэтому молчал. Или знал, о чем хочу поговорить, но почему-то не делал этого. Или понимал, что лучше бы мне вообще не ходить, но было уже поздно. Или Толстяку тоже не хотелось говорить, и он мне не помогал. Или он хотел мне помочь, но замолкал...

Это были молчаливые сеансы.

Вязкие сеансы.

Тяжелые сеансы.

— Я вчера написал кое-что, — сказал я.

— Да?..

«Краткий ответ», — подумал я.

— Да, — ответил я еще более кратко.

— И?.. — спросил он.

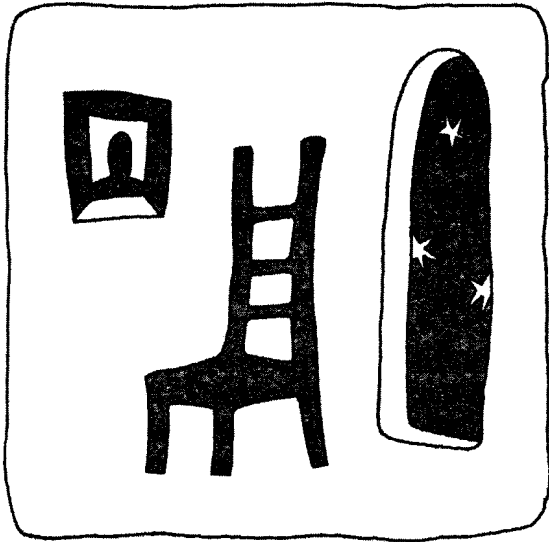
«Он снова меня “достаёт”», — подумал я.

— Это называется вопросы, но это вовсе не вопросы.

— И что ты хочешь делать со своими вопросами, которые вовсе не вопросы?

— Мне бы хотелось прочитать их здесь, вместе с тобой. Я их не перечитывал с тех пор, как написал вчера вечером. Я знаю, что не ищу ответов, поэтому мне не хочется, чтобы ты отвечал. Мне нужно, чтобы ты послушал. Я хочу сказать, что это мой взгляд на вещи, а не вопросы.

— Понятно... — сказал Толстяк и приготовился слушать.

Трудно, не так ли?

Почти невозможно?

Как живется не таким, как все?

Какой смысл жить в мучениях?

Можно ли жить по-другому человеку со здоровым или светлым умом?

А если это не так, зачем я работаю над собой?

Зачем я прохожу курс психотерапии?

Какова задача психотерапевта? Лишать людей способности функционировать в обществе? Люди, наверное, об этом узнают, потому что это доставляет им страдания.

Какова моя роль в этом процессе?

Получается, что я меняю одни страдания на другие, а мне не остается даже утешения, что почти все их со мной разделяют?

Что такое психотерапия? Огромная фабрика фрустраций для «утонченных натур»?

Что-то вроде секты садистов, изобретателей невиданных, изысканных и эксклюзивных способов пыток?

Может, и вправду легче сильно страдать в реальной жизни, чем наслаждаться неведением в придуманной вселенной?

Как можно использовать полное осознание одиночества и экзистенциального компромисса с самим собой?

Какая польза, ради бога, какая польза от того, что ты привыкаешь не ждать ничего ни от кого? Если окружающий мир — дрянь, а люди в нем — дерьмо, если реальные события нашей жизни — тоска зеленая, можно ли излечиться, вымазавшись в экскрементах и плавая среди отходов человечества?

Может быть, правы те религии, которые предлагают нам утешение там в тех случаях, когда его нельзя получить тут?

Может, они правы в том, что возлагают всю ответственность на всемогущего Бога, который займется нашей судьбой, если мы будем себя хорошо вести?

Не легче ли вести себя хорошо, чем быть самими собой? И разве не намного проще и полезнее признать идею добра и зла, которую все признают как единственно правильную?

Или, по меньшей мере, не лучше ли поступать, как все остальные, демонстрирующие святу ю веру в нее?

Может быть, правы знахари, колдуны и волшебники, когда они хотят излечить нас при помощи магии нашей веры?

Наверное, правы те, кто делает ставку на неограниченные способности человеческого разума контролировать любую жизненную ситуацию?

Может, действительно не существует ничего вне меня, а моя жизнь — это страшный сон из вещей, людей и фактов, возникших в моем богатом воображении?

Кто поверит, что все происходящее — это единственно возможный ход событий?

А если и так, то нужно ли знать об этом больше?

Обязан ли другой человек понимать меня?

Обязан ли он принимать меня?

Обязан ли он слушать меня?

Обязан ли он одобрять меня?

Обязан ли он не лгать мне?

Обязан ли он учитывать мои интересы?

Обязан ли он любить меня так, как мне бы хотелось?

Обязан ли он любить меня так сильно, как мне бы хотелось?

Обязан ли любой другой человек любить меня?

Обязан ли он уважать меня?

Обязан ли он вообще знать о моем существовании?

А если никто не узнает о моем существовании, зачем я существую?

А если мое существование не имеет никакого смысла без других людей, как не пожертвовать чем угодно, да-да, **ЧЕМ УГОДНО**, чтобы этот смысл был мне доступен?

...И если путь от рождения до могилы мы проделываем в одиночестве, зачем мы обманываем себя, притворяясь, что можем найти себе спутников?

Толстяк покашлял.

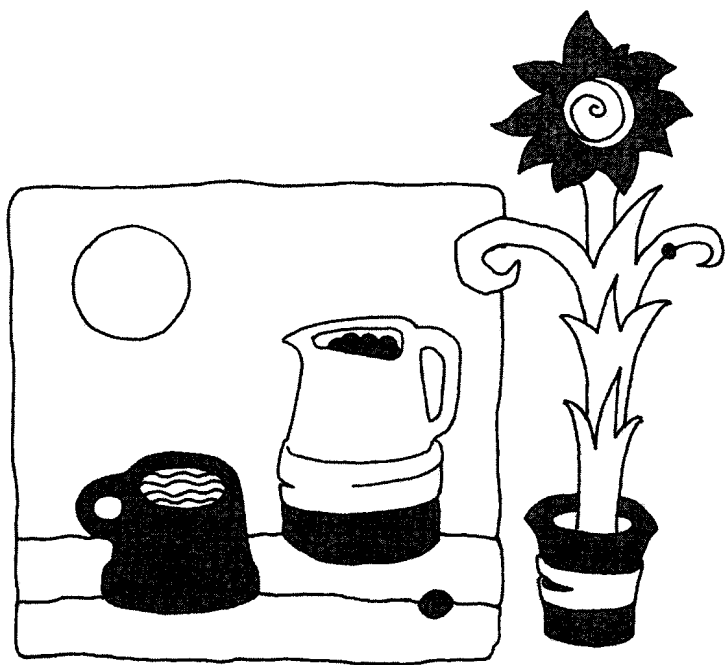
— Ну и ночка была у тебя вчера, а?

— Да... — сказал я. — Черная, очень черная.

Мой психотерапевт протянул руки и знаками показал мне, чтобы я сел к нему на колени.

Потом Хорхе обнял меня, как ребенка.

Я почувствовал тепло и любовь Толстяка и так и просидел остаток сеанса молча, задумавшись...

ЧЕЛОВЕК, САЖАЮЩИЙ ФИНИКИ

— Послушай, все, чему ты меня учишь, кажется очень правильным, и, разумеется, мне бы очень хотелось думать, что можно так жить...

Тем не менее истина состоит в том, что я считаю твою жизненную модель красивым теоретическим построением, неприменимым к повседневной действительности.

— Я не думаю...

— Естественно! Ты не думаешь, потому что для тебя это проще, чем для остальных. Ты создал вокруг себя определенный жизненный уклад, и теперь тебе легче. Но я, как и почти все остальные люди, мы живем в обычном мире. У нас бы никогда не получилось сделать так, чтобы наслаждаться жизнью в нем.

— На самом деле, Демиан, я родом из того же реального мира, что и ты. Я обитатель той же повседневности, что и все мы, и сосуществую с теми же обычными людьми, которых ты тоже знаешь... Признаюсь, я живу чуточку лучше, чем большинство моих знакомых, но хочу, чтобы ты понял две вещи: во-первых, это далось мне нелегко. Создать эту «среду обитания», как ты ее называешь, я смог ценой полной самоотдачи, невероятных переживаний и бессмысленных потерь. Во-вторых, все произошло не

так уж быстро. Я хочу сказать, что изменить то, что нужно было изменить, не дать разрушиться тому, что нужно было сохранить, и пройти все пути, которые нужно было разведать, заняло определенное время. То есть все произошло не само по себе и не в мгновение ока.

— Я понимаю. Но ты, по крайней мере, знал, что в конце тебя ждет награда, которую ты, собственно, и получил.

— Это не так. И это еще одно предвзятое мнение, на котором строится твой анализ. Мне никто никогда не гарантировал никакой награды. Должен сказать тебе, что все, что я делал до сих пор, — это, скорее, только ставка на окончательный результат, которого я на самом деле пока еще не добился.

— Как это не добился?

— Мне нужно еще очень многое сделать, Демиан. И скажу тебе больше, я думаю, что даже если я собираюсь жить очень долго, всей моей жизни не хватит, чтобы добиться абсолютной гармонии. Чтобы наслаждаться полным отсутствием каких-либо ожиданий, чтобы полностью понимать и принимать все, что происходит...

— Ты хочешь сказать, что делаешь всю эту работу, не надеясь когда-нибудь насладиться ее результатом?

— Да.

— Ты сумасшедший!

— Это правда. Но, к твоему счастью, я сумасшедший, рассказывающий сказки, и как раз собирался рассказать тебе еще одну.

В оазисе, затерянном в одном из самых отдаленных уголков пустыни, старый Элиаху стоял на коленях возле нескольких финиковых пальм.

Его сосед Хаким, богатый торговец, остановился на привал в оазисе, чтобы напоить своих верблюдов, и увидел, как Элиаху весь в поту копается в песке.

— Как поживаешь, старец? Мир тебе.

— И тебе тоже, — ответил Элиаху, не отрываясь от своей работы.

— Что ты делаешь здесь, на такой жаре, с лопатой в руках?

— Я сажаю, — сказал старик.

— Что ты сажаешь здесь, Элиаху?

— Финики, — ответил Элиаху, указывая на пальмы вокруг себя.

— Финики! — повторил вновь прибывший и прикрыл глаза с видом человека, услышавшего величайшую глупость в своей жизни и относящегося к этому с пониманием. — Твой ум повредился на жаре, дорогой друг. Бросай свою работу! Пойдем в мою палатку, пропустим по стаканчику.

— Нет, я должен закончить. А потом, если захочешь, можно и выпить.

— Скажи мне, друг, сколько тебе лет?

— Не знаю... Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... Не знаю... Я забыл. Но при чем тут это?

— Послушай, друг. Финиковые пальмы растут больше пятидесяти лет, и только взрослые деревья в состоянии давать плоды. Я не желаю тебе зла, ты об этом знаешь. Дай бог тебе дожить до ста одного года, но ты сам понимаешь, что вряд ли тебе удастся собрать урожай с деревьев, которые ты сажаешь сегодня. Брось все и пошли со мной.

— Знаешь, Хаким, я поел фиников, посаженных другим человеком. Он тоже не надеялся отведать этих плодов. Я сажаю сегодня, чтобы другие смогли потом есть финики, которые я сажаю... И хотя бы ради этого незнакомого мне человека я должен закончить свое дело.

— Ты преподнес мне урок, Элиаху. Позволь мне заплатить за твою науку кошельком с монетами. — И, сказав это, Хаким вложил в руку старика кожаный мешочек.

— Благодарю тебя за деньги, друг. Ты же видишь, иногда так бывает: ты мне говорил, что я не смогу собрать урожай с посаженных мною деревьев. Это казалось очень правильным, но, однако, сам посуди, я еще не закончил сажать, а уже получил урожай: кошелек с монетами и благодарность друга.

— Твоя мудрость поражает меня, старец. Это второй серьезный урок, который ты даешь мне сегодня, и, возможно, даже более важный, чем первый. Разреши мне заплатить за него еще одним кошельком, полным монет.

— А иногда бывает так, — продолжал старец, рассматривая на вытянутой руке два кошелька с монетами. — Я сажал, зная, что не соберу урожай, но еще до окончания посадок смог собрать урожай дважды.

— Все, хватит, старик. Не продолжай. Если ты будешь и дальше меня учить, то, боюсь, всего моего состояния не хватит, чтобы заплатить тебе...

— Ты понял, Демиан? — спросил меня Толстяк.

— Больше того. Я осознал! — ответил я.

САМООТВЕРЖЕНИЕ

...В тот раз после сеанса Толстяк вручил мне запечатанный конверт, на котором было написано: «Демиану».

— Что это? — спросил я.

— Это тебе. Я написал его много месяцев назад.

— Много месяцев назад?

— Да. По правде говоря, мне эта мысль пришла в голову буквально через несколько недель после начала нашего курса терапии. Я читал тогда поэму одного американца, Лео Буса. Из нее я взял первый абзац для этого письма... И пока я ее читал, перед моими глазами стоял твой образ, а в моих ушах звучали твои слова из первых наших сеансов... Вот тогда я сел и написал тебе это.

— А почему ты отдал мне его только сейчас?

— Думаю, раньше ты бы ничего не понял.

И я прочитал:

САМООТВЕРЖЕНИЕ

Я присутствовало там
с первой минуты
в адреналине,
наполнявшем вены твоих родителей,
когда они занимались любовью,
чтобы зачать тебя,

а потом в жидкости,
которую мать накачивала
в твоё маленькое сердце,
когда ты был всего лишь паразитом
в её теле.
Я попало в тебя раньше,
чем ты смог заговорить,
даже раньше,
чем ты начал понимать что-то
из того, что говорили тебе другие.
Я уже присутствовало,
когда ты неловко
пытался сделать свой первый шаг
под насмешливыми и радостными взглядами окружа-
ющих.
Когда ты оставался без присмотра
и подвергался опасности,
когда ты был уязвим
и нуждался в помощи.
Я появилось в твоей жизни
об руку с грезами;
в сопровождении...
суеверий и заклинаний,
фетишей и амулетов...
хороших манер,
обычаев и традиций...
твоих учителей, твоих братьев
и твоих друзей...
Раньше,
чем ты узнал
о моём существовании,
я поделило твою душу
на мир света и мир тьмы.
Мир того, что хорошо,

и мир того, что плохо.
Я дало тебе чувство стыда,
показало тебе все твои изъяны,
все уродливое,
все глупое,
все неприятное,
что было в тебе.
Я наклеило на тебя ярлык
«не такой, как все»,
когда впервые прошептало тебе
на ухо,
что в тебе что-то не так.
Я существовало
до пробуждения сознания,
до чувства вины,
до появления морали,
с незапамятных времен,
когда Адам устыдился своего тела,
заметив свою наготу...
и прикрыл ее!
Я — незванный гость,
нежелательный посетитель,
и тем не менее
я прихожу первым, а ухожу последним.
Со временем я стало
очень могущественным,
слушая советы твоих родителей
о том, как преуспеть в жизни.
Изучая предписания твоей религии,
диктующей тебе,
что делать и чего не делать,
чтобы Бог принял тебя в свое лоно.
Страдая от глумления
твоих одноклассников,

насмехающихся
над твоими проблемами.
Переноса унижения от вышестоящих.
Глядя на твое нескладное отражение
в зеркале и сравнивая его потом
со «знаменитостями»,
которых показывают по телевизору.
И сейчас, наконец,
будучи таким могущественным
и по той простой причине,
что ты женщина,
что ты негр,
что ты еврей,
что ты гомосексуалист,
что ты с Востока,
что ты инвалид,
что ты высокий, низенький
или толстый...
Я могу превратить тебя
в кучу мусора,
в отбросы,
в козла отпущения,
в ответчика за все,
в проклятого,
никому не нужного ублюдка.
Многие поколения мужчин и женщин
поддерживают меня.
Ты не сможешь от меня избавиться.
Горе, которое я причиняю,
так невыносимо,
что ты меня сможешь терпеть,
только если передашь своим детям,
а те — своим,
и так из века в век.

Чтобы помочь тебе
и твоим потомкам,
я ряжусь
в одежды перфекционизма,
высоких идеалов,
самокритики,
патриотизма,
нравственности,
добрых традиций,
самоконтроля.
Горе, которое я причиняю тебе,
так сильно,
что тебе захочется отрицать
мое существование,
и для этого ты попытаешься
спрятать меня
за своими персонажами,
за наркотиками,
за своей погоней за деньгами,
за своими неврозами,
за своими беспорядочными
сексуальными связями.
Но ты можешь делать что угодно,
идти куда угодно.
Я буду там, всегда там.
Потому что я всегда с тобой,
днем и ночью,
без отдыха,
без ограничений.
Я — главная причина
зависимости,
собственничества,
усилия,
безнравственности,

страха,
насилия,
преступления,
сумасшествия.
Я внушило тебе страх
быть отвергнутым
и обусловило этим страхом
твое существование.
От меня зависит,
останешься ли ты востребованным,
желанным,
любезным, приятным,
заслуживающим
всеобщего одобрения,
каким тебя видят сегодня
все окружающие.
Это зависит от меня,
потому что я — тот сундук,
в который ты спрятал
все самое противное,
самое нелепое,
самое отвратительное,
что есть в тебе.
Благодаря мне
ты научился довольствоваться тем,
что дает тебе жизнь,
потому что в конце концов
все пережитое тобою всегда
будет больше,
чем, по твоему мнению,
ты заслуживаешь.
Ты догадался, не так ли?
Я — чувство отвержения, которое ты
испытываешь к самому себе.

Я — ЧУВСТВО ОТВЕРЖЕНИЯ,
КОТОРОЕ ТЫ ИСПЫТЫВАЕШЬ
К САМОМУ СЕБЕ.

Вспомни, как это было...

Все началось в тот пасмурный день,
когда ты перестал гордо говорить:
«Я ЕСТЬ».

А смущенно и робко
опустив голову,
подумал вместо этого:
«Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ БЫТЬ...»

— Ты прав, — подтвердил я. — Раньше я бы этого не понял.

— ...и к тому же, Демиан, я тебе это дал сейчас, потому что мне хотелось, чтобы ты обязательно забрал его с собой, покидая этот кабинет.

— Ты меня выгоняешь? — задал я свой обычный вопрос. Впервые со дня моего знакомства с Хорхе я услышал, как он заикается.

— Думаю, да... — прошептал он.

Толстяк подмигнул мне одним глазом и прикоснулся рукой к моей щеке...

— Я очень тебя люблю, Демиан...

— Я тоже тебя очень люблю, Толстяк...

Не говоря больше ни слова, я встал.

Подошел к Хорхе, крепко его обнял и поцеловал...

Потом я вышел на улицу...

Почему-то я чувствовал, что с этого дня начинается

«МОЯ ЖИЗНЬ»...

ЭПИЛОГ

Ну вот... и все.

В течение последних месяцев я пытался поделиться с тобой некоторыми из тех сказок, что я обычно рассказываю любимым людям.

Сказками, освещающими темные участки моего собственного пути.

Сказками, благодаря которым я сблизился с людьми, чья мудрость неизменно восхищает меня.

Сказками, которые мне просто нравятся, которые я читаю с удовольствием и люблю все больше.

Книга сказок, разумеется, должна заканчиваться сказкой. Она называется «История о спрятанном бриллианте» и основана на рассказе И. Л. Переца*.

В далекой стране жил крестьянин.

Он владел небольшим участком земли, на котором выращивал злаки, и маленьким садиком, заменявшим огород, где жена крестьянина сажала кое-какие овощи — подспорье для скромного семейного бюджета.

Однажды, когда он работал в поле, вспахивая его примитивным ручным плугом, он увидел, как что-то ярко блеснуло между комьями плодородной земли. Почти с опаской он подошел и поднял эту вещь. Она была по-

* Перец И. Л. (1851–1915) — писатель, один из основателей новой литературы на идише.

хожа на огромный кусок стекла. Его поразило, как ослепительно она сияла под лучами солнца. Он догадался, что это драгоценный камень, и, должно быть, очень дорогой.

Он начал мечтать о том, что он сделает, если продаст бриллиант, но тут же подумал: этот камень — дар небес, и нужно беречь его и использовать только в крайнем случае.

Крестьянин закончил свою работу и вернулся домой с бриллиантом.

Он боялся хранить драгоценность в доме, поэтому, когда стемнело, он вышел в садик, вырыл ямку в земле между грядками с помидорами и закопал там бриллиант. Чтобы пометить это место, он прямо над зарытым сокровищем положил желтоватый камень, который нашел поблизости.

На следующее утро крестьянин позвал жену, показал ей камень и попросил ни в коем случае никуда его не сдвигать. Жена удивилась, почему этот странный камень должен лежать в помидорах. Крестьянин не осмелился рассказать ей правду, чтобы не волновать ее, поэтому он объяснил это следующим образом: «Это особенный камень. Пока он лежит в помидорах, нам всегда будет сопутствовать удача».

Жена не стала обсуждать этот внезапный суеверный пыл своего мужа и, как смогла, привела в порядок помидорные грядки.

У супругов было двое детей: мальчик и девочка. Однажды, когда девочке было десять лет, она спросила у матери о камне в саду.

— Он приносит удачу, — сказала мать.

Дочь больше не задавала вопросов.

Как-то утром, перед школой, дочь подошла к лежащему желтоватому камню и дотронулась до него (в тот день у нее был очень сложный экзамен).

Может, случайно, а может, потому, что девочка пошла в школу более спокойной, но экзамен она сдала очень хорошо и убедилась в «силе» камня.

В тот же день она вернулась домой с небольшим желтоватым камнем и положила его рядом с первым.

— Зачем? — спросила ее мать.

— Если один камень приносит удачу, то два — в два раза больше, — ответила девочка с несокрушимой логикой.

С тех пор всякий раз, когда девочка находила такой камень, она приносила и клала его к предыдущим.

Вскоре и мать, из чувства солидарности или за компанию с дочерью, стала тоже добавлять камни к образовавшейся горке.

А для сына легенда о камнях стала частью его жизни. С малых лет его научили складывать желтоватые камни рядом с остальными.

Как-то мальчик принес зеленоватый камень и положил его в общую кучу...

— Что это значит, сынок? — спросила его мать.

— Мне показалось, что вкрапление зеленого придаст больше красоты нашей горке, — пояснил ребенок.

— Ни в коем случае, сын, убери этот камень.

— Почему я не могу положить этот зеленый камень к остальным? — удивился ребенок, всегда отличавшийся непокорным нравом.

— Потому что... Ну... — запинаясь, проговорила мать (она не знала, почему удачу приносят только желтоватые камни, она только помнила, как муж ей сказал, что, пока этот камень лежит в помидорах, им будет сопутствовать удача).

— Почему, мама? Почему?

— Потому что... желтые камни приносят удачу, только если рядом нет камней другого цвета, — придумала на ходу мать.

— Этого не может быть, — усомнился сын. — Почему они не могут приносить такую же удачу рядом с другими камнями?

— Потому что... э-э-э... камни удачи очень ревнивы.

— Ревнивы? — повторил парень с усмешкой. — Ревнивые камни? Это нелепо!

— Послушай, я не разбираюсь в том, что можно или нельзя делать с этими камнями. Если ты хочешь узнать больше, спроси у отца, — сказала ему мать и пошла заниматься своими делами, убрав предварительно зеленоватый камень, принесенный мальчиком.

В тот вечер ребенок ждал допоздна, когда отец вернется с поля.

— Папа, почему желтоватые камни приносят удачу? — спросил он, как только отец вошел в дом. — И почему с зеленоватыми этого не происходит? И почему удача убывает, если рядом с желтоватым положить зеленоватый? И почему они должны обязательно лежать в помидорах?

...Он продолжал бы сыпать вопросами, не ожидая ответа, если бы отец не сделал ему знак остановиться.

— Завтра, сынок, мы пойдем вместе в поле, и я отвечу на все твои вопросы.

— А зачем нужно так долго ждать?.. — продолжал мальчик.

— Завтра, сын, все завтра, — прервал его отец.

На следующее утро, очень рано, когда в доме все еще спали, отец подошел к сыну, осторожно разбудил его, помог ему одеться и повел с собой в поле.

— Послушай, сынок. Я до сих пор не рассказывал тебе этого, поскольку считал, что тебе еще не пора знать правду. Но теперь мне кажется, ты уже вырос, ты уже почти мужчина и в состоянии узнать любую вещь и хранить тайну столько времени, сколько потребуется.

— Какую тайну, папа?

— Сейчас узнаешь. Все эти камни лежат в помидорах, чтобы пометить одно место в палисаднике. Под ним зарыт дорогой бриллиант, сокровище нашей семьи. Я не захотел, чтобы остальные об этом узнали, потому что, мне кажется, они не смогли бы жить спокойно. Раз я сегодня поделился этим с тобой, с этого момента ты становишься хранителем семейной тайны. Когда-нибудь у тебя будут дети, и однажды ты поймешь, что один из них должен быть посвящен в тайну. Тогда ты уведешь его подальше от дома и расскажешь ему о спрятанном сокровище, как я это сделал сегодня. — Отец поцеловал сына в щеку и продолжал: — Хранить тайну — это знать, в какой момент и кто достоин узнать ее. Пока этот момент не настал, ты должен сделать все, чтобы остальные члены семьи думали что угодно о желтых, зеленых или синих камнях.

— Можешь положиться на меня, папа, — сказал сын и расправил плечи, чтобы казаться старше.

...Прошли годы. Старый крестьянин умер, а мальчик стал мужчиной. У него родились дети, но только один из них узнал в свое время тайну бриллианта. Все остальные верили, что удачу приносят желтоватые камни.

В течение долгих лет, поколение за поколением, члены этой семьи складывали камни в саду дома. Там выросла огромная гора желтых камней, гора, которую члены семьи считали большим надежным талисманом.

Только один мужчина или одна женщина из каждого поколения были хранителями правды о бриллианте. Все остальные верили в силу камней...

Пока однажды по неизвестной причине тайна не была утеряна.

Может, отец умер внезапно. Может, сын не поверил тому, что услышал. Но с этого момента кто-то верил в волшебные свойства камней, кто-то ставил под сомне-

ние эту старинную традицию. Но никто и никогда больше не вспоминал о спрятанном сокровище.

Эти сказки,
которые ты только что прочел, —
это всего лишь несколько камней.
Зеленых камней,
желтых камней,
красных камней.
Эти сказки были написаны,
только чтобы указать
какое-то место или путь.
Найти внутри,
в глубинах каждой сказки,
спрятанный бриллиант...
...это каждый должен сделать сам.

ЛИТЕРАТУРА

Бедные овечки: сказка из аргентинского фольклора в обработке Х. Букая.

Беременная кастрюля: вольная версия рассказа А. Х. Халька, «Насрудим».

Бриллиант в огороде: по мотивам притчи из Талмуда в пересказе раввина М. Эдери.

В поисках Будды: вольная версия рассказа М. Менапейса из цикла «Сказки на колесах».

Вопросы: автор Х. Букай.

Глазами любви: по мотивам французской народной сказки в обработке Х. Букая.

Глухая жена: по мотивам рассказа Х. Марроне из народного юмора.

Грудь или молоко: по мотивам народной поговорки в обработке Х. Букая.

Две сказки про Диогена: из двух греческих народных сказок, «Мифы и легенды».

Десять заповедей: христианская притча в пересказе Ф. Джейликса, в обработке Х. Букая.

Детектор лжи: из книги «Истории для размышлений» Х. Букая.

Жена слепого: народная сенегальская сказка в обработке Х. Букая.

Зарытый клад: притча из Талмуда М. Бубера, «Лекет».

Истинная стоимость кольца: упрощенный вариант сефардской притчи.

Казнь: притча И. Шаха, «Мыслители Востока».

Кентавр: детская сказка аргентинской писательницы в обработке Х. Букая.

Киртич-бумеранг: автор Х. Букай.

Клуб девяноста девяти: один из сюжетов Ошо, «Три сокровища».

Конкурс певцов: из книги А. Юнке «Животные умеют говорить».

Король, жаждавший поклонения: притча И. Зельмана, «Невероятный Гоха», в обработке Х. Букая.

Король с изменчивым настроением: из тибетского фольклора, К. Могхама, «Сказки и легенды Тибета».

Кот из ашрама: Ошо, «Священный огонь».

Крылья даны, чтобы летать: из книги «Истории для размышлений» Х. Букая.

Кто ты? По мотивам сказки Дж. Папини, «Трагичность повседневности».

Курица и утята: по мотивам рассказа Р. Троссеро из цикла «Мудрость пешехода».

Лабиринт: из книги «Истории для размышлений» Х. Букая.

Лягушки в сливках: рассказ М. Менапейса, из цикла «Сказки на колесах».

Магазинчик правды: по мотивам рассказа Э. Мелло, «Пение птицы».

На два размера меньше: автор Х. Букай.

Нельзя смешивать: из индийской сказки в пересказе И. Шаха, «Мудрость идиотов», в обработке Х. Букая.

Общий множитель: автор Х. Букай.

Одиночка и коллектив: из А. Борегара, «Мотивационные капсулы».

Переправа через реку: из рассказа С. Самиша, «Коан».

Подарки для магараджи: из сказки И. Шаха, «На что должна быть похожа птица».

Побеги амбу: по мотивам рассказа Р. Троссеро из цикла «Мудрость пешехода».

Привратник в публичном доме: древняя притча из Талмуда в пересказе М. Бубера.

Ради одного кувшина вина: авторская версия сказки Дона Хуана Мануэля, «Граф Луканор».

Самоотвержение: стихотворение Л. Бута в пересказе Дж. Брэдшоу.

Слон на цепи: автор Х. Букай.

Снова монеты: вольная версия еврейской притчи Еврейской сокровищницы Лео Ротена.

Собственнический инстинкт: автор Х. Букай.

Сон раба: из размышлений Сократа в пересказе Л. Кликсберга.

Справедливый судья: из рассказа Мосса Робертса, «Китайские фантастические рассказы».

Столярная мастерская «Эль съете»: авторская версия рассказа М. Менапейса, «Между колодцем и горном».

Упорный лесоруб: из А. Борегара, «Мотивационные капсулы».

Часы, остановившиеся в семь: по мотивам рассказа Дж. Папини, «Слепой пилот».

Человек, сажаящий финики: из сефардской притчи Еврейской сокровищницы Лео Ротена.

Человек, считавший себя мертвым: русская народная сказка в обработке Х. Букая.

Чечевица: по мотивам рассказа Э. де Мелло, «Пение птицы».

Что это за психотерапия?: автор Х. Букай.

Я Питер: по мотивам рассказа Энтони де Мелло.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аль-Кальюби, Ахмад. Сказка и повседневность.

Беттельхайм, Бруно. Психоанализ волшебных сказок.

Вацлавик, Пауль. Язык быстрых изменений.

Гарднер, Мартин. Парадоксы.

Гуго, Анри. Сад солнц.

Джебран, Халил. Пророк.

Кэттен, Генри. Сад наслаждений.

Лафонтен. Басни.

Пино Сааведра, Йоландо. Сказки племени мапуче.

Тауш, Рейнхард и Анне Мари. Психотерапия через беседу.

Фернандес, Марио Р. Американские сказки.

Хайям, Омар. Рубаи.

Хэйли, Джей. Необычная терапия.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	7
Слон на цепи.....	9
Общий множитель.....	12
Каков сукин сын!.....	15
Грудь или молоко.....	18
Кирпич-бумеранг.....	19
Истинная стоимость кольца.....	22
Король с изменчивым настроением.....	25
Лягушки в сливках.....	29
Человек, считавший себя мертвым.....	31
Привратник в публичном доме.....	34
На два размера меньше.....	40
Столярная мастерская «Эль съете».....	45
Собственнический инстинкт.....	49
Конкурс певцов.....	51
Что это за психотерапия?.....	57
Зарытый клад.....	65
Ради одного кувшина вина.....	69
Одиночка и коллектив.....	76
Глухая жена.....	81
Нельзя смешивать.....	84
Крылья даны, чтобы летать.....	89
Кто ты?.....	92
Переправа через реку.....	99
Подарки для магаджи.....	103
В поисках Будды.....	105
Упорный лесоруб.....	111
Курица и утята.....	114

Бедные овечки	117
Беременная кастрюля	120
Глазами любви	125
Побеги омбу	129
Лабиринт	135
Клуб девяноста девяти	139
Кентавр	148
Две сказки про Диогена	152
Снова монеты	155
Часы, остановившиеся в семь	165
Чечевица	169
Король, жаждавший поклонения	172
Десять заповедей	176
Кот из ашрама	181
Детектор лжи	185
Я Питер	191
Сон раба	197
Жена слепого	200
Казнь	204
Справедливый судья	213
Магазинчик правды	224
Вопросы	227
Человек, сажающий финики	233
Самоотвержение	237
Эпилог	244
Литература	250
Дополнительная литература	253

Хорхе Букай
Я хочу рассказать вам о...

Дизайн обложки дизайн-студии «Графит»

Подписано в печать 29.08.2011.

Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 4000 экз. Заказ № 3750и.

ООО «Издательство Астрель».

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ».

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»

600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов